

https://vk.com/belle_books

МАСТЕРА &
НАЕМНИКИ
Доминанты

От автора бестселлеров
по версии
"Нью-Йорк Таймс"

Лекси Блейк

Ее тайны перевернут его мир

Сладкая

Пролог

Арлингтон, штат Вирджиния

Мэйкон Майлз сел и выпрямился, ему потребовалось некоторое время для того, чтобы понять, что звон, который он слышал в голове, на самом деле, доносился от входной двери. Сколько он выпил? Его чуть не стошнило, когда он осмотрелся по сторонам. Мужчина находился в своей дерьмовой однушке на диване, который больше не нравился Элизе, потому что на него помочилась собака или что-то в этом роде. Ее собака, разумеется. Она беспокоилась о собаке, а не о диване или Майлзе.

Мэйкон посмотрел вниз. Шесть месяцев прошло, а он до сих пор проверял. К этому уже можно было привыкнуть, но каждый раз, когда мужчина просыпался, ему нужно было удостовериться.

Ага, у него до сих пор была только одна нога. Одна и четверть второй. Может, чуть больше, но и не треть ноги. Боже, он вел себя как ребенок, который подсчитывал свой возраст в четвертинках и половинках, только Мэйкон делал это с тем, что осталось от его конечности. Одна и сколько? Меньше половины, но больше чем четверть. Да, вот так теперь можно было охарактеризовать его ногу. Может, если бы он лучше знал математику, ему бы и не оторвало ее вовсе.

Раздалась целая череда ударов в дверь, но Майлз проигнорировал их и развалился на диване. Кто бы там ни был — пусть убирается к черту. Наверное, это один из соседей снова пытался продать ему метамфетамин. Да, ну и местечко.

Он устался на свой потолок, и попытался найти у себя хоть какое-то подобие силы воли. Сделать хоть что-нибудь. Слезть с дивана. Дышать. Охрененно жить.

Не-а. Она, по-видимому, была подорвана и превратилась в дерьмо вместе с его ногой. Мэйкон оставил свою силу воли в Афганистане вместе с собственной конечностью. Майлз рассмеялся. Жизнь и здоровье. Он обещал отдать все для своей страны и отдал. Его нога была принесена в жертву всемогущему СВА (прим. пер.: Сухопутные Войска Армии США).

Кстати, и его бывшая жена тоже была принесена в жертву. Она пожертвовала своим браком, своей моралью, достоинством, и, вероятно, шансом на будущие оргазмы, потому что ее новый мужчина был эгоистичным засранцем.

К несчастью, этот засранец был старшим братом Мэйкона.

Он закрыл глаза. Стук, наконец, прекратился. Может быть, теперь он сможет полежать в тишине или, по крайней мере, найти еще одну бутылку виски.

И если он пойдет за виски в магазин, то нужно было не забыть купить сахар и яйца.

С этой мыслью он сел. Сегодня вечером по кабельному каналу будут показывать “Войны Кондитеров”. В нем все были эгоистичными мудаками, но ему отчасти нравилось это шоу. Ладно. Он был им одержим. В одном из ящиков, которые Элиза отправила на его новый адрес, находилась кухонная утварь, которую они редко использовали. Она, безусловно, не притрагивалась к готовке, а он рвал свою задницу в центре мира, таким образом, кухонные приборы, которые им подарили на свадьбу, были почти новыми.

Однажды, в перерывах между ужасно болезненными сеансами физиотерапии, Мэйкон открыл старую книгу рецептов своей матери. Он, действительно, не знал эту женщину. Она умерла задолго до того, как у него появились воспоминания вообще, но его мачеха в необычном порыве сентиментальности сохранила ее книгу рецептов. Это был блокнот, исписанный заботливой рукой его матери.

Мужчина открыл книжечку и почувствовал какую-то связь с той женщиной, которая подарила ему все годы его жизни. Он коснулся страниц и прочитал слова. Первый рецепт был для шоколадного пирога, и он улыбнулся, увидев последний ингредиент. Любовь. Мама нарисовала сердечко рядом с этим словом.

Все рецепты его матери всегда включали в себя любовь. Любви, конечно же, у него сейчас не было, но ему очень нравилось импровизировать с десертами. Майлз был удивлен, обнаружив, что у него это неплохо получалось.

Эх, если бы армейские приятели видели его сейчас...

Он мельком подумал о сестре Ронни. Ронни Роу был новичком. Мэйкон все еще смутно помнил встречу с ним в тот день, когда он присоединился к его команде. Ронни был настолько зеленым, что его вырвало после первой же перестрелки. Он практически и не знал Роу до того дня...

Его сестра продолжала названивать, но мужчина не мог поговорить с ней. Пока нет. А может быть вообще никогда. Он выглядел уже не так превосходно как раньше, поэтому Майлз не хотел, чтобы сестра Ронни когда-нибудь встретила с ним. Он спрашивал себя, была ли она похожа на Ронни. Тот был высоким дурнем с рыжими волосами и веснушками.

А затем он стал всего лишь телом, лежащим на земле. Он стал вообще ничем, и Мэйкон оставил его. Иногда он просыпался в середине ночи от кошмара, что тело Ронни все еще лежало прямо около него, с пустыми открытыми глазами, напоминая ему, что он был единственным, кто остался там навсегда.

Иногда он думал, что должен был позволить забрать Ронни оттуда. Пуля в голову, возможно, была более легким выходом, чем этот медленный, душераздирающий марш.

Звук открывающейся двери выдернул Мэйкона из своих мыслей, и его пульс утроился. Мужчина осмотрел комнату. Черт, куда он положил свою ногу? Нет. Хрен с ней, с этой ногой. Ему нужен был пистолет. Куда он, твою мать, делся?

И где же это чертово желание умереть, когда оно так нужно?

— Мэйкон? Не подстрели меня.

Майлз замер. Он не слышал этот голос уже много лет. Нет. Мэйкон не мог этого сделать. Это последнее, что ему сейчас было нужно. Он просто видел долбаный сон, в котором его брат собирался заставить его почувствовать себя дерьмом. Не самый старший. Не тот, который сбежал с его женой. Нет. Этот был еще хуже. Голос, который он услышал, принадлежал Адаму — брату, которого он обидел сам. Последний человек в мире, которого он хотел видеть — это Адам, потому что он был единственным, кого Мэйкон не мог ненавидеть.

Он часто задавался вопросом, если бы его мать была жива, позволила бы она всему этому произойти? Смотрела ли она на них сейчас сверху? Плакала ли от того, что вся ее семья развалилась?

— Привет.

Мэйкон открыл глаза и еще раз убедился, что это был не сон. Его брат стоял перед ним, одетый как какая-то сраная кинозвезда, и выглядел моложе, чем Майлз себя чувствовал.

— Как ты сюда попал? Тебе лучше уйти.

Адам усмехнулся, как будто бы не ожидал такой реакции.

— У тебя серьезные проблемы с безопасностью, братишка. Я вскрыл этот замок в два счета. Это место похоже на мотель с одной звездой для тараканов. Хотя я думаю, что даже тараканы бы тут не остановились.

А вот тут он ошибался. Мэйкон постоянно гонял этих омерзительных тварей, но они каждый раз возвращались обратно. Адам. Боже. Его брат стоял прямо перед ним, и Мэйкону стало интересно, для чего он пришел. Чтобы отомстить? Чтобы увидеть, как низко пал его младший брат?

Разве это важно? Первым порывом было сказать ему, чтобы тот валил отсюда, но теперь, когда брат стоял здесь, он готов был умолять его остаться. У них с Адамом была небольшая разница в возрасте. У Алана не было времени на младших братьев, но Адам всегда был терпелив и нежен с ним. Даже когда они разозлили отца, решив бороться за позицию, а не относиться друг к другу как к кискам, которые не могли выдержать удар кулаком.

Пошло все в задницу. Он не хотел больше бороться. Каждая минута каждого дня была похожа на борьбу, и вот сейчас Адам был здесь, а Мэйкон снова боролся. Он хотел наладить отношения с братом.

Но мужчина утратил это право.

Адам принялся, когда зашел в комнату.

— Да... здесь гораздо хуже, чем в твоей комнате в общежитии. И что это за запах?

Тут могло пахнуть чем угодно. Он две недели не чувствовал запахов в своей новой жизни. Возможно, он выписался из больницы, и антисептическая вонь переехала сюда вместе с ним.

Майлз попытался выпрямиться. Боже, ему бы зубы почистить. Его рот по-прежнему на вкус, как дешевый виски.

Должно быть, это был его единственный шанс. Когда он думал, что умирает, то сожалел об одном — он никогда не говорил Адаму о своих чувствах. Возможно, Адам пришел отомстить, и Мэйкон позволит ему это сделать. Он это заслужил. Мэйкон был дерьмом, и какой бы приговор Адам не вынес, это будет ничто по сравнению с ненавистью, которую мужчина испытывал сам к себе. Но он задолжал Адаму кое-что, и теперь, когда тот стоял прямо здесь, Мэйкон был полон решимости заплатить по счетам.

— Прости, Адам. Ты должен знать, я каждый день думаю о том, что натворил.

Его брат, мягко говоря, вел другой образ жизни. Когда его выгнали из армии за нарушение принципа “не спрашивай — не говори”, Мэйкону посоветовали ограничить с ним общение. Майлз не избегал его, не совсем, но он и не боролся за своего брата. Мэйкон не заступился за Адама, как Адам бы заступился за него.

— Я пытался... нет, я мог бы и лучше попытаться... Я должен был уйти. Я должен был послать их нахер. Вы с Джейком отличная пара. Вы должны быть счастливы.

Адам застонал и посмотрел вокруг, в попытке найти чистое место, чтобы присесть. В итоге, он остался стоять.

— Чувак, мы не любовники. Я — натурал. Джейк — натурал. Я никогда не прикасался к этому старому пердуну и никогда не буду. Мы просто делимся.

— Делитесь? Типа, любовью и все такое?

Что-то в его голове не складывалось.

Брат глубоко вздохнул, и Мэйкон был уверен, что выражение лица Адама говорило о том, что его брат — тупица.

— Разве СВА взорвало твой IQ? Мы делим женщин. Мы делаем это на протяжении многих лет. Вот почему нас выгнали из армии. Наш “тройничок” со старшим офицером застукали. С женщиной-офицером, на которую положил глаз генерал. Он не отнесся

благодаря к нарушению. Папа — тот человек, который сказал тебе, что я — гей. Вот где сюрприз. Отец солгал.

— “Нет ничего плохого в том, что он был геем. Это естественно”. Майлз некоторое время пытался спорить с отцом и Аланом, но Элиза всегда закрывала ему рот. Она хотела построить новый дом, а сделать это можно было только при помощи дорогого папы. Мэйкон попытался убедить ее потерпеть, но она все плакала и плакала, и он предал своего брата, в конце концов, потому что было легче отпустить Адама, чем бороться со всеми остальными.

Мэйкон был гребаным трусом.

— В нашей семье гомосексуализм не считается нормальным событием, но я рад, что ты так к этому относишься. У тебя всегда было свое собственное мнение, — Адам, наконец, расчистил себе место на кофейном столике и сел напротив Мэйкона.

— Ты звонил и сообщал мне важные новости. Ты звонил мне, когда заболел отец. Сколько неприятностей ты на себя этим навлек?

— Это не имеет значения. Ублюдок продолжает держаться. Его выздоровление, кажется, затянулось.

Последний раз, когда он разговаривал со своим отцом, старик посоветовал Майлзу отсосать у него, и, конечно же, Элиза предпочла Алана. У Алана было больше целых конечностей, чем у Мэйкона.

С тех пор он больше не общался с семьей.

— Ты многим рисковал, когда звонил мне, но не удосужился сообщить мне о том, что чуть не умер? Ах, да, был один пьяный звонок две ночи назад, из-за которого я сюда приехал, но я мог бы получить и твое трезвое сообщение. Тебе повезло, что я не менял свой мобильный номер все эти годы.

Дерьмо. Он, правда, это сделал? Майлз почувствовал смущение.

— Бл*ть. Я не понимал, что делаю. Я, вроде как, потерял свой телефон. Мне не следовало вообще тебя беспокоить.

— Следовало. Ты должен был позвонить мне, когда был в Рамштайне. Ты должен был позвонить мне, когда вернулся домой и понял, что твоя жена трахается со старшим братом, и что они оба тебя поимели. Какого хрена ты делаешь в этой крысиной норе?

Он уже и забыл, что Адам мог играть роль отца время от времени.

— Я не могу позволить себе ничего другого. Папа вычеркнул меня из своей жизни, а армейское выходное пособие не такое уж и большое. Элиза была замужем за мной достаточно долго, чтобы отсудить половину страховки, которую я получил за ногу.

Страховка выплатила ему сто тысяч за увечье. Элиза взяла пятьдесят тысяч и, в свою очередь, поделилась половиной своего опустошенного счета кредитной карты. Охрененно щедро с ее стороны.

— Как ты добираться до больницы?

— На автобусе.

Походка Мэйкона была все еще неустойчивой с этим чертовым протезом. Он несколько раз падал и чувствовал прожигающее насквозь унижение.

Адам вздохнул.

— Ты едешь домой со мной. Скажи, что из твоей хрени нужно упаковать? И где твоя чертова нога? Разве она не должна быть рядом с тобой?

Брат встал и начал ходить по квартире, тыкая во все подряд. Мэйкону было стыдно за то, что его вещи были везде разбросаны. Его учили быть аккуратным, тому, что все должно

лежать на своих местах.

— Адам, я не могу поехать с тобой.

Адам обернулся.

— Почему нет?

Он не смог придумать ни одной причины. Ни одной. Мэйкон ненавидел свою жизнь. Да и семьи у него больше не было.

Он мог бы начать новую жизнь. Может, в Далласе он не будет бездельничать, а также пить днями напролет. Может, если Мэйкону не будут постоянно напоминать, что он потерял, то мужчина сможет построить что-то новое. Он ведь хотел этого?

Адам подошел к нему, встал рядом, положив руку Майлзу на плечо. Это был первый раз за несколько лет, когда он сблизился с братом.

— Прежней жизни больше нет, Мэйкон. Конечно, ты можешь попытаться вернуть все назад, если хочешь...

— И через миллион лет не захочу. Я не могу смириться с мыслью об этой женщине. И Алане. И... Боже, я ненавижу их обоих, Адам. Я, бл*ть, ненавижу их всех. Это сжирает меня изнутри, я не хочу ничего делать, но помню, как сильно их ненавижу.

— Тогда поехали в Даллас и начнем все сначала. У меня есть сын. Я обещаю, у тебя не получится одновременно находиться рядом с ним и заикливаться на ненависти, которая поселилась у тебя внутри. Ты можешь пожить в гостевом доме, если он тебе понравится. Это обычный дом. Когда мы переехали, мы купили два земельных участка и сохранили постройку на одном из них, пока на втором строили дом своей мечты. Теперь мы оставили его для родственников. У Джейка большая семья и это действительно проще, не делить дом со всеми ними. Ты можешь остаться там, а я найду физиотерапевта по соседству.

У Адама был ребенок? Сын? У Майлза был племянник? Он не мог позволить племяннику увидеть его таким. Мэйкон должен был привести себя в порядок. Он должен был протрезветь. Блин. У него была семья. Адам предлагал ему стать ее частью.

— Мэйкон?

Мэйкон снова сконцентрировался.

— Зачем? Зачем ты помогаешь мне?

Адам вздохнул и наклонился вперед.

— Потому что ты — мой брат. Потому что я давно усвоил, что жизнь слишком коротка, чтобы держать обиду, или чтобы тратить ее на ненавистные нам вещи, которые мы не можем изменить. Я хочу, чтобы мой сын познакомился хотя бы с одним своим дядей. Я хочу быть тебе братом, и я определенно не хочу присутствовать на твоих похоронах, но уверен, что к тому это все и приведет, если ты не поедешь со мной.

В один момент, в памяти Майлза всплыл эпизод, такой явный, как будто это случилось вчера. Он стоял в дверях, и наблюдал, как его старшие братья садились в машину, чтобы поехать в школу. Мэйкон был еще слишком мал, чтобы поехать с ними, а Алан и Адам собирались стать солдатами, как и их отец. Они должны были надолго уехать в какое-то место типа школы-интерната.

И когда он думал, что они уйдут без лишних прощаний, Адам вернулся обратно и обнял Мэйкона.

— Я буду скучать по тебе.

Они не должны были обниматься, но это казалось таким правильным. Он держался за своего брата, пока отец разнимал их и тащил Адама к машине.

Мэйкон уже со всем смирился, но Адам не оставил его за это время. Несмотря на все, что произошло, Адам был здесь.

Майлз мог остаться, и позволить ненависти пожирать его всю его гребаную жизнь, или он мог начать все сначала.

— Мой протез находится в ванной комнате, но я, видимо, разбил им зеркало, так что будь осторожнее.

— Тебе нужно посетить психиатра, — покачал головой Адам.

Он бы посетил, если бы Адам посоветовал ему. Последний раз мужчина слушал чьи-либо советы в далеком прошлом.

— И, кстати, мне не так уж много собирать вещей.

Кое-какие шмотки и книгу. Книгу рецептов его матери.

Возможно, она пригодится.

Сара Эллисон Джонс уставилась на надгробия. Одно совсем свежее, другому было всего несколько месяцев. Она потратила все деньги, которые откладывала, на эти две плиты из мрамора и бетона.

Солнечный свет пролился на могилы. Стоял великолепный день в Джорджии, но это походило на самое большое оскорбление. Трава была зеленой, а форзиция в полном цвету. Везде, куда ни посмотри, мирно оживали растения. Кладбище — контрастное место — сад зеленого цвета для мертвых.

Она хотела, чтобы пошел дождь. Сара хотела, чтобы растения сгнили, а небо рухнуло.

Она хотела снова стать девушкой, которой была до смерти Ронни. Нет. До болезни ее матери. Неужели столько времени прошло с тех пор, как она смеялась, дразнила и чувствовала, что у нее есть будущее?

— Ваша мать была доброй женщиной, — произнес мягкий голос. Когда Сара обернулась, то увидела проповедника. Преподобный Алтон был хорошим человеком. Она ходила в его церковь, с тех пор как была подростком. — Последние несколько месяцев ее жизни были ненормальными.

Последние несколько месяцев ее жизни были полны боли и лжи. Мучения от рака легких и лживые сообщения из армии. Ее мать отправила своего единственного сына воевать за свою страну. И все, что к ней вернулось — это сосновый ящик и ложь о том, как он умер.

Ронни не был ее родным братом. Сара была приемным ребенком, который выиграл в лотерею. Ей было тринадцать, когда Карла Роу согласилась воспитывать ее до тех пор, пока Сара не найдет постоянный дом. Несколько месяцев превратились в годы, и этот дом стал лучшим, чем те мучения, которые она перенесла раньше.

Как все это могло закончиться? Как они могли оказаться здесь? Или эти годы счастья были минутной передышкой? Теперь ее жизнь снова будет проходить в нищете?

— Она была зла после того, как Ронни умер.

Так или иначе, у нее была потребность защитить свою приемную мать. Сара коснулась арки могильного камня, почувствовав прохладный камень под своей ладонью. Она молилась, чтобы Карла попала в рай и воссоединилась со своим сыном снова.

Милый, бестолковый Ронни, ее брат. Он был добр и умен, и порой ей даже приходилось защищать его от хулиганов, когда они учились в школе. После ее окончания, они оба работали по всему городу, чтобы накопить деньги на колледж. Даже тогда здоровье ее матери уже стало ухудшаться. Сара не могла уехать из их маленького городка, боялась, что

что-то случится с Карлой. Наконец, за восемнадцать месяцев до этого, Ронни принял решение пойти в армию. Ему было двадцать четыре, и никаких реальных перспектив в ближайшем будущем. Было трудно представить его в армии, но когда он вернулся домой, то был настоящим солдатом. Он накачал мышцы и завоевал доверие. Ронни ушел, потому что у него не было денег на колледж, и теперь он был мертв.

Преподобный Алтон положил руку на надгробие Ронни.

— Он был хорошим сыном. Хорошим человеком. Я не могу сказать тебе, почему Господь решил забрать его к себе так скоро.

Сара не нуждалась в этих банальностях.

— Я не думаю, что это дело рук Господа.

К сожалению, она была вполне уверена, что все произошло не так, как сообщало армейское руководство. Они были уклончивы. Отчетам о смерти ее брата недоставало подробностей и единственный человек, который был там тогда, не желал говорить с ней.

— Сара, твоя мать не хотела бы слышать горечь в твоём голосе.

Сара встала.

— Моя мать была единственной, кто попросил меня выяснить, что случилось. Это было ее последнее желание.

— Ты хочешь отдать все, что у тебя осталось? Вы уже потратили все свои сбережения на частных детективов и адвокатов.

Она потратила все. Ей уже пришлось продать дом, чтобы оплатить счета за длительные разборы ее матери. Деньги, которые выплатила страховая компания, были потрачены туда же. У нее ничего не осталось.

— Я должна уважать ее желание.

— Нет, не должна, — вздохнул преподобный.

— Серьезно? Священник говорит мне наплевать на предсмертное желание женщины? Звучит совсем не по-божески.

— Господь добрее, чем мы думаем, Сара. Твоя мать не рассуждала здраво. Ее мучили боли, и ее рассудком управляли сильнодействующие наркотические обезболивающие. Она не хотела бы, чтобы ты поставила под угрозу все свое будущее.

У нее не было будущего. Ее шанс пойти в колледж был упущен. Ей было почти двадцать шесть, и она провела большую часть последних пяти лет, ухаживая за своей матерью и работая на бесперспективных рабочих местах, чтобы попытаться помочь оплатить нескончаемые медицинские счета. В их крошечном городе отсутствовали всякие возможности, именно поэтому Ронни пошел в армию. Он передавал каждую часть зарплаты, которую мог отложить. Не то, чтобы это имело значение сейчас. Сейчас все закончилось, и она думала, что будет чувствовать некоторое подобие облегчения. Вместо этого ее оставили с этой ноющей дырой внутри, которую ничто не могло заполнить.

Возможно, если бы она узнала правду, ее мать могла бы покоиться с миром.

— Сара? — окликнул ее преподобный. — Сара, ты слишком эмоциональна, чтобы принимать решения. Вернись в приходской дом. Ты можешь остаться там на некоторое время. Побудь няней в детском саду и поддержи младенцев на руках. Это заставит тебя чувствовать себя лучше. Через несколько месяцев ты будешь в лучшем состоянии, чтобы принять решение о своей жизни.

Она уже приняла решение. Деньги закончились, так что теперь девушка будет проводить свое собственное расследование.

Она собиралась найти Мэйкона Майлза и узнать у него, как умер ее брат. И если он был к этому причастен... ну, об этом она тоже сможет позаботиться.

Глава 1

Даллас, штат Техас

Два месяца спустя

Мэйкон наблюдал за новенькой. Мужчина ничего не мог с собой поделать. Она была такой сладкой. Как шоколадное суфле. К ней требовался очень аккуратный подход, чтобы довести с ней дело до конца. Одно неправильное движение и такая женщина как она, закроется, завянет словно цветок, или просто пошлет его на хрен.

А он очень не хотел, чтобы она его туда посылала.

Элли. Эллисон Джонс. У нее были темные волосы и соблазнительная фигура, которую идеально обтягивали черные слаксы и белая рубашка. Никому из обслуживающего персонала не удавалось так выглядеть. Она наклонилась, когда собирала меню. Это был самый сочный зад, который Мэйкон когда-либо видел. У нее была ох*енная попка, и мужчина почувствовал, как его член начал твердеть.

Это не было полезно для его текущей рабочей обстановки, но Майлз все еще не мог оторвать от нее глаз. Его взгляд как лазер, сфокусировался на ее великолепной заднице.

Он двигал кондитерским блендером снова и снова, пока заставлял ингредиенты смешиваться в однородную массу. Масло, мука, сахар, жир, соль и ледяная вода. Идеальный корж. Простой, но все-таки очень сложный, поскольку требовалось не просто следовать рецепту. Нужна была необходимая гармония, которая у большинства людей отсутствовала, определенная дзен, которая придавала блюду смысл.

— Не возись слишком долго, — Тимоти Гейдж сунул свой аристократический нос в миску. — У нас предварительный заказ на сто блюд сегодня. Если корж не будет идеальным, я отправлю тебя обратно мыть посуду.

Мэйкон глубоко вздохнул и заставил себя не исправлять этого неприятного пафосного начальника. Он никогда не мыл посуду. Когда Майлз приехал в “Верхние”, он был нанят старшим менеджером, который готовил салаты и помогал с маленькими заказами. Это продолжалось две недели, пока однажды не вошел брат шеф-повара. Йен Таггарт был огромной горой мышц с пристрастием к лимонам. Тимоти не замолвил и словечка за Майлза. Гейдж был художником, по крайней мере, так он называл себя. Но, честно говоря, он был просто придурком, который возомнил себя слишком серьезным человеком. Пока Шон Таггарт — владелец “Верхних”, уговаривал своего брата вести себя разумно, Мэйкон быстро сделал лимонный пудинг.

Мэйкон продвинулся от нарезки салатов до помощника кондитера в тот же день, и установил хорошие взаимоотношения с Большим Таггом. Его жена была беременна, и ей безумно хотелось кокосы. Он сделал кокосовое печенье, кремовые пирожные и торт для прекрасной Шарлотты.

Хорошо быть нужным человеком. Майлзу было приятно делать кого-то счастливым.

— Вот это попка, — Тимоти прислонился к стене, чтобы поглазеть на Элли.

Иногда Мэйкон действительно не любил этого человека. Всегда, на самом деле. Он был весь из себя важный, обучался в какой-то супермодной школе в Париже. Шон представил его, как грамотного специалиста, и сказал, что Мэйкон мог бы многому у него научиться.

Единственное же, что Майлз действительно узнал — что Тимоти любил отлынивать от работы и присваивать себе все заслуги, кроме того, он еще и пил на работе.

Элли посмотрела вверх, и взгляд ее темных глаз встретился с его взглядом. Он надеялся, что не смотрел на нее как сумасшедший преследователь, но было очень трудно отвести от девушки взгляд. Она улыбалась и шутила, но Майлз чувствовал ауру потери, которая окружала ее. Мужчина хотел узнать, почему иногда Элли была настолько грустной, как будто бы была стена между ней и остальным миром. Мэйкон хотел сказать ей, что эта стена ни к чему.

Глупая идея. Он о себе-то не мог толком позаботиться, а об остальных и подавно, поэтому он держался от нее на расстоянии.

Однако, с того момента, как она зашла к ним на кухню, он не был в состоянии прекратить думать о ней.

Девушка прижала меню к своей груди, как только вошла. Элли остановилась напротив кондитерской станции. Намек на улыбку коснулся ее полных губ.

— Что у нас на сегодня?

Тим подошел к ней.

— Цитрусовые тарталетки и манговый щербет. Но если ты хочешь, я могу сделать для тебя что-нибудь шоколадное. Я знаю, у персонала, как правило, недалекий вкус. Я приготовлю специально для тебя, дорогуша.

Элли нахмурилась и снова посмотрела на Мэйкона.

— Ну, в любом случае, все это выглядит вкусно. Увидимся позже.

Мэйкон кивнул ей и повернулся к Тимоти.

— Почему ты оскорбил ее? Есть причина?

Тимоти отмахнулся от него.

— Как будто она знает, что такое вкус. Если бы я знал, с кем придется здесь работать, я бы остался в Европе, — он сделал глоток из чашки, в которой, Мэйкон был уверен на сто процентов, было больше виски, чем кофе. — Это место полно конченных идиотов. У Таггарта слишком мягкое сердце, чтобы преуспеть в этом бизнесе. Он блестящий повар. У него просто нет соответствующего персонала. Одно дело использовать своих армейских приятелей для мытья посуды. Но другое — притворяться, что они, на самом деле, умеют готовить.

Да, это то, что Майлзу приходилось выслушивать. Было намного лучше, когда Тимоти работал, как он сам говорил, над достойными десертами и оставлял Мэйкона одного для подготовки второстепенных блюд. К сожалению, на сегодня манговый щербет уже был готов, поэтому Мэйкону приходилось выслушивать тирады Тимоти.

Да и хрен с ним. Он не собирался испоганить эту работу. Мэйкон задолжал Адаму слишком много. Адам познакомил его с Шоном. Адам дал ему эту работу. Майлзу нельзя было терять самообладание.

Он вернулся к своему коржу.

Тимоти допил кружку и хлопнул Мэйкона по плечу.

— Заканчивай. А я пойду решу кое-какую проблему.

Тимоти вышел, и Мэйкон снова свободно задышал. Он позволил звукам на кухне поглотить его. Ему здесь нравилось. За единственным исключением — Тимоти, он со всеми ладил. Шон Таггарт любил нанимать военных. Шеф Таггарт был бывшим зеленым беретом, а его кухонный персонал, казалось, побывал во всех родах войск. Су-шеф был бывшим морским

котиком, специалист по соусам — бывшим пилотом ВВС (прим. пер.: Военно-Воздушные Силы). Повара — все морские пехотинцы. Даже сомелье какое-то время служил в береговой охране. Остались только Тимоти и несколько официантов, которые были гражданскими лицами.

Майлз сюда вписывался. Он был не единственным травмированным неудачником.

Его жизнь вошла в приятный ритм. Пробуждение, физическая нагрузка с его братом и Джейком, ланч с его невесткой, которая задавала безумное количество вопросов, работа и сон. Он проходил физиотерапию три раза в неделю и дважды чувствовал сокращение мышц. А еще ему нравилось делиться с Каем Фергюсоном теми вещами, которые он никогда не говорил другому человеку.

Кай предполагал, что Мэйкон что-то от него скрывал и не договаривал. И так оно и было. Одну вещь он никому не мог рассказать. Никогда. Он унесет это с собой в могилу.

Майлз оттолкнул эти мысли в сторону и сосредоточился на коржах.

— Ты идешь с нами вечером? — белый фартук Эрика Вейла был до сих пор не запачканным, даже на данном этапе подготовки. Су-шеф был худым мужчиной примерно сорока лет, с кривым шрамом, идущим от его правого глаза к челюсти. Он также был лучшим чертовым шеф-поваром после Большого босса. Сибас Эрика перевернул внутренний мир Майлза.

Мэйкон решил, что люди, которые были вынуждены питаться сухим пайком на протяжении большей части своей жизни, относились к еде серьезно.

— Я собираюсь сегодня закрыться.

Ему нравилось закрываться по воскресеньям. Да, это занимало больше времени, так как они не работали по понедельникам, и после закрытия Мэйкон помогал Шону с бухгалтерским учетом. Таким образом, он изучал управление бизнесом. Как только Майлз предложил помогать с книгами, Шон очень вдохновился идеей всему его научить. Он помогал с бухгалтерским учетом и платежными ведомостями. Жена Шона — Грэйс, провела не один час, пока обучала его, как использовать бухгалтерское программное обеспечение. Он любил печь, но ему также нравилось чувствовать, что он приложил руку к работе бизнеса.

Эрик покачал головой.

— Ты сумасшедший, брат. Я выпью за тебя текилу. А может быть и нет, так как я видел, что ты закрываешь ресторан с прекрасной Элли. От моего внимания не ускользнуло, что ты за ней наблюдаешь.

— Я не слежу за ней.

Не правда. Ему просто нравилось, как она двигалась, когда думала, что никто на нее не смотрел. После закрытия, они включали какую-нибудь музыку, и девушка пританцовывала и подпевала слова, если знала песню.

Эрик закатил свои зеленые глаза.

— Я этого не говорил. Я сказал, ты, очевидно, для нее что-то значишь. Я думаю, ты должен пригласить ее на свидание.

Мэйкон не был так уверен в этом.

— Я не в том положении, чтобы заводить себе подружку.

Эрик нахмурился и наклонился.

— Если тебе не наплевать на эту девушку, то тебе следует пересмотреть свою позицию.

— Что это значит?

— Я разговаривал с Диной, — у Эрика были теплые отношения с хозяйкой. Она была симпатичной блондинкой, которую, похоже, не волновало все это дерьмо с его шрамами. Она вся сияла, когда он входил в комнату. — Никто не знает, где живет Элли. Пара ребят спрашивала ее, но она их всех с улыбкой отшила.

Майлз не был дураком. Обслуживающий персонал тесно общался между собой. Они присматривали друг за другом. Даже спустя несколько недель, кто-то должен был побывать у Элли дома. Эрик был прав, на счет ее улыбки. Когда она улыбалась, то каким-то образом комната становилась светлее.

— Может, она живет с другом.

— Или, может, она живет в этом куске дерьма под названием “Форд”, который всегда припаркован на улице ночью, когда она работает. Я проходил мимо него, когда Дина упомянула об этом. Пара одеял и подушки лежат на заднем сидении. Я тебе говорю, если тебе нравится девушка, то лучше сказать ей об этом, потому что кто-нибудь проявит к ней интерес рано или поздно. Как только Шон Таггарт выяснит, что один из его сотрудников живет в своей машине, он тут же возьмется за это. Мы не просто так называемся “Верхними”, брат, — Эрик положил руку на плечо Майлза. — У тебя есть время выяснить это.

Это была игра слов. Ему не потребовалось много времени, чтобы все понять. Его брат говорил, что большинство его друзей, включая Шефа Таггарта, увлекались БДСМ. Они играли по большей части, но ни одного мужчины там не было, который бы не взял на себя ответственность за женщину, которая в этом нуждалась. Они вмешаются и помогут, ведь посчитают, что это правильно.

Ему отчасти нравились друзья брата.

Эрик отошел и оставил Мэйкона с дилеммой в голове.

Он не подходил Элли. Не было никаких сомнений. Майлз только сейчас начал заниматься своими обязанностями, и брать на себя еще и другие, возможно, было не самой лучшей идеей. Он был, как будто, ядовитый.

Но лучше уж ядовитый, чем бездомный? Она была сладкой. Она была грустной. Она работала на износ каждую ночь, и он замечал, что девушка помогала остальным, когда они не справлялись. Когда кухня работала медленно, Элли шла к ним и пыталась им помочь. Должен же кто-то присматривать и за ней? Мэйкон слышал, что у нее не было семьи. Она всегда отказывалась ходить на вечеринки и предпочитала работать допоздна. Возможно, девушка пыталась накопить денег себе на жилье.

Ему не нравилось, что она спала в своей машине. Это было опасно.

В гостевом доме было две спальни. Гостевой дом его брата был больше, чем дома у большинства людей. Адам постарался на славу. Он не запретил бы ему привести сбившегося с пути человека. Черт, они, вероятней всего, встретят ее с распростертыми объятиями. Семья Майлза с удовольствием приютит бездомную.

Мэйкон закончил с коржами и пошел мыть руки. Может, настало время задать Элли несколько вопросов.

Может быть, настало время прекратить наплевательски относиться к кому-то, кроме себя.

Элли разложила новое меню. Оно менялось каждую ночь, потому что Шон Таггарт любил использовать свежие ингредиенты. “Верхние” покупали продукты с фермы. Шон

договаривался с местными хозяйствами обо всем, и Элли могла с уверенностью сказать, что он был чертовски хорошим шефом. Она выросла на тех продуктах, которые ее мама покупала со скидкой, но обнаружила, что ей очень нравился сибас и полента, и, Боже, девушка могла есть ризотто целыми днями.

И выпечку Майлза. О, хоть Тимоти-задница и присваивал себе чужие лавры, но Элли наблюдала за работой Мэйкона. Он делал самые воздушные коржи и самый насыщенный шоколадный мусс.

Кроме того, он был самым чертовски соблазнительным мужчиной, которого она когда-либо видела, а Элли не была женщиной, которая использовала слово “соблазнительный” необдуманно.

За несколько недель, которые девушка отработала в “Верхних”, она могла бы поклясться, что набрала десять фунтов. После окончания смены персонал должен был поесть. Здесь у нее была лучшая еда в жизни. Для нее наступили, в некотором роде, хорошие времена. Элли думала, что может ладить только с мамой и Ронни, но в этом месте она уже начинала чувствовать себя как дома.

— Привет. Я слышала, что все собираются в “Дип Эллум” сегодня после работы, — Дина взяла меню и положила их в корзину на стойке администратора. Она была бесконечно грамотной женщиной в свои тридцать с хвостиком, а также всегда улыбающейся и душевной личностью. — Скажи мне, что ты идешь с нами. Мы хотим потанцевать.

Как ни странно, но идея пойти в клуб не привлекала. Она была молода, одинока и ни с кем не имела никаких отношений, но все, чего хотела Элли — это иметь дом с телевизором и теплой постелью, в которой она могла бы прижаться к Мэйкону Майлзу, лежащему с ней рядом.

Что за черт. О чем она думала, вообще? Мэйкон был ее целью. Мэйкон был единственным, кто мог рассказать ей, что на самом деле случилось с ее братом. Отчеты не имели смысла. Она знала, что армия могла прикрыть чью-то смерть, и была уверена, что так и произошло с Ронни.

Убил ли ее брата Мэйкон? Почему-то она так не думала. Или ей просто не хотелось в это верить. Она устроилась в “Верхние” с намерением противостоять ему. Девушка хотела посадить Мэйкона на стул и заставить его поговорить с ней. А потом она увидела его. Когда Элли постучала в заднюю дверь, он открыл ее. Майлз вытер руки о фартук и улыбнулся ей самой милой улыбкой, которую она когда-либо видела, а потом спросил, что ей нужно. В этот момент ее мозг и рот перестали понимать друг друга. Элли запнулась и сказала ему, что искала работу, и в тот же вечер девушка уже обслуживала столики.

Что бы он почувствовал, если бы узнал, что она неспроста пришла туда? Элли обещала себе каждую ночь, что расскажет Мэйкону правду, и каждую ночь она все откладывала. Теперь девушка закопалась слишком глубоко. Она была поймана в ловушку своих собственных действий.

— Я не могу. Я закрываю ресторан сегодня.

Это был идеальный предлог, и ей очень нравилось его использовать. Элли взяла себе все дополнительные смены, с которыми могла справиться. И еще она любила тишину после закрытия ресторана. Когда Шон включал музыку, то все вокруг, казалось, замедляло свой ход. Они садились и ели поздний ужин. Иногда жена Шона — Грейс, присоединялась к ним, и было очень приятно наблюдать, насколько сильно они любили друг друга. Если Грейс приносила с собой дочь, то Элли могла поиграть с ребенком.

— Ты всегда закрываешь, — нахмурилась Дина, — когда-нибудь ты все же должна присоединиться к нам и повеселиться.

— Конечно, — она протянула Дине ластик для доски.

Элли объяснила желание дополнительно работать тем, что была новенькой. Она не могла объяснить, что у нее не было денег для того, чтобы снять квартиру. Девушка до сих пор оплачивала больничные счета своей матери. Ее мама была бы так горда.

Дина вздохнула.

— Ты можешь вынести мусор? Уборные чистые, но в холле мусорная корзина переполнилась. Клянусь, Хавьер складывает в нее мусор со своего фургона. Я ему двадцать раз говорила, чтобы нес его обратно.

Элли кивнула и пошла в переднюю часть здания. Корзина была только наполовину полной, но она все же решила вынести мусор. Девушка быстро вытащила мусорный пакет и закрепила новый, который лежал рядом для таких вот случаев.

— Спасибо, дорогуша! — Дина подмигнула ей. — Ты самая лучшая. Все большие заказы сегодня твои.

Элли усмехнулась и пошла к задней части ресторана. Она прошла через кухню, наслаждаясь запахами и шумом готовки.

Девушка уже работала раньше на нескольких работах. До того, как ее мама заболела, она работала в местном фастфуде. Это было мерзкое место, хотя Элли наслаждалась общением с персоналом. Она работала на двух работах, после окончания школы, и экономила каждый цент на протяжении четырех лет. После того, как Ронни ушел на службу, она чувствовала себя беспокойно, потому что мама оставалась одна на долгое время. Уволившись с одной работы, Элли устроилась на неполный рабочий день в церковь.

Она толкнула заднюю дверь и сделала глубокий вдох. Куда ушли все эти годы? Почему ее мама умерла прежде, чем узнала, что Ронни погиб? Вроде бы так милосерднее. Но Вселенная совсем не баловала своим милосердием семью Элли.

С тяжелым сердцем она открыла бак и выбросила мусор. Скоро стемнеет и наступит пора ужинать. На несколько часов она сможет раствориться в работе и забыть обо всех проблемах, которые ей нужно было решить.

Майлз оказался не таким, как она думала. Каким-то образом Элли сделала его монстром в своих мыслях, который выжил, когда это должен был сделать Ронни. Мужчина занял место ее брата. Умом она понимала, что это было не справедливо, но чувствовала совсем другое.

Мэйкон был большим, крепким мужчиной. Он также был хорошо образованным и, если верить слухам, происходил из богатой семьи. Она встретила его брата. Адам Майлз был элегантным и умел грамотно говорить. Оба брата производили впечатление мужчин, которые женились на женщинах с высшим образованием, карьерой модели и имели социальные связи. По всем трем параметрам она ему не подходила. Мэйкон был именно тем типом людей, которого она должна была избегать, потому что он никогда бы серьезно не воспринял такую девушку как она.

Так почему она постоянно искала его взглядом? Что такого было в тех больших и сильных руках, делающих изысканные угощения, которые заставляли ее мечтать о том, что невозможно?

Мэйкон не был ее типажом. Даже близко им не являлся. У нее были серьезные отношения только с парой ребят, и они были готовы закрыть глаза на темное прошлое ее

семьи. Было нелегко расти в маленьком городке, где все знали о преступлениях ее отца.

Ронни это тоже не волновало. Она вспомнила первый и единственный раз, когда пыталась сбежать после того, как Карла Роу удочерила ее. Ронни побежал за ней в одной пижаме. Он был долговязым парнем. Длинные руки и ноги, большие грустные глаза. Все дразнили его, но он поклялся, что если она уйдет, то он уйдет вместе с ней. Сара была его сестрой, в конце концов. Ронни не мог позволить ей уйти одной, поэтому попросил девочку подумать еще раз, ведь следующим вечером мама собиралась приготовить макароны с сыром. А он их очень любил.

Еще одним глубоким вдохом Элли подавила нарастающую волну эмоций. Они были ей не нужны. С того самого дня на кладбище, ей казалось, что все лежало на поверхности, как будто ее подсознание знало, что другие задачи были выполнены. Теперь пришло время иметь дело со всем этим уродством, которое раньше было спрятано.

Ну, это не конец. Ей придется перестать мечтать о Мэйконе Майлзе и выяснить правду. Даже самая сладкая поверхность может скрывать какую-нибудь гадость. Скоро у нее будет достаточно денег, чтобы нанять частного детектива, и она хотела попытаться получить реальные отчеты, попытаться заставить военных рассказать правду.

А пока она просто будет присматривать за Майлзом. Она не влюбилась в него. Не-а. Это было бы глупо, а она не глупая.

Элли повернулась, чтобы вернуться к работе. Девушка ахнула, когда врезалась в чью-то твердую грудь.

— Эй, я надеялся застать тебя одну.

Тимоти уставился на Элли. Он был на полфута выше, чем она. И он не сдвинулся с места, чтобы пропустить девушку.

Она почувствовала, как твердый металл мусорного бака впился ей в спину. Боже, Элли ненавидела, когда ее вот так зажимали.

— Мне нужно вернуться к работе.

Мужчина приподнял руку, заблокировав ей путь отхода слева.

— Я думаю, что они могут отпустить тебя на несколько минут. Я давно хотел поговорить с тобой.

Он был прекрасно сложенным мужчиной с внешностью кинозвезды. Его светлые волосы были модно подстрижены. Но даже сквозь симпатичное лицо Тимати, Элли всегда замечала жестокость под его красивой внешностью. Он был человеком, который не улыбался, а глумился над другими людьми. Она слышала, как он издевался над Мэйконом, называя его одноногим чудачком, когда тот дважды оступился.

Да, ей совсем не нравился Тимоти. Ее инстинкты говорили ей бороться. Она должна оттолкнуться своей задницей от мусорного бака и сказать мужчине, что вырвет ему яйца, если он еще раз прикоснется к ней.

Но он был важен здесь, в “Верхних”. Тимоти являлся шеф-поваром с европейским дипломом, а она официанткой, которую легко заменить. Элли была хорошо осведомлена о том, как устроен мир. Если бы он захотел, то смог бы сделать так, чтобы ее уволили с большим удовольствием. Судя по слухам, Шон предложил Тимоти приятную прибавку к контракту, лишь бы тот согласился работать в “Верхних”. Шон много вложил в этого человека. Ей нужно было быть осторожной.

Она медленно передвинулась в правую сторону.

— Хорошо, но в другой раз. Я должна помочь Дине с установкой.

Другую свою руку мужчина опустил вниз, и Элли оказалась в ловушке.

— Я думаю, что у нее все хорошо. Уверен, что она сможет обойтись без тебя в течение нескольких минут. Я наблюдал за тобой.

Да, это ей хорошо известно. Она чувствовала его похотливый взгляд, который словно паук, ползал по ее коже.

— Не имею ни малейшего понятия для чего.

Мужчина придвинулся ближе, достаточно близко, чтобы Элли почувствовала запах ликера в его дыхании. Боже, она ненавидела этот запах.

— Я думаю, ты знаешь.

У нее скрутило живот. Ей нравилась эта работа, но она не была готова позволить этому придурку лапать себя лишь по причине того, что тот являлся ее начальником.

— На самом деле нет. Мне нужно вернуться обратно.

Тимоти не сдвинулся ни на дюйм.

— Я думал, что ты посылала мне определенные сигналы.

Почему парни иногда такие уроды?

— Единственный сигнал, который я тебе посылала, чтобы ты отвалил.

Мужчина скривил губы в усмешке.

— Итак, ты хочешь поиграть в недотрогу? Я надеюсь, ты понимаешь, что концовка игры будет такой же. Я более чем готов для тебя, милая. Дай мне попробовать.

С нее хватит. Пришло время пробиваться наружу. Она подняла свои руки вверх и толкнула его в грудь.

— Дай пройти.

Он толкнул ее назад, тем самым доказав, как слаба она была.

— Дам. Но сначала я получу то, что хочу.

Глаза Элли наполнились слезами. Она ненавидела это чувство. Такая слабая и никчемная. Жалкая.

— Позволь мне уйти, и я не скажу хозяину об этом.

Он рассмеялся, но это был неприятный смех. Тимоти прижал свое тело к ее.

— Ты действительно думаешь, что Таггарт послушает какую-то шлюху, а не меня? Таких, как ты пруд пруди. Он может заменить тебя на работе в мгновение ока.

Элли ненавидела, когда некоторые мужчины использовали свою силу против женщины, как будто у них на это было больше прав. Девушка подняла свое колено вверх так резко и сильно, как смогла, но она находилась к нему слишком близко. Элли ударила Тима в бедро и, кажется, это только его разозлило.

Правой рукой он схватил ее за волосы, и потянул назад, тем самым причинив ей боль. Элли стиснула зубы.

— Ты заплатишь за это, сука.

И, вдруг, девушка снова обрела возможность свободно дышать. Тимоти исчез за секунду, и она услышала сдавленный крик, прежде чем смогла разглядеть, что произошло. Элли покачнулась и упала на контейнер, едва сумев удержаться на ногах.

Здесь был Мэйкон. Это он оттащил Тимоти от нее, но, казалось, он не был этим удовлетворен. Майлз ударил Тима прямо в живот, и мужчина упал на бетон.

— Не хочешь пообщаться с кем-нибудь твоего размера, мудака? Или ты получаешь удовольствие, насилуя женщин?

У него дрожали руки, а Элли застыла от шока. Они больше не были одни в переулке.

Казалось, что весь персонал “Верхних” вышел, чтобы стать свидетелем ее унижения. Из глаз девушки хлынули слезы. Теперь все узнают, в какую беду она попала. И, скорее всего, встанут на сторону Тимоти.

— Эта сучка сама меня хотела, — успел сообщить всем Тим, пока держался за живот, — она попросила меня прийти сюда. Я собираюсь подать на тебя в суд, ты — одноногий уродец.

— Это он сейчас серьезно? — усмехнулся Эрик. Он стоял рядом с одним из поваров, большим парнем по имени Дрейк.

Дрейк покачал головой.

— Я так не думаю. Продолжай, Мэйкон. Забей это маленькое дерьмо до смерти своим протезом.

— Ему не нужны две ноги, чтобы убить тебя, засранец, — сказал Эрик. — Он мог бы сделать это без ног и одной рукой, привязанной за спиной. Я предлагаю тебе заткнуть свою пасть.

Они отреагировали не так, как Элли ожидала. Не было жалостливых взглядов в ее сторону. Эрик подарил ей ободряющую улыбку.

— Дайте Мэйкону разобраться с этим, — сказал Дрейк, указав в сторону Элли. — Большой парень сможет позаботиться о ней. Не беспокойтесь.

Мэйкон проигнорировал всех, и решил встать между ней и Тимоти. Он не торопил ее, не отодвинул в угол, просто предложил себя в качестве стены против человека, который пытался обидеть девушку.

— Ты в порядке?

— Да, — это было все, что она смогла произнести.

— Ладно, пора это прекращать. У нас есть заказ менее чем через два часа.

Когда Шон Таггарт рявкнул приказ, каждый человек вытянулся по струнке. Она слышала слухи о том, что Таггарт был зеленый беретом. Теперь она им верила. Светловолосый мужчина-Бог вышел из задней двери, жестом пригласив всех вернуться в здание. Он был ростом шесть футов три дюйма, немного ниже, чем Мэйкон, но не было никаких сомнений, что он был главным. Шеф-повар Таггарт водил людей в бой.

И вероятно, он собирался ее уволить.

Черт возьми, ей нравилась эта работа. Это будет несправедливо.

Когда все ушли, босс посмотрел на своего шеф-повара. Шон подошел и протянул руку Тимоти.

— С тобой все в порядке?

По крайней мере, толпа вернулась на рабочие места. Осталась только пара людей, которые увидят, как ее уволят.

Тимоти зажмурил глаза, когда позволил Шону помочь ему встать.

— Нет, я не в порядке, и я настаиваю на том, чтобы ты уволил этого мудака. Эта девушка предложила мне выйти с ней, когда этот тупица увидел нас и взбесился. Я хочу, чтобы вызвали полицию. Пусть его арестуют за нападение.

О, Боже, она собиралась позволить арестовать Мэйкона. Элли не могла вынести такую мысль. Он пытался помочь ей.

— Здесь нет вины Мэйкона.

Шон повернулся в ее сторону, приподняв одну бровь.

— Правда? То есть Мэйкон не менял местами внутренности этого парня?

Она покачала головой. Ей придется прикрыть его.

— Это сделала я.

Мэйкон встал перед ней снова, как будто собирался защитить ее от обоих мужчин.

— Это совершенно нелепо. Это сделал я, босс. Он был...

Шон поднял руку вверх.

— Нет. Мне не нужны объяснения.

— Копам они нужны, — сказал Тимоти.

— Да, и если ты их вызовешь, я собираюсь дать показания, — сказал Таггерт, прежде чем развернуться и пнуть Тимоти прямо в шары. Тот застонал и упал обратно на землю. Таггерт повернулся к Элли.

— Вот как надо пинать парня по яйцам, милая. Тебе необходимо немного пространства между вами двумя, а затем ты должна представить, как твоя нога на самом деле бьет его. Таким образом, у тебя еще и силы останутся. Не забывай это в следующий раз. Майлз, ты в порядке?

— Я бы чувствовал себя лучше, если бы он был мертв, — признался Мэйкон.

Таггерт уверенно ему улыбнулся.

— Он пожалеет обо всем завтра.

— Он собирается позвонить в полицию, — Элли все еще нервничала. Иногда полицейские не верят жертвам.

Таггерт подмигнул ей и указал на камеры, расположенные над задней дверью.

— Он может и собирается, но тогда ему придется объяснить, почему пытался изнасиловать, явно, не желающую его женщину. Он никому не станет звонить, потому что если сделает это, я позволю Майлзу выместить на нем свою злобу, — Таггерт встал на колени рядом со стонущим Тимоти. — Потому что если он попытается позвонить в полицию, я покажу ему, что мы делаем с мудаками, которые пристают к одной из моих сотрудниц. Вот подсказка. Это будет некрасиво. Мудак получит эксклюзив от Таггарта. Мой старший брат умирает от желания убить кого-то с тех пор, как его клуб взорвали. Майлз, отведи ее внутрь и закончи готовку. Я собираюсь побеседовать с этим парнем. Ты справишься с повышением должности?

Мэйкон замер, как будто обрабатывал информацию. Он медленно кивнул, а его глаза засветились удовлетворенным блеском.

— Так точно.

— Хорошо, потому что это был последний раз, когда я нанял какого-то чувака из Франции, — Таггерт посмотрел на нее. — Разберешься с ней? Она дрожит.

— Да, Шеф. Я о ней позабочусь, — Мэйкон протянул Элли руку.

Она не уволена? Она не уволена. Действительно, Элли должна была больше стараться. Ей хотелось бы самой придать лицу Тимоти этот своеобразный фиолетовый оттенок.

Девушка посмотрела на большую руку Мэйкона. Его рука была черствой и грубой, и ей он защитил Элли. Может быть, мужчина и был рожден с серебряной ложкой во рту, но казалось, что годы в армии и труд на гражданке закалили его. Майлз был совсем не таким парнем, как она думала.

— Ты не должна бояться меня, дорогая, — сказал он спокойно. — Пойдем, я налью тебе выпить, и ты сможешь успокоиться. Он не причинит тебе вреда. Никто не обидит тебя здесь. Пока я рядом.

Она вложила свою руку в его, и в ту же минуту почувствовала себя сильнее, чем раньше.

Безопаснее.

Элли последовала за ним внутрь, переплетая свои пальцы с пальцами Мэйкона.

Глава 2

— Ветер усиливается, — сказал Шон, когда вышел в переулок. — Кто-нибудь проверял прогноз погоды?

Мэйкон не работал в других ресторанах, но был уверен, что их владельцы не выносят мусор. Шон бросил пакет и с грохотом опустил крышку контейнера.

— Мы останемся и присмотрим за рестораном до двух часов ночи, не дай Бог будет наводнение или торнадо.

Дождь еще не начался, но эта тяжесть в воздухе ему не нравилась. Обслуживание давно закончилось, и остальные сотрудники уже выполнили свою работу и разошлись по домам. Остались только Мэйкон, Таггарт и Эллисон.

— Ладно, давайте тут приберемся, а бухгалтерские книги я подготовлю завтра. Дорогу в наш район иногда затапливает, и я не хочу рисковать. Не стоит оставлять Грейс и Кэрис одних, если есть вероятность возникновения торнадо.

— Я все сделаю, не беспокойся, — зачем человеку приходить завтра, в свой выходной, когда Мэйкон не против помочь. — У меня все равно нет больше дел на сегодня.

Разве только, может быть, разговора с Элли. С того момента, как он открыл дверь черного входа и понял, что она в беде, что-то стукнуло в его груди. Ей нужен тот, кто будет заботиться о ней. Девушка сделала одну жалкую попытку защититься, но он заметил, какой был у нее взгляд, когда он обработал мудака-Тимоти. Она ожидала, что ее уволят и была крайне удивлена, что этого не произошло. Элли бы ушла с низко опущенной головой, если бы Таггарт не доказал свою порядочность.

— Ты уверен? — спросил Таггарт, — потому что я действительно с нетерпением ждал выходного дня. Мои приемные сыновья в городе, и я хотел бы провести некоторое время с ними. Буду тебе должен, мужик.

Майлз пожал плечами.

— Если станет совсем хреново, то я посплю на диване в твоём кабинете. Я спал в местах и похуже. И, кроме того, ты ничем мне не обязан. Я ценю то, как ты разделался сегодня с этим засранцем.

Шон скрестил руки на своей большой груди.

— Да, насчет этого... я собирался поговорить с тобой. Сейчас вполне подходящее время. У этой девушки неприятности.

Ну, Эрик предупреждал его. И Майлз уже принял решение по этому поводу. Он сделал это сразу, как только взял в свою руку дрожащую ладонь Элли, и переплел вместе пальцы. Идиотизм, конечно, но почему-то в тот момент мужчина подумал, что она принадлежала ему.

— Я позабочусь о ней.

Таггерт сузил глаза, чем напомнил Мэйкону отца, который переживал за свою дочь. Шон волновался за своих работников.

— Серьезно? О какой именно заботе мы сейчас говорим?

— Не знаю. Я не заявляю, что люблю ее или что-нибудь в этом роде. Я едва ее знаю. Но меня тянет к ней. Не просто на физическом уровне. Она мне нравится. Хорошая девочка.

— Ей уже двадцать шесть. Она не девочка. И у нее есть какие-то проблемы. Я полагаю,

она ждала, что я уволю ее за случившееся.

— Да, я тоже это понял, — кивнул Мэйкон.

— Слушай, я говорил с Адамом. Я знаю, что ты еще не полностью переехал. Если хочешь, я придумаю, как забрать ее к себе домой. Она может остаться в нашей гостевой комнате.

Недосказанным осталось то, что она не останется там надолго. Он обучался в “Санктуме” в течение нескольких месяцев и даже понял, что Элли, вероятно, понравится отношения доминант-субмиссив. Мэйкон увидел это в манере подчиняться людям, которые ее окружали, и в том, как она опускала взгляд в то мгновение, когда тот, кем она восхищалась, разговаривал властным тоном. Как доминант со стажем, Шон не упустит ни один из этих моментов. Таггарт познакомит ее с друзьями, которые воспользуются ее чертой покорности. И прежде, чем Элли поймет, что к чему, она станет сабом какого-нибудь действующего из лучших побуждений Дома, который будет заботиться о ней и защищать.

Да ну нахер.

— Я сказал, что позабочусь о ней.

Шон усмехнулся.

— Черт, ну и выражение лица у тебя. Ладно. Ты позаботишься о ней. Дайте мне знать, если вам что-нибудь понадобится. И обслуживание сегодня вечером было на высоте. Ты проделал большую работу.

Сомнения снова стали одолевать Майлза.

— У меня нет такого образования, как у Тимоти.

Таггарт покачал головой.

— У тебя есть навык. Больше практикуйся. Отправляй все, что приготовил в дом моего брата. С тех пор, как родились близнецы, мой брат топит себя в сладостях. Серьезно, он толстеет. Отцовство откладывает хорошие запасы на старом парне. Большой Таг будет ассоциироваться с кем-то совершенно иным в ближайшее время.

Они оба говорили о Йене Таггарте? В нем же не было ни грамма жира. Он состоял из сплошных мышц, вот откуда весь этот сарказм. Йен — любимый спарринг-партнер своего брата. Они могли обмениваться насмешками дни напролет.

— Как скажешь. Я очень благодарен за эту возможность, Шеф.

Шон положил руку ему на плечо.

— Выжми из этого максимум. Если ты думаешь, что прыгаешь выше головы, дай мне знать. Скажу честно, я бы лучше работал с тобой, чем нашел кого-то другого. Ты — моя семья. Поэтому пару недель мы будем готовить то, что ты умеешь. Практикуйся дома, и мы расширим меню. У нас поставка клубники в четверг. Большой ящик. Я надеюсь, ты придумаешь что-нибудь восхитительное.

У его матери был отличный рецепт клубничного пирога и печенья. Он мог бы его улучшить и сделать песочное печенье со взбитым кремом с экстрактом ванили, которое бы по-настоящему передало вкус ягод.

— И ты уже в свои выходные дни определись, как будешь использовать эти ягоды. У тебя все получится. Ты прирожденный кулинар, — Шон направился к двери, — и спасибо за то, что поможешь с отчетами. Не могу передать словами, насколько я это ценю. В шкафу в моем кабинете найдешь подушки и одеяла. Там есть и бутылка превосходного виски. И не обращай внимания на другие вещи, которые ты увидишь. Они всего лишь для игр.

Дорогой Боже, это могло быть чем угодно. Мэйкон однажды случайно наткнулся на

Джейка и Серену, которые тестировали какую-то подвесную конструкцию, и Серена заверила его, что это все для научных исследований. Он увидел свою невестку в таком виде, в котором вообще не ожидал ее никогда увидеть, и в таком же виде был и... Джейк.

Теперь он всегда стучал, прежде, чем войти. Долго стучал.

Капля дождя упала ему прямо на лоб. Это было похоже на одну из тех ночей, когда Майлзу снились кошмары, но, по крайней мере, сейчас ему не приходилось ворочаться в кровати. Благодаря отчетам ему было чем заняться. Он вернулся на кухню и прошел через нее в переднюю часть ресторана.

Он займется бумажной работой, после того, как решит проблему с Элли Джонс.

Мэйкон вошел через дверь, которая отделяла кухню от обеденной зоны, как раз, когда Шон помахал Элли и исчез за стеной дождя.

Они остались одни.

— Шон сказал, что ты сам займешься бухгалтерией, чтобы он смог успеть домой до того, как начнется буря.

Она бросила взгляд на выход, через который вышел Шон.

Мэйкон решил закрыть эти гребаные двери и опустить жалюзи.

Когда мужчина повернулся, то увидел, что Элли вцепилась в швабру, которую держала в руках так, будто это был спасательный круг. Видимо, беседовать с ней будет не так уж и легко.

— Может, оставишь ключи у себя? — он положил их на стойку администратора и попятился, — сможешь уйти, когда захочешь.

— Боже, неужели я так испугалась мыши? — выдохнула девушка.

Он жестко ей ответил.

— Очевидно, что ты не доверяешь мужчинам.

— Это не так. Я нервничаю из-за бывшего парня. Прости. Ничего личного.

— Я не стану принимать это на свой счет, Элли. Мы все получали шрамы. Некоторые из нас носят их снаружи, а у некоторых из нас они глубоко внутри. Тебе некомфортно наедине со мной, но я обещаю, тебе не о чем беспокоиться. Что мне сделать, чтобы ты почувствовала себя лучше? У тебя есть телефон? Ты можешь держать его рядом. На большинстве телефонов есть аварийная кнопка. Можно сделать вызов без разблокировки экрана.

Элли подняла глаза к потолку.

— Хорошо. Ты не большой плохой волк, — девушка подошла к нему и встала напротив. Ей пришлось поднять голову, чтобы посмотреть ему в лицо. — Я не боюсь тебя. Ты большой старый плюшевый мишка, но ты не такой, как те мужчины, с которыми я выросла. Они были больше похожи на Тимоти.

У него появилось безумное желание протянуть руку и потрогать ее мягкие каштановые волосы. Она собрала их в пучок на затылке, но Мэйкон видел их длинными, струящимися вниз по ее спине. Когда луч света падал на ее волосы, он видел коричневые, красные и желтые пряди. Своеобразное сочетание. Как и сама эта женщина. Как лимонный пирог. Кисло-сладкий и совершенный.

— Так вот почему ты подумала, что Шон поверит Тимоти?

Элли сделала шаг назад и начала подметать фойе.

— Это не первый раз, когда кто-то считает, что сотрудник мужского пола стоит выше, чем сотрудник-женщина.

Такое с ней случалось и раньше.

— Я бы ему не поверил. Даже если бы его язык находился на полпути к твоему горлу, я бы подумал, что это он оскорбил тебя.

Элли остановилась и задумчиво посмотрела на Майлза.

— Ты думаешь, я слишком милая, чтобы завести роман с коллегой?

— Ты слишком милая, чтобы хотеть того уroda, — черт, ему, наверное, не стоило этого говорить. Он чувствовал, что краснеет. — Извини. Это было неуместно.

Девушка вздохнула.

— Все в порядке. Я первая это сказала. И мне жаль, если заставила тебя подумать, что я слабая женщина. Я не такая. Я могу позаботиться о себе. В основном. Я боюсь, этот урод вызвал целую кучу плохих воспоминаний. Когда мне было пятнадцать, я работала в кинотеатре, и менеджер был большим любителем распускать руки. Когда я пожаловалась на него, то осталась безработной. Он был сыном владельца. Это не единственная дерьмовая вещь, которая со мной случалась. У большинства женщин есть файл под названием “жуткие уроды” в их личной истории. Извини. У меня плохая реакция.

— У тебя плохая реакция. Ты даже не закричала.

Элли нахмурилась.

— Мне стыдно.

— Почему? Если бы какой-то чувак меня домогался и мне это не нравилось, то я бы не стыдился. Я бы разозлился, — ему нужно было выяснить, что происходило у нее в голове. — Никто тебя не осуждает, Элли. Но ты так не думаешь, да?

— Возможно.

Майлз сократил расстояние между ними. Она отвернулась. Он не пытался подкрасться. Он хотел, чтобы Элли знала, что он стоял позади нее. Мужчина положил руки ей на плечи.

— В том, что сегодня произошло, виноват он. Не ты. Он. В следующий раз, когда какой-то идиот будет трогать тебя, кричи и зови на помощь, и кто-нибудь из нас сразу прибежит.

— Трогать... Как ты трогаешь меня сейчас?

Он убрал руки.

— Извини.

Элли повернулась, и Мэйкон был счастлив увидеть улыбку на ее лице.

— Теперь я знаю твое слабое место, Майлз. Ты просто обожаешь девочек-у-которых-черная-полоса-в-жизни.

Она флиртowała с ним?

— Я парень-у-которого-черная-полоса-в-жизни. Подобное притягивает подобное.

Девушка изучала его мгновение, и он пожалел, что не побрился сегодня. Что был немного потрепанным. Майлз действительно не шутил насчет черной полосы.

— Почему ты пошел за мной сегодня? Ты не выносишь мусор и не куришь.

Мужчина подумал солгать, а затем решил не идти по этому пути.

— Я искал тебя.

— Зачем?

— Я хотел поговорить с тобой. До меня тут дошли кое-какие слухи.

У нее напряглись челюсти.

— Серьезно?

Майлзу не понравился воинственный блеск в ее глазах, но он, все равно решил идти напролом.

— Да, ты живешь в машине?

Она отмахнулась от него со смешком.

— Ах, это. Да. Я не могу позволить себе жилье поближе к работе. Я найду что-нибудь через пару недель.

Мэйкон не понимал ее. Элли вела себя так, как будто отсутствие крыши над головой было вовсе не проблемой, и она займется этим позже.

— Это опасно.

— Не больше, чем жить где-либо в другом месте. И на работе может быть небезопасно, как мы выяснили сегодня. По крайней мере, в машине я могу запереть двери. И автомобильный сигнал — очень хороший сдерживающий фактор. Не говоря уже о моем “живом молотке”. Звучит глупо. Но он действительно необходим, чтобы разбить окно, если твой автомобиль тонет. Не удивительно, что он также срабатывает и с угонщиками, и с напористыми торговцами наркотиками.

Элли, видимо, собиралась довести его до сердечного приступа.

— Ты отпугиваешь угонщиков твоей машины молотком???

Девушка пожалала одним плечом и вернулась к уборке.

— Да. После того, как я огрела того тупицу по руке, он решил попытать счастье в другом месте. А торговец наркотиками был, на самом деле, милым. Я имею в виду в самом начале. Он был начинающим, и ему нужна была работа. Потом он пытался меня ограбить, так он познакомился с моим “живым молотком”.

Майлз открыл рот, но не смог произнести и одного слова. Что он должен был сказать?

Она продолжила:

— Я бы позвонила в полицию, но у меня нет телефона. Ты был очень добр, когда подсказал, как защитить себя. Как ни странно, большинство парней, которые намереваются причинить мне вред, не читают лекции о самозащите.

Дождь усилился и громко застучал по крыше. Ему, наконец, удалось подобрать подходящие слова.

— Ты не можешь оставаться в своей машине.

— Уверена, что могу.

Первым желанием Мэйкона было сказать ей, что она может сделать со своей машиной, но вовремя задался вопросом, не придет ли она за ним с молотком. Женщина перед ним была далека от той, которая не смогла закричать, когда Тимоти загнал ее в угол. Майлз был достаточно умен, чтобы понимать это. Ей было комфортно с ним. Элли шутила потому, что не верила, что он может причинить ей боль. Если бы он применил давление, запугивал ее, то, вероятно, заставил бы сделать то, что хотел. И тем самым пополнил бы ряды мудаков, которые ее использовали.

— Это заставляет меня нервничать. Особенно в такую ночь. Может быть, ты останешься в офисе Шона сегодня?

Он будет спать на полу. Майлз не шутил. Он спал в гораздо худших местах. Черт, никто не стрелял в него. Одно это можно было считать победой.

— Ты думаешь, что стоит ехать в такую жуть? — Элли поглядела сквозь жалюзи.

— У меня нет автомобиля. Я сяду на поезд. Станция находится вниз по улице и направо.

Мэйкон предпочел бы остаться с ней, но теперь, когда подумал об этом, ей может быть неудобно. Если он решил уехать, то нужно сделать это быстро. Электричка не ходила всю ночь напролет. Он мог позвонить Адаму, но почувствовал бы себя идиотом, названивая старшему брату с просьбой забрать его с работы. Ему было тридцать лет. Он водил машину с

шестнадцать.

Майлз больше не мог использовать педаль газа, а транспортное средство, оборудованное для него, будет стоить больше денег, чем у него было.

Элли оживилась.

— У меня есть машина. Я могу тебя подвезти. И хорошая новость — если мы окажемся в глубокой воде, я смогу разбить стекло.

— Ты слишком доверяешь этому молотку.

Она усмехнулась.

— Может быть. У меня, правда, все в порядке, Майлз. Несмотря на весь сегодняшний идиотизм, я сама забочусь о себе уже достаточно давно. Это не первый раз, когда мне приходится рассчитывать только на себя. Черт возьми, у меня даже есть машина. Это практически “Ритц”, по сравнению с некоторыми местами, в которых мне приходилось спать.

— У тебя и раньше были трудности с жильем?

У него было тяжелое детство. Не в финансовом плане. У него были деньги, но он воспитывался в военных академиях, которые не могли дать необходимую любовь. В беседах с Каем за все эти недели мужчина понял, что ему не хватало любви родителей в детстве. Но Мэйкон не мог себя представить бездомным ребенком.

— Конечно. Однажды коп подарил мне голубую ленту в моем родном городе. Он сказал, что я была лучшей из всех беглых, которых он когда-либо видел. Но я бы сказала, что не была в этом слишком хороша, поскольку он постоянно ловил меня. Офицер сказал, что наградил меня этой лентой за настойчивость.

— От чего ты убегала?

Мэйкон задал вопрос, но заметил вот что. Элли могла давать отпор наркоторговцам и угонщикам автомобилей, но превращалась в маленькую мышку рядом с авторитетной личностью, которая пыталась ею воспользоваться.

— Мой отец был придурком, — девушка закончила подметать и повернулась к нему. — Я поблагодарила тебя за то, что спас меня сегодня? Я обычно не играю в девицу, попавшую в беду, но ты был чертовски хорошим рыцарем.

— На мне нет сияющих доспехов, дорогая.

Мэйкон снял их давным-давно. На самом деле, он никогда рыцарем и не был.

— Давай посмотрим. Ты достойно служил своей стране, ты выручаешь своего босса, спасаешь официантку от неприятных мудаков. Я думаю, ты выглядишь очень блестяще, Майлз.

Элли поставила метлу в сторону, и что-то изменилось в комнате. Мужчина видел, как девушка расслабилась и пошла по направлению к нему.

Что она делала? Воздух вдруг показался более плотным, чем раньше.

— Я не герой. Я пошел в армию, потому что этого от меня хотели.

— Да, так обычно герои и говорят. Зачем ты искал меня, Майлз?

Она встала, оставив между ними слишком мало пространства.

— Я тебе говорил.

— Да, ты якобы хотел узнать о моей ситуации. Ты со всеми официантками такой любопытный?

— Нет.

Как правило, мужчина вообще не обращал на них внимания. Они были

привлекательными, но он ничего не мог им предложить. Мэйкон едва мог позаботиться о себе. Он знал, что должен держаться подальше от Элли, но она пробудила в нем чувства, которые Майлз не испытывал раньше.

— Я что, какая-то особенная?

— Ты мне нравишься.

Боже, он произнес это как ребенок младших классов.

— Ты мне тоже нравишься. Я не думала, что признаюсь тебе, но не могу это отрицать, — девушка встала на цыпочки, а ее руки вдруг оказались у него на груди. — Это ошибка. Это ужасная ошибка, и я надеюсь, ты достаточно умен, чтобы остановить меня.

Элли напряглась, чтобы приподняться максимально высоко, как только смогла.

— Не так уж и умен, сладкая.

Мэйкон опустил голову и позволил их губам соприкоснуться.

Все тело мужчины пришло в состояние боевой готовности. Его член сразу же затвердел. Единственное, что теперь Майлз мог видеть и чувствовать, была Элли. Она стала долбаным центром его Вселенной, а он всего лишь касался ее губ своими.

Он влип по уши, но отступать уже было некуда.

Это было неправильно. Она поняла это, как только приблизилась к нему. Черт возьми, Элли поняла это в тот момент, когда Шеф Таггарт вышел за дверь, оставив ее наедине с самым сексуальным мужчиной, который ей очень нравился. Мэйкон заставил ее сердце колотиться, но он также был мужчиной, с которым ей нельзя было связываться, так как она лгала ему.

В то мгновение, когда Элли увидела его, она изменила все свои планы. Происходящее сейчас было неправильным, но таким реальным.

Нужно поцеловать его. Поцеловать Мэйкона один раз и обнаружить, что он вовсе не так уж хорошо целовался, как она думала. И секс с ним, вовсе, не будет особенным. Ничего такого, чего она не пробовала раньше. Какая-нибудь ерунда, которая быстро закончится. Наверное, то же самое будет и с этим парнем.

Или это будет намного лучше, потому что Майлз — мужчина, а не мальчик и, черт возьми, он вел себя так, как будто мог позаботиться о ней.

Казалось, ее внутренний голос страдал от раздвоения личности и переизбытка дерзости. Тем не менее, она отчасти с оптимизмом отнеслась к тому, что прекрасное лицо Мэйкона приблизилось к ее.

Его губы были мягкими, и так нежно касались ее губ. Он не давил на нее, как некоторые мужчины пытались делать раньше. Мэйкон действовал медленно, как будто наслаждался тем, что изучал ее. Его руки переместились с ее плеч на спину, прошли вдоль позвоночника, заставив девушку задрожать. Ее грудь тесно прижалась к его груди. Элли почувствовала, как затвердели ее соски, а все тело начало расслабляться.

Весь предыдущий сексуальный опыт оказался на грани уничтожения. Его нужно как-то спасти.

Но она не хотела спасаться от Майлза.

Элли вдохнула его запах. Он пах лимонами и манго с небольшим намеком на сладость. Его руки были большими и грубыми от работы, но на ее коже оставались лишь мягкие ощущения от его прикосновений.

И вдруг все исчезло.

— Ты слышала это? — Майлз посмотрел в сторону двери.

Девушка же слышала только то, как колотилось ее сердце. Все остальное Элли игнорировала.

Где-то вдалеке послышались звуки сирены.

— Я думаю, что это система оповещения. Не паникуй. Она охватывает большую площадь. Нам нужно найти подходящее помещение и переждать. В ванной комнате будет лучше всего. Там нет никаких окон. Нужно взять радиоприемник. На кухне есть один, который настраивается вручную. Есть еще и фонарик, он может нам пригодиться. То, что свет не отключили — хороший знак.

Элли кивнула.

— Да. Я пойду с тобой.

Он взял ее за обе руки.

— Нет. Иди в ванную комнату. Пригни голову. Я вернусь через минуту.

Мэйкон исчез в кухне. Она стояла там и слушала звук дождя, который стучал по крыше. Он был прав. Им необходимо радио, чтобы они знали, когда все закончится. По крайней мере, уже было позднее время — на улицах никого нет. Чертова Мать Природа. У нее было ужасное расписание.

Зазвонил телефон на стойке администратора. Несмотря на то, что было поздно, Элли решила ответить, а не переводить звонок на голосовую почту. Вдруг у Шона проблемы с машиной.

— Это “Верхние”.

На линии отрывками слышался чей-то голос. Дина.

— ... ладно? ...слышали... идет...

— Что?

Она потянулась, чтобы расслышать ее. Дина, наверное, звонила со своего телефона. Казалось, что погода перебивала сигнал.

— Переживаю...

А потом погас и свет. Даже огни не мерцали. Раздался громкий скрипящий звук, а затем все погрузилось в темноту.

Элли замерла, пока пыталась сориентироваться сама. Она была в абсолютной темноте. Теперь ее сердце колотилось совсем по другой причине — ей было страшно. Ей стоило послушаться своего внутреннего голоса и спуститься в ванную комнату, которая находилась слева у нее за спиной. Все, что ей было нужно — пройти около трех футов, и она должна была упереться в заднюю стену. Как только Элли ее нащупает, то ей будет проще найти ванную комнату. И всё. Там она будет в безопасности.

Раздался громкий треск, создав такое впечатление, что мир разрушился.

Окна. По крайней мере, одно из них разбилось. Глаза уже привыкли к темноте, и девушка разглядела пару больших белых шаров, лежащих на полу. Они были похожи на мячики, но Элли знала, что это было на самом деле. Град. Она услышала еще один треск, на этот раз справа от себя. На кухне.

Элли не думала, просто реагировала. Она побежала направо. Что-то случилось. Мэйкон точно знал, где стояло радио и фонарики. Мужчина должен был уже вернуться. Он не бросил бы ее одну. Девушка знала его всего лишь несколько недель, но он был человеком, который старался заботиться об окружающих его людях. Сначала ее это раздражало. Элли позволила ему проводить ее до машины ночью, и попыталась скрыть тот факт, что она жила в ней.

Поначалу девушка наслаждалась сменами, когда у Мэйкона были выходные, но она быстро оценила ощущение того, что он заботился о ней. Конечно, Майлз делал это для всех женщин, но она представляла, что это было только для нее.

Элли нажала на двойные кухонные двери.

Что-то хрустнуло под ногами. Стекла. Заднее окно было разбито.

— Мэйкон? — тишина. — Мэйкон!

Сверкнула молния и она увидела его. Мужчина лежал на полу, а фонарик валялся рядом с ним. У Элли задрожали руки, когда она пошла к нему. Что-то темное было на его лице. Пожалуйста, пусть это будет не кровь. Он упал так близко от разделочного стола. Похоже, он поскользнулся и ударился головой.

Мир вдруг стал до жути тихим.

Упав на колени, она понимала, что этим не улучшила ситуацию. Они были в опасности. Тишина не предвещала ничего хорошего. Тишина означала, что монстр нашел их.

— Мэйкон? Пожалуйста, вставай. Мы должны идти. Он почти на подходе!

Элли охватила паника. Она взяла его за руку. Та была теплой, и когда она попыталась нащупать пульс, то почувствовала его сильное биение под ее пальцами. Слава Богу, Майлз был жив.

Выросший на улице ребенок внутри нее умолял бежать, укрыться, чтобы защитить себя. Она провела первые годы своей жизни в режиме выживания. Девушка не знала другой жизни, пока не попала к маме и Ронни. Было бы легко сейчас вернуться в то время. Черт, она и была в нем, так как ее мать умерла. Ребенок уговаривал ее взять радио и фонарик и спрятаться. Никто не будет винить ее.

Но она больше не ребенок. Девушка не могла оставить его. Она встала и взялась за обе его руки. Может быть, Элли сможет дотащить его до чулана. Помещение было укреплено. Это лучший вариант. Она сделала глубокий вдох и начала тянуть Майлза.

Но далеко ей продвинуться не удалось.

— Да уж, мышечной дистрофией ты не страдаешь, — Элли снова попыталась потянуть мужчину, но он не сдвинулся с места.

Раздался страшный звук, который заполнил весь ее мир. Если бы она не знала, что это, то подумала бы, что к ней приближался поезд. Но это был не поезд. Слезы заполнили ее глаза. Ей хотелось бежать, куда глаза глядят, но она упала вниз и сделала единственное, что могла.

Элли накрыла тело Мэйкона своим и начала молиться, чтобы они выжили.

Глава 3

— Они уверены, что он сможет шевелить руками? У него точно всего лишь черепно-мозговая травма? погоди, но ему ведь мозг тоже нужен, чтобы делать торты, так ведь? Я знаю, что ты в нем не нуждаешься, но его работа гораздо важнее твоей, — глубокий голос нарушил сон Мэйкона.

— Я когда-нибудь говорил тебе, что ты придурок? — слышался другой голос. Он был очень знакомым, но Майлз хотел, чтобы все ушли.

Они же, казалось, намеренно мучили его.

— Может быть, пару раз, но это серьезно, Шон. Он человек искусства. Если он умрет, мир понесет потери. Почему я не встретил его, когда был в армии, вместо его брата? Адам абсолютно бесполезен, если тебе нужен кто-то, чтобы сделать саркастические комментарии

в неподходящее время.

— Да, и мы все знаем, что ты только этим и занимаешься.

У Майлза болела голова. Какого черта произошло? Он не помнил, чтобы пил виски. Мужчина уже давненько этого не делал. Теперь у него была работа, поэтому он не мог пить всю ночь и причитать по поводу потери своей ноги. Не сейчас, когда нужно было печь торты. Неужели он снова запил?

— Иди в задницу, Большой Таг. И в следующий раз сходи позлить каких-нибудь хакеров-пятиклассников, и твоя электронная почта будет разрываться от рекламы средств от эректильной дисфункции, и разгребать все это ты будешь своими силами.

Его брат был здесь? Почему его брат находился здесь, когда у него было такое похмелье?

— В прошлый раз это была Челси. На нее находит бешенство время от времени.

— Смотри-ка, а мой сарказм гораздо умнее твоего, — объявил его брат.

— А может ваш сарказм быть немного тише? — Майлз открыл глаза.

И тут же закрыл их. Мир был слишком ярким. Он потянулся и обнаружил, что лежит под капельницей. Дерьмо. Мэйкон был в больнице. Сколько чертовых раз он собирался проснуться в больнице?

Мужчина протянул руку и потрогал свою любимую ногу.

Адам наклонился.

— Ты в порядке. И находишься в больнице “Паркленд” в Далласе.

Это было глупо, но Мэйкон был глубоко благодарен своему брату в этот момент. Адам не посмеялся над его волнением. Он просто сразу все объяснил.

— Я пойду куплю “Дэйли Ньюз”, — сказал глубокий голос. Майлз был уверен, что тут были оба Таггарта и Адам. Он мельком увидел что-то розовое. Йен Таггарт был одет в розовую футболку?

— Привет, брат. Ты выжил в торнадо, — рукой Адам сжал его предплечье, — я живу здесь уже много лет и никогда не видел этих засранцев. А ты тут всего несколько месяцев и попал в него. Ты невезучий сукин сын.

Да уж. Это было про него. Он застонал, когда попытался снова открыть глаза. В прошлом году был один удар под дых за другим. Сначала СВА, а потом он отбивался от боевиков одной ногой. Потом он увидел Ронни... нет. Он не собирался вспоминать об этом снова. Было намного легче думать о том, как его бывшая жена приворожила его, а потом отобрала у него все.

Единственное хорошее, что произошло с ним за прошедший год — это...

Мэйкон заставил себя открыть глаза.

— Элли? Элли была со мной, — он ухватился за руку брата. — Элли была в ванной комнате.

Шон Таггарт покачал головой.

— Нет, ее там не было.

— О Боже, что случилось?

Элли не может быть мертва. Он сказал ей, куда идти, как защитить себя. Нахлынули воспоминания. Он схватил фонарь, прежде чем погас свет. А потом все исчезло в темноте, и он споткнулся обо что-то своей глупой не-ногой и упал. Он разбил голову и прямо перед тем, как потерял сознание был рад, что Элли находилась в безопасности.

Выходило, что Элли была не в безопасности?

Его босс посмотрел на своего брата и улыбнулся.

— Я же говорил тебе, — он перевел взгляд на Мэйкона, — Элли ослушалась, и тебе повезло, что она такая негодница. Ее нашли, прикрывающей твоё тело собой. Она защищала твою голову своей спиной, и это очень хорошо. Когда торнадо ударил, все горшки, висевшие над головой упали, и они попали бы тебе прямо по башке.

— Или по рукам, — Йен Таггарт шагнул обратно в комнату. На его груди было накинуто розовое покрывало. Бывший “зеленый берет” следовал странной моде?

— Они могли бы искромсать твои руки. Она — чертов герой.

Большой Таг был увлечен своим лимонным пирогом.

Что она сделала??? Что-то его мозг плохо функционировал. Мужчине нужно было переварить информацию.

— Кто нашел нас? Где Элли?

— Все наши находились в баре “Дип Эллиум”, — объяснил Шон. — Когда они услышали, где именно прошел торнадо, то сразу прибежали. Они нашли тебя на кухне с Элли, защищающей твой грязный зад.

— Она жива?

Шон подвинулся влево и указал рукой в сторону окна.

— Она в порядке. Спит. Я убедил медсестер принести сюда какую-нибудь койку и позволить ей провести ночь здесь.

Мэйкон сел, несмотря на нож, который угрожал разрубить его мозг на две части. Она лежала в маленькой детской кроватке спиной к стене, свернувшись калачиком. Ее руки были скрещены на груди, и было что-то такое в ее спящей позе, что заставило его подумать, что она защищала себя.

— Она укрыла мое тело собой?

Мэйкон задал вопрос тихим голосом, так как не желал тревожить ее сон.

— Да, и у нее есть синяки, чтобы доказать это, — сказал Шон. — Ее спина приняла пару хороших ударов, но хочешь знать, что она сказала, когда мы пытались заманить ее в больницу?

— Она не пойдет, потому что она не может себе это позволить, — Майлз знал, что в первую очередь Элли испугается именно этого. Она избегала счетов, которые не могла оплатить. — Она не пробыла здесь достаточно долго. Ее страховка еще не подействовала.

— Ага. Я тут друга с собой привез. Он ее осмотрел. С ней все хорошо. И она спит так что пушкой не разбудишь, — сказал Йэн, и его розовое покрывало зашевелилось. Большой парень посмотрел вниз. — Делай все, что тебе нравится, девочка. Мне нужно отвезти дочку к ее маме. Кензи должно быть уже освободилась. Девочка ест как пылесос. Папочка ею гордится.

— Шарлотта здесь?

— Конечно. Чувак, ты важен для нас. Ты торты делаешь.

— Таким образом, Йен пытается сказать, что ты — наша семья, — сказал Адам, закатив глаза. — Все в зале ожидания. Шарлотту и Эйвери кормили грудью. Какой-то чувак оказался слишком глуп, он возмутился и попросил найти какое-нибудь уединенное место, чтобы покормить малышей. Так вот сейчас мамочки тусуются там в знак протеста.

Дверь открылась, и высокий мужчина в белом халате зашел в комнату.

— Доброе утро, брат Адама. Я — Уилл Дэйли. Я осмотрю вас, чтобы убедиться, что ваш мозг функционирует нормально.

— Спросите его, помнит ли он, как делать торты, док, — сказал Йен, прежде чем отправиться на поиски жены.

— Прошу прощения за своего брата. Он идиот, — сказал Шон, пока Уилл просматривал диаграмму.

— Он еще более язвительный, чем обычно, когда бесится. Он думал, что Шон закрывал ресторан, — объяснил Адам. — Он появился через несколько минут после всех нас. Он был единственным, кто заставил всех ждать скорую помощь. Элли пыталась затащить тебя в свою машину, чтобы отвезти в больницу.

— Йен ведет себя как последняя задница большую часть времени, но у него действительно золотое сердце, — сказал Шон. — Я думаю, что ты должен знать, мой брат считает, что он должен тебе гораздо больше, чем возможность делать у нас торты. И я тоже так думаю.

— С ней действительно все хорошо? — Майлз не мог оторвать от Элли взгляд.

— Она упрямая как черт, но кажется, с ней все в порядке, — заверил доктор.

— Вы ее осматривали?

Когда Йен сказал, что он привел друга, Мэйкон подумал, что это был, вероятно, старый армейский приятель с намеком на медицинскую подготовку. Он будет чувствовать себя намного лучше, если практикующий врач осмотрит ее.

Уилл вытащил фонарик.

— Да. Я обещал, что не будет никаких больничных счетов. Девушка их так боялась. Я не виню ее. Позволь мне взглянуть на твои глаза.

Спустя несколько мгновений замигал слишком яркий свет в его глазах, а потом Уилл сообщил, что Майлз может ехать домой. Он ударился головой, но эти невероятно дорогие компьютерные томографии не нашли какой-либо реальной угрозы.

— Я могу отпустить вас сейчас, но я хочу, чтобы вы отдохнули несколько дней. С вашей травмой ноги, вы можете легко потерять равновесие. Прошло не так много времени после операции, не так ли?

Он покачал головой, ему было неловко даже говорить об этом. Мэйкон знал, что Элли была в курсе, но он был осторожен. Она не видела, как он ходил и поправлял эту чертову штуку. И, конечно же, она не видела его обрубок. Знать и видеть — две разные вещи.

— Прошел почти год.

— Ну, это может занять еще больше времени, если не получить по-настоящему удобный протез. Я заметил, что ваша вторая нога забинтована.

— Что? — спросил Адам.

Его брат иногда вел себя как курица-наседка.

— Я упал во время пробежки.

Уилл поднял руку, остановив следующий комментарий Адама.

— Это хорошо. Вы должны стараться делать все, что вы делали раньше. Вернуться к нормальной жизни — отличный знак, но вы должны лучше заботиться о таких повреждениях и отложить пробежки на неделю. Нужно найти кого-то, кто будет присматривать за вами в течение следующих нескольких дней, и нам нужно снова встретиться через неделю.

— Мы об этом позаботимся, — сказал Адам.

— Нет. Я сама.

Все повернулись, чтобы посмотреть на девушку, которая произнесла эти слова. Элли села, заморгала, а затем прикрыла зевок. Она выглядела, как просыпающийся сонный

котенок. Девушка встала и потянулась, отчего ее грудь пришла в движение под тонкой тканью футболки.

— Он не единственный, за кем нужно понаблюдать, — сказал Дейли, хмуро посмотрев в ее сторону. — Я не знаю, как ты спала на этой штуке. У тебя ничего не болит?

Она покачала головой.

— Бывало и хуже. Послушайте, Майлз и я можем присматривать друг за другом. У тебя же есть где жить, верно?

Несмотря на события ночи, она выглядела молодой и красивой. А он, скорее всего, сильно помятым.

— Да, но это гостевой дом моего брата.

Она пожала плечами.

— Сделка есть сделка, Майлз. У тебя есть место, чтобы переночевать, а у меня есть машина. Да, ресторан мог и не выжить, но моя машина это сделала. А ведь все эти глупые механики хотели ее разобрать на запчасти, когда пробег превысил двести тысяч миль. Так что, между нами говоря, мы с тобой практически полностью функциональное человеческое существо.

— С тремя и четвертью ног, — сарказм передался и Мэйкону.

— Да. И перестань жаловаться. У тебя есть бионическая нога. Что скажешь, Майлз? Я могу остановиться у тебя на некоторое время? Таким образом, мы сможем избавиться от докторов.

Он кивнул, а затем вздрогнул. Черт, ну и печальная парочка.

Пара. Он поцеловал ее. Мэйкон шел куда-то, когда матушка-природа решила попытаться убить их.

Элли хлопнула в ладоши.

— Круто. Тогда положитесь на меня, док. Что мне нужно, чтобы присматривать за этим парнем?

Элли с Уиллом вышли из палаты, чтобы обсудить обезболивающие препараты и их побочные эффекты.

— Ресторана больше нет?

У них, возможно, было меньше, чем думала Элли. Они вдвоем могли лишиться работы.

Шон покачал головой.

— Она преувеличивает. У нас выбиты окна и есть некоторые мелкие повреждения. Мы откроемся через неделю, что даст вам достаточно времени, чтобы восстановиться. Я собираюсь найти кого-нибудь еще, чтобы делать десерты для банкета. Тебе нужно отдохнуть.

Шон хотел устроить праздник в честь дня рождения своей жены в эти выходные. Два праздника на самом деле. Семейная вечеринка будет в субботу днем, а вечеринка для взрослых уже вечером. На ней будут Адам, Джейк и Серена. Мэйкон уже придумал эффектный торт.

— Нет. Я буду в порядке через пару дней. Я хочу сделать это сам.

— Если ты уверен, то без проблем, но если ты передумаешь, дай мне знать за день или два, — сказал Шон. — Я пойду, скажу всем, что они могут зайти и навестить тебя.

— Там, действительно, куча людей ждет, чтобы увидеть меня? — спросил Мэйкон после того, как дверь закрылась.

Адам кивнул.

— Да, здесь не так как дома, приятель. Этим людям не насрать на тебя. Пройдет время, а мы все так же будем держаться вместе. Ты действительно себя хорошо чувствуешь?

— Я чувствую себя как в аду, — улыбнулся Мэйкон. — И прекрасно одновременно.

— Из-за Элли?

Майлз пожал плечами.

— Она классная.

Адам наклонился, и облокотился на металлические перила кровати.

— Она никак не хотела оформлять лечение, Мэйкон. Я тут с тех пор, как скорая тебя привезла, и она была немного не в себе.

— Ну, она просто выжила после торнадо.

Мэйкон чувствовал себя также. И у них состоится долгий разговор о том, кто будет главным, когда Таггарта нет рядом. Она не подчинилась его очень разумной команде.

Конечно, если бы Элли послушалась, то он мог бы уже быть мертв, так что возможно, ему стоило пересмотреть свои планы прочесть ей нотацию, а вместо этого напечь девушке блинчиков.

А еще Элли пошутила про его ногу, что могло означать, что эта тема была ей не так уж и неприятна.

— Это было не из-за этого, речь не только о деньгах. Я пытался объяснить, что мы ей все компенсируем, покроем все гребаные расходы. Но она не слушала, — объяснил Адам. — Она очень расстроилась, когда они попросили ее удостоверение личности.

— Если они получают ее документы, то смогут выставить ей счет, — Мэйкон думал, что начал ее понимать. Девушка была закрыта со всех сторон, но ему нравилось, что она не пряталась от него. Что была смешной и, может быть, чуть-чуть безумной. С этой стороны Элли открылась ему после инцидента с этим уродом, Тимоти. Или это было вчера. — Как долго я был в отключке?

— Ночь. Уже почти полдень. И я готов держать пари, она не так сильно беспокоилась о деньгах, как о том, что передаст свои документы. Точно не хотела, чтобы они увидели их. Мне кажется, Элли что-то скрывает.

— Я не думаю, что она пытается что-то скрыть, кроме того, что на мели, и у меня нет жилья, чтобы на что-то жаловаться. Не похоже, чтобы я в это втянулся, — он замолчал, подумав о причинах, по которым у его брата могли быть проблемы с Элли. — Если ты не хочешь, чтобы она жила в гостевом доме, так и скажи.

Его брат прищурился.

— И если бы я так сказал? Что бы вы сделали?

— Сняли бы квартиру, — ответил Мэйкон.

— Вот дерьмо. Ты влюбился.

— Она мне нравится, — и он хотел ее. Элли была первой женщиной, которую Майлз хотел постоянно и это пугало мужчину, потому что он не делал попыток заняться сексом с тех пор, как потерял ногу. Мэйкон боялся, что его член не будет функционировать, но она решила эту проблему. — Она мне безумно нравится.

— Да уж, она тебе нравится настолько, что ты готов бросить мой милый гостевой домик и жить в каком-то страшном месте, потому что, по крайней мере, там вы будете вместе, — Адам вздохнул и покачал головой. — Конечно, мы будем ей рады. Шон говорит, что она прошла всю проверку анкетных данных, с ней все нормально. Кроме того, девушка спасла тебя, так что ничем мне не обязана. Но она что-то скрывает, и это “что-то”, в конце концов,

выплывет наружу. Ты хочешь, чтобы я проверил ее?

Шон делал беглую проверку работников, такую же, как и все работодатели. Но если Адам покопается в ее прошлом, то он очистит ее как луковицу и заглянет под каждый слой. Он будет безжалостен. Мэйкон был уверен, если Адам займется этим делом, он будет знать абсолютно все об Эллисон Джонс. Даже то, что она, возможно, и не хотела доводить до его сведения.

— Нет. Если мне нужно будет что-то узнать, Элли расскажет мне.

— А если она решит, что это не твое дело?

— Это не великий роман, Адам. Ей нужно место, чтобы где-то пожить. Мне нужен кто-то, чтобы убедиться, что у меня не будет кровоизлияния в мозг. Я уверен, что она съедет и станет жить самостоятельно через неделю или две.

Адам разбушевался.

— Ни в коем случае. Бездомная, которая в поисках жилья. Я уже видел такое. Иногда такие люди переезжают с места на место, но она не будет это делать. Элли ответственный человек. Она пожертвовала собой ради тебя. Возможно, девушка и не думает о серьезных отношениях, но ей с тобой будет комфортно. Тебе лучше быть уверенным в том, что она тебе действительно нравится, потому что избавиться от нее может стать трудным для вас обоих.

Мэйкон не хотел, чтобы у Эллисон с Адамом сложились плохие отношения. Она спасла Майлза. Девушка рисковала своей жизнью ради него, и если у нее есть что скрывать... ну, а у кого нет? Есть вещи, о которых он никогда ей не расскажет. Майлз никогда не выложит ей всю историю о том, что произошло в тот день, когда он потерял ногу.

— Ладно, я отваливаю, — сказал Адам. — Теперь, я собираюсь впустить целую свиту в твою палату. То есть группку неприятных поваров, чувак. Неужели все сотрудники ресторанов такие грубые?

Мэйкон ухмыльнулся.

— Да, если они работают в “Верхних”.

Впервые за долгое время он почувствовал, что его место здесь. Мужчина уселся обратно, когда Адам позвал первых посетителей.

— Мне будет спокойней, если вы позволите мне провести несколько тестов.

Уилл Дэйли был красавцем. Упрямым красавцем.

— Я в порядке.

Спина чертовски болела, но она не собиралась влезать в многотысячные долги за лечение, когда можно было просто выпить таблетку “Адвила” и чувствовать себя как огурчик через пару дней. Ну и, кроме того, Элли была весьма уверена, что у нее появился страх перед ураганами. Может, ей стоило занести еще одну фобию в свой список?

— Если я тебе понадоблюсь, позвони.

Док вручил ей свою визитку.

— Хорошо.

Она сделает это для Мэйкона.

Доктор покачал головой и вышел из палаты.

— Я думаю, что ты расстроила горячего дока, — Дина подошла и принесла две чашки кофе.

— Скажи мне, что ты хоть немного поспала.

На Дине все еще был ее милый топ и блестящие джинсы с прошлой ночи.

Она улыбнулась и вручила Элли кофе.

— Я задремала прямо на Эрике. Он может и выглядит, как одна сплошная жесткая мышца, но из него получилась хорошая подушка, — Дина вдруг нахмурилась. — О, боже. Вдруг я храпела? Я знаю, что храплю, а вовсе не сладко посапываю. Как ты думаешь, если я это делала, как умирающий слон, Эрик потеряет ко мне интерес?

У Элли давно не было такой подруги как Дина. Скорее всего, никогда. Она была, как дрянной Джонс, ребенок, который вернулся в свой родной город, чей папа попал в тюрьму. Никому не было дела до ее отца. Никто не знал, как тяжело ей было.

— Ты не была похожа на слона. Скорее на носорога.

Дина игриво шлепнула по ее руке и тут же ахнула.

— Ой, прости, пожалуйста.

Элли покачала головой.

— Я в порядке. Пара синяков, вот и все.

Хотя самочувствие у нее было гораздо хуже. Элли было больно, но ей это нравилось. Она заслужила эту боль. Девушка сделала хорошее дело.

Глаза Дины наполнились слезами.

— Поверить не могу, что ты сделала это. Ты знаешь, врачи сказали, что он мог бы умереть, если бы не ты.

Элли не была так уверена.

— Ну не знаю. У него толстый череп.

— Стоп. Тебе нужно перестать скромничать и начать правильно мыслить. Ты же знаешь, про репутацию Мэйкона, да?

— О том, что он хороший парень?

Он всегда был добр к ней. Майлз так же был добр и к другим официантам? Ну конечно. Может быть, даже был с ними очень мил. Она заметила Дженни и Тиффани в зале ожидания. Девушки тоже были из обслуживающего персонала. Обе молоды и красивы и, вероятно, никогда не ночевали на улице и не нападали на торговцев наркотиками с молотком. Дженни — миниатюрная блондинка, работавшая ради оплаты учебы в колледже, а Тиффани, вроде как, художник. У нее была такая хрупкая фигура, какую можно было встретить лишь на обложках журналов.

Элли была довольно невысокого роста, и с тех пор как она начала питаться в ресторане, она поправилась. Что, если Мэйкон целовал всех женщин, которые на него набрасывались?

— Мэйкон известен, как великий дефлектор, — сказала Дина, когда они шли в комнату ожидания. — Я сама дала ему это прозвище, когда заметила, как легко он отразил все попытки Дженни заманить его в ловушку. Бедной девушке было так плохо. Я не думаю, что это потому, что она страстно в него влюблена. Она из тех девушек, которые замечают, что парень их не замечает, и начинают вокруг него крутиться.

Элли знала этот тип людей. Они ее раздражали.

— Но все замечают, Дженни. Девушка не может зайти на кухню, не получив очередного комплимента по поводу внешнего вида.

— Потому что остальные ребята умные, — объяснила Дина. — Она милый ребенок, но никто из них не интересуется детьми. Когда Эрик понял ее игру, он приударил за ней один раз, чтобы она ему отказала. Благодаря этому Дженни оставила его в покое. Она вполне довольна комплиментами, но Мэйкон игнорирует ее. Она заперлась с ним в кладовке однажды, и я клянусь, что я никогда не видела, чтобы парень убегал так быстро. Для парня с

протезом вместо ноги, он носит как газель, когда хочет убежать.

— Значит, он не игрок.

Ей нравилось, что он не стал играть в игру, которую устраивала Дженни. Может, Элли стоило поговорить с ней.

— Вовсе нет. Я думала, что он в другой команде. Пока не появилась ты.

— Что это значит?

Дина отпила немного кофе, пока ее каблуки продолжали стучать по ламинатному полу.

— Этот парень наблюдает за тобой, как ястреб. Я клянусь, он практически пускает слюни, когда ты наклоняешься. Он точно не равнодушен к твоему зад.

Ей нужно было перестать наклоняться. Элли была уверена, что не хотела бы, чтобы Мэйкон наблюдал за ее жирной задницей.

— Но мой зад реально огромный.

— Полагаю, Мэйкон использовал бы слово “сочный”, - поправила ее Дина. — Большинству мужчин не нравятся обтягивающие вещи. Эта ложь увековечена в средствах массовой информации и среди тощих стерв. Я похудела до своего идеального размера, и противоположный пол пропал. Мальчики любят, когда во мне есть десять лишних килограммов.

— Мэйкон пялился на мою задницу?

— Ага.

— Я поцеловала его прошлой ночью.

Это вдруг вырвалось из ее рта. Элли не хотела, чтобы кто-нибудь узнал об этом. Ресторанная жизнь полна сплетен.

Дина остановилась посреди зала, широко распахнув глаза.

— Когда он был без сознания? Ты поднимала его футболку? Потому что я уверена, что он прячет под ней все шесть кубиков. Мэйкон ее никогда не снимает. Я даже подумывала пролить на него воду, чтобы увидеть его пресс.

— Конечно, не тогда, когда он был без сознания. До этого.

Элли не могла винить подругу. Она тоже хотела увидеть его пресс. На парковке было баскетбольное кольцо, и иногда ребята играли перед открытием. Они снимали рубашки или футболки, но Мэйкон всегда стоял в сторонке и просто наблюдал. Возможно, она была глупой, но ей казалось, что ему было грустно, пока мужчина стоял там. Ребята предлагали ему поиграть, но Майлз лишь качал головой.

Дина улыбнулась.

— И он поцеловал тебя в ответ?

Он притянул Элли к своему теплему телу и поцеловал так, что лишил девушку дыхания.

— Да. Он мне нравится.

— И ты, очевидно, нравишься ему, так почему же у меня такое ощущение, что я сейчас услышу “но”?

— Я знаю кое-что, чего не знает он, и когда ему об этом станет известно, я ему разонравлюсь.

Дина остановилась.

— О чем ты говоришь?

Что она сказала? Почему она вообще упомянула об этом? Она собиралась ляпнуть правду о своем прошлом Дине. Девушка быстро взяла себя в руки. Была еще одна причина, по которой у Мэйкона могла возникнуть с ней проблема.

— Я не знаю. Я слышала, что он из богатых, а таким парням, обычно, не нравятся девушки из низов.

Она не знала точно, что произошло с ним. Ронни рассказывал, что Мэйкон, был из богатой семьи, что у него всегда были деньги, но он не был высокомерным.

Ронни. Она совершенно забыла о Ронни за последние несколько недель. Элли настолько увлеклась великолепным Мэйконом Майлзом, позабыв, что он был единственным человеком, который мог рассказать ей правду о брате.

И он отказался разговаривать с ней.

Она даже послала ему письмо по электронной почте с одного из компьютеров в библиотеке. Затем отправила еще одно с учетной записи домашнего компьютера. Элли очень вежливо спрашивала его, не сообщит ли он ей информацию о смерти Ронни.

Он не ответил.

Что она должна была думать об этом? Как же ей сопоставить милого, доброго человека, которого она знала, с придурком, который не ответил на мольбы умирающей женщины? Она была не единственной, кому Мэйкон отказался отвечать.

— О, Мэйкон не такой, и я слышала, что он потерял все после развода.

Элли было интересно, что случилось с его женой. Ронни ее не упоминал. Когда она устроилась в ресторан, то узнала, что Мэйкон был женат и пережил неприятный развод.

— Мне жаль, что Майлз потерял все, потому что мне нравится этот мужчина, — Элли надеялась, что он не имел ничего общего со смертью Ронни или ее прикрытием. Она молилась, чтобы так оно и было, потому что была уверена, что уже без ума от этого мужчины, и это разобьет ей сердце. — Я собираюсь остаться с ним, пока он выздоравливает.

— Ты?

Она кивнула.

— Ага.

— Как с ним? Прямо у него?

Это был большой вопрос. Тот поцелуй прошлой ночью был спонтанным. Конечно, проснувшись и услышав его низкий голос и слова врача о том, что Мэйкону нужен кто-то, чтобы присматривать за ним, подхлестнули ее спонтанное предложение стать его новым соседом.

Почему она сделала это? Потому, что сближение с ним могло дать ей ответы, которые Элли искала? Или потому, что она просто хотела быть ближе к нему?

— Я останусь в комнате для гостей. И буду за ним присматривать.

Они повернули, чтобы войти в комнату ожидания.

— Вау, как много сисек, — сказала Дина, широко раскрыв глаза.

— Я думаю, что это мило. Нет ничего сексуальнее того, чем женщины кормящей своего ребенка.

— Это не правильно. Они должны прикрывать грудь, — жаловался, сидевшим за столом волонтерам, пожилой мужчина.

— Я попросила их пойти в уборную, но они меня проигнорировали, — прошептала в ответ женщина, как будто боялась, что их подслушают.

— Черт, — Дина наклонился и прошептала ей на ухо, — Это Шарлотта Таггарт — жена большого парня. Недавно родила близнецов. А другая — Эвери О’Доннелл. Она замужем за большим страшным ирландцем. Это может привести к неприятностям.

Элли не понимала, почему. У Эвери детская ручка закрывала большую часть ее груди,

пока она кормила малыша. Очень красивая грудь Шарлотты Таггарт опустела на секунду, когда она протянула один крошечный сверток и приняла другой от мужа. Ребенок сразу же принялся сосать. Это было здорово. Она знала Большого Тага. Он был одним из многих любителей тортов Мэйкона. Он положил дочь в слинг (прим. пер.: слинг — это шарф закрепленный на верхней части туловища родителя, в который можно уложить младенца и использовать как нательную переноску), в который он был одет. Хотя слинг был симпатичного розового цвета, это не делало Большого Тага менее мужественным.

Он посмотрел туда, где мужчина создавал шумиху. Это могло быть опасно.

— Попросите их уйти, — сказал мужчина, его лицо покраснело. — Пока моей матери делают процедуры, я не собираюсь смотреть эту порнографию.

Йен прищурился.

Он реально рассердился.

Женщина встала и разгладила свою очень благоразумную блузку.

— Я им объясню, что это оскорбительно.

— Нет здесь ничего оскорбительного, — сказала пожилая дама, которая сидела возле двери. Она указала тростью на недовольного мужчину. — Они заботятся о своих малышах. А это просто грустный старый скряга, который никогда раньше не видел грудь. Если вам не нравится, не смотрите.

— Они должны пойти в уборную, так делают все порядочные женщины, — не отступал мудака.

— Да, потому что там им будет очень удобно кормить малышкой, сидя на сиденье унитаза. Это же чертова больница! — Элли затошнило от лицемерия. — Все пропагандируют кормление грудью, а сами не создают условия для удобства матерей.

Она поняла, что все смотрят на нее. Эрик с ребятами были у Мэйкона, но семья Майлза сидела здесь, и все взгляды были прикованы к ней. За исключением младенцев. Они были заняты.

— Не вмешивайтесь, мисс, — сказал мужчина. — У меня есть права, и я не должен смотреть на женщин, бегающих вокруг и показывающих свои сиськи, как в фильме “Обезумевшие девочки”.

— Серьезно? Вот “Обезумевшие девочки”, придурок, — она задрала футболку на мгновение и показала ему грудь. Элли сняла лифчик накануне вечером. И у нее не было возможности надеть его из-за Мэйкона и его брата.

Мужчина ахнул, а затем практически выбежал из комнаты.

Волонтер вздохнул с облегчением.

— О, слава Богу. Этот большой парень пугает меня до чертиков. Я думал, что он подойдет сюда, поэтому уже хотел убежать и спрятаться в уборной. Мне не платят, чтобы такое разруливать.

Элли поправила футболку. Сверкнуть своими буферами на глазах у друзей и семьи Мэйкона. Ну и ну.

Она оглянулась и вместо ужаса на лицах увидела широкие улыбки и поднятые вверх большие пальцы.

— О, мой Бог. Я не могу поверить, что ты сделала это, — Дина смеялась до слез.

— У тебя очень красивая грудь, молодая леди, — чопорно заметила женщина с тростью, — если ты хочешь сохранить ее такой, ты должна носить бюстгальтер. У моей бедной сестры грудь по полу волочится, потому что она никогда не носила лифчик.

Элли почувствовала руку на своем плече и повернулась, молясь, чтобы это была не местная служба безопасности. Но это был улыбающийся брат Мэйкона.

— О, тебе не поздоровится. Но я думаю, ты попала в точку, — он привлек ее в объятия. — Я уже поблагодарил тебя за спасение моего брата?

Она на секунду замешкалась и обняла его в ответ. Элли скучала по этому, скучала по всем, кто был рад видеть ее, кто любил ее. Даже последние несколько месяцев с матерью она чувствовала себя больше сиделкой, а не любимой дочерью.

— Нет проблем.

Он провел ее в зал ожидания и стал со всеми знакомить.

Элли и не представляла, что сверкание грудью могло положить начало знакомству.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глава 4

Мэйкон закончил торт с легким взмахом руки. Темный шоколад с глазурью ганаш. Он будет подан с домашним ванильным мороженым, которого, он надеялся, все-таки хватит. Элли доказала свою любовь к мороженому. Она наблюдала, как он делал его, используя жидкий азот, и от удивления распахнула глаза, когда повалил дым.

Дверь на кухню приоткрылась. Вошла Элли в потертых джинсах и в одной из своих футболок, которые, как ей всегда казалось, обтягивали грудь во всех нужных местах. Девушка широко раскрыла глаза, когда увидела, что творилось в комнате. В ней с трудом можно было пройти.

— В этой комнате полно детей. Они повсюду.

— Да, а через двадцать минут здесь будет полно какашек.

Его гостиная использовалась сегодня в качестве детской. Вот почему эта “банда” находилась в гостевом доме Адама. У него была большая игровая комната для взрослых и он был единственным, у кого был гостевой дом, чтобы оставить там детей.

— Они под присмотром, поэтому все должно быть хорошо, — Элли остановилась, чтобы полюбоваться тортом. — Красиво. Ты должен научить меня делать розы.

— Обязательно. Я буду делать торт для юбилея на следующей неделе. Можешь помочь мне, — он начал учить Элли некоторым тонкостям своей работы. Она, казалось, была очарована тем, как Майлз украшал торты. Он учил ее искусству декорирования с использованием кондитерского мешка. Мэйкон также начал думать о серьезных отношениях. Он больше не сомневался в том, что она останется здесь и на следующей неделе.

— Да уж, слава Богу, что дети под присмотром.

Элли усмехнулась.

— Не хочешь убирать после них беспорядок, да? Так кто же эти две девушки, которые присматривают за ними?

— Они сестры доктора Дейли. Милые дамы. Лорел и Лиза.

— И они сидят с детьми?

— Они... В общем, они что-то типа нянечек. Они зарабатывают деньги таким способом.

Майлз бы объяснил, что молодые женщины проходили подготовку для сабов в “Санктуме” — клубе Большого Тага. Ну, это был клуб... “Пока его не взорвал сраный предатель, внутренности которого нужно было перемолоть в пыль и засунуть в задний проход без смазки”, - слова Тага, а не Мэйкона. Судя по всему, тот парень был мертв, но

Мэйкон не был уверен, что это бы остановило Большого Тага. Если тот думал, что труп заслуживает наказания, он бы наказал и его. А новый клуб еще строился.

— Серьезно? Одна из них говорила о работе в юридической фирме. Она сказала, что быть няней было не тяжело, потому что хоть ей и пришлось бороться с дерьмом целый день, но, по крайней мере, дети оказались милыми. А когда нам нужно выносить торт? А что насчет закуски? Мне нужно будет в большом доме подогреть ее?

Придется пойти в большой дом, так как здесь не было абсолютно ничего “горяченького”. Ничего. Никаких поцелуев. Никаких обнимашек. Пять дней она нянчилась с ним, чтобы убедиться, что он питался здоровой пищей и выпивал достаточное количество воды. Элли заставила Мэйкона оставаться в постели весь первый день и не давала ему работать. Девушка загнала его на физиотерапию, а потом грызла терапевта, чтобы тот не перестарался со своими процедурами.

Ни разу она не поцеловала его и даже не намекнула, что хотела бы, чтобы Майлз поцеловал ее. Они вместе обедали, вместе смотрели телевизор и вместе готовили.

Они были, словно соседи по комнате.

— Не беспокойся об этом. Адам приготовит закуски, а Серена салаты. Это всего лишь маленький шведский стол.

— Маленький? Он великолепен. Я не могу дождаться, чтобы увидеть его. Ты думаешь, они будут возражать, если я украду тарелочку? Я обещаю спрятаться на кухне. Мы же получили униформу в ресторане. Ну, там, черные брюки, белая рубашка. Это может пригодиться.

— Ты туда не пойдешь.

Он думал об этом в первый день. Майлз мог бы взять ее в клуб и понаблюдать за ней. Он бы посмотрел, заинтересовало ли ее что-нибудь. Конечно, это было бы возможным, если бы они, хоть как-то, продвинулись в отношениях к этому моменту. Теперь, когда он понял, что она просто ищет место, где остаться пожить и немного дружеской поддержки, мужчина решил, что наблюдать вместе с ней за его друзьями, которые занимались сексом, стало бы ошибкой.

Боже, он хотел трахнуть ее в самых извращенных формах. Нахождение рядом с ней на протяжении нескольких дней убивало его. Элли носила шорты и майку, вместо пижамы, выходила из своей комнаты утром со спутавшимися волосами и сонными глазами; он протягивал ей чашку кофе, а сам же мог думать только о сосках. Пока она не поворачивалась спиной. Тогда мужчина начинал думать и о ее заднице тоже.

Элли требовалось две чашки крепкого кофе, чтобы прийти в рабочее состояние по утрам. Ей особенно понравилась смесь “Суматра”. Мэйкон не стал говорить ей, что экспериментировал и изменял смесь, пока не нашел ту, от которой Элли вздыхала и облизывала губы.

Когда она проснулась сегодня, Мэйкон сделал омлет с теми овощами, которые были под рукой, и нарезку из свежих фруктов. Девушка была удивлена тем, что он ел здоровую пищу. Майлз же пояснил, что раз он кондитер, то его питание должно быть правильным, иначе он будет весить тонну.

— Тебе нужна помощь сегодня вечером?

Мужчина отрицательно покачал головой.

— Я собираюсь отнести торт, а потом вернусь, и мы поиграем с детьми.

Элли нахмурилась.

— Но я слышала, как ты говорил с Адамом о том, что ты с нетерпением ждешь чего-то.

Ждал, когда у него еще была надежда, что он сможет поучаствовать в сценах. Даже если только в вуайеристской манере.

— Выходного дня. Я просто хотел взять выходной.

Элли прищурилась, и мужчина реально заволновался, что она видела его насквозь. Девушка повернулась, не сказав ни слова, и вышла из кухни. Мэйкон позволил ей уйти, довольный тем, что она не стала его больше ни о чем расспрашивать.

Но он уже был знаком с таким взглядом Элли. Он означал одно — неприятности. Мэйкон последовал за ней.

— Как продвигается ваш бизнес с детьми, дамы?

Дерьмо. Дерьмо. И еще раз дерьмо.

— Элли...

Лорел держала одного из малышей. Одного из тех, кто не был Тристаном. Он знал племянника, но другие дети были все похожи друг на друга. В настоящее время Тристан пытался затащить свое маленькое тело на диван. Он улыбнулся, показав один маленький зубик.

— Хм, я никогда не занималась этим. Это звучит совершенно ужасно, — сказала Лорел с содроганием. — Я — юрист.

Элли указала на Мэйкона.

— Кое-кто сказал, что вы присматриваете за детьми, потому что вам нужны деньги.

Лиза покачала головой и положила одного из близнецов в люльку, которую Таггарты установили двадцать минут назад.

— О, нет, мы обучаемся подчинению.

Вот так эта ночь превратилась в дерьмо.

— Я не собирался рассказывать ей об этом. Вам нужно выучить, что означает понятие “частный клуб”.

Лиза поморщилась.

— Простите, Сэр.

Лорел переводила взгляд с Мэйкона на Элли.

— Я приношу свои извинения. Я предполагала, что она знает, чем занимаются сабы, так как она живет с вами, Сэр.

— Подчинение? — спросила Элли, и он понял, что она знала кое-что об этом, но Майлз этому не обрадовался.

Мэйкон взглянул на Лизу и Лорел. Он не был зол на них. Безопасней было бы поговорить здесь. Сам виноват.

— Простите, дамы. Вы правы. Я должен был сказать ей. Вы можете объяснить, почему вы здесь?

Лорел погладила ребенка по спине.

— В “Санктуме” существует программа подготовки Домов и сабов. Членство клуба является слишком дорогим для нас, но Большой Таг создал программу, по которой дает нам разрешение на вход, если мы помогаем тем, чем можем. Сабы присматривают за детьми. Ну, те, кто любит детей. Как правило, Винс тоже с нами, но на этой неделе он играет в Остине. Он актер и прирожденный “нижний”. У него отличный контакт с Кэрис. Она будет беситься, что его нет. Все Дома, которые участвуют в подготовке сабов, сейчас помогают перестроить “Санктум”.

— После того, что я сделала лобзиком, меня не допускают к строительству, — пояснила Лиза.

Элли повернулась к Мэйкону, указав на кухню.

— Есть разговор. Сейчас.

Майлз остановился и скрестил руки на груди, потому что его не устроил тон, которым она это произнесла. Он всегда был вежлив с ней. Провел неделю, заботясь о ней тоже. Майлз покончил с браком, в котором бывшая жена так с ним обращалась. И не собирался начинать снова.

Элли пошла на кухню, но остановилась в дверях, когда поняла, что он даже не пошевелился.

— Что?

— Ты должна быть более вежливой, — сказала Лорел нараспев, пока играла с ребенком. — Разве нет, Эйдан? Да, она должна проявлять больше уважения.

Элли остановилась на минуту, а затем повернулась к Мэйкону.

— Я могу поговорить с тобой на кухне, пожалуйста?

Он кивнул и последовал за ней, не горя желанием прожить следующую пару минут. Видимо, Элли не останется здесь на следующей неделе.

Когда Мэйкон протиснулся сквозь дверь кухни, она стояла, прислонившись к столу.

— Сабмиссивы? Домы?

— Мой брат ведет альтернативный образ жизни, и так как он твой хозяин, прошу относиться к нему с уважением.

Майлз задолжал своему брату. Адам всю жизнь провел среди людей, которые его осуждали. Он не собирался приводить другого человека в жизнь своего брата, который мог неправильно понять его наклонности.

Она нахмурилась.

— Я не была непочтительна с Адамом.

— А со мной?

Он ничего не сделал, чтобы заслужить тот гневный взгляд или то, как она выставила его перед девочками Дэйли.

— О, Боже, ты один из них.

У него была работа, которую нужно было сделать. Он подошел к столу и начал собирать вещи, которые ему понадобятся в большом доме.

— Я вернусь после вечеринки. Я извиняюсь за беспокойство, но детей заберут где-то после полуночи.

На кухне стало тихо, когда Мэйкон стал собирать свои вещи.

Мужчина почувствовал руку на спине, а затем Элли тихо сказала:

— Мне очень жаль. Я не хотела тебя обидеть.

— Нет проблем.

Может быть, он надеялся на больше, чем следовало. Мужчине очень не понравилось, как отреагировала Элли. Это беспокоило его. Он мог справиться с тем, что она ухаживала за ним, когда дело касалось здоровья. Это воспринималось как забота. Но сейчас все было слишком похоже на осуждение, и он не собирался снова мириться с этим.

— Прости.

Майлз сделал глубокий вдох, ведь на самом деле подразумевал то, что собирался произнести:

— Все в порядке.

Это была не ее вина, что она не могла принять его образ жизни. Они не говорили об этом. Они провели всю неделю, болтая о несущественных вещах. Майлз знал, что Элли любила смотреть мистические фильмы и читать романы, а он рассказывал о том, что ему нравилось читать триллеры. Они потратили огромное количество времени на кухне, где мужчина чувствовал себя наиболее комфортно, так как мог избежать рассказов о своем прошлом. Элли же не была болтливой, когда говорила о себе. Теперь, когда Майлз посмотрел на все со стороны, то понял, что все это время между ними не было ничего серьезного.

Соседи по комнате. Они не пытались перейти к чему-то большему и, возможно, это было к лучшему. Мэйкон не хотел связываться с женщиной, которая не желала узнать его. Он уже был однажды женат на такой.

— А такое ощущение, что наоборот, — тихо произнесла Элли.

— Это не трагедия. Мне жаль, что я не объяснил все раньше. Первая вечеринка была для семьи Грейс. А эта для ее друзей. Я позабочусь обо всем. Я должен убедиться, что Серена и Адам знают, как разогреть еду, если понадобится. Мой брат на самом деле очень хорош и на кухне тоже.

Мэйкон вежливо ослабил ее объятия и отошел. Если они не собирались быть больше, чем друзьями, он не думал, что это целесообразно позволять себе делать такие вещи. Он также не хотел с ней быстрого перепиха или быть “друзьями с привилегиями”.

— И Шон тоже, — сказала она тихо. — Вот почему он назвал ресторан “Верхние”. Я думала, потому что он хотел сделать лучший ресторан, но это, видимо, не то, что он имел в виду.

Майлз снова посмотрел на девушку. Эллисон стояла, прислонившись к холодильнику, скрестив руки на груди. Мэйкон держал между ними дистанцию, потому как казалось, что она перешла в защитный режим.

— Это не то, о чем нужно беспокоиться. Шон — хороший парень.

— Он бьет свою жену.

Это было больше похоже на удар в живот. Ну, лучше раньше, чем позже.

— Они так играют. Все они делают это по взаимному согласию и для своего удовольствия. Грейс что, похожа на изнасилованную женщину?

Она покачала головой, как будто пыталась очистить ее.

— Не мог бы ты дать мне минутку? Я пытаюсь все это переварить.

Это было то, с чем его брат имел дело все эти годы.

— Не нужно. Это не имеет ничего общего с тобой. Это не навредит тебе или кому-либо еще. Это люди, решившие жить и играть вместе. Если ты не можешь справиться с этим, дверь в той стороне. Но если ты думаешь, что я собираюсь стоять здесь и спорить с тобой о том, что Шон и мой брат ведут себя агрессивно со своими женами, потому что любят порку и бандаж, то ты ошибаешься. Я не буду оправдывать себя или свою семью перед тобой.

Слезы наполнили ее глаза, и мужчине потребовались все усилия, чтобы вести свою линию и не отказаться от своих слов. Элли стояла и не смотрела на него, а слезы падали на ее щеки. Она всматривалась в пол, как будто не могла видеть его. Словно сейчас Мэйкон превратится в какое-то чудовище.

Майлз заставил себя двигаться. Он схватил тарелку с тортом и начал упаковывать его.

— Он пошел на большие жертвы ради нее. Целых две вечеринки на ее день

рождение, — спокойно сказала Элли.

— Он любит ее. Ты должна была и раньше заметить, что Большой Таг делает для своей жены, которая, также является его сабой.

— И ты хочешь таких отношений?

Он запечатывал торт и молился о том, чтобы не споткнувшись, пронести его через двор. Майлз почти уронил тарелку птифуры для семейной вечеринки, когда попытался срезать путь около Бесси. Боже, он тоже называл ее автомобиль этим именем. И в этот момент Элли спасла пирожки. Она продолжила идти рядом с ним, и он начал тараторить. Мэйкон даже не осознавал, насколько внимательно Элли наблюдала за ним.

Он будет скучать по их простой дружбе. Мужчина с горечью думал об этом раньше, но теперь понял, как одиноко ему будет без нее. Майлз дружил бы с ней без секса, если бы была такая возможность. Тяжесть, грузом повисла на плечах мужчины.

— У меня никогда не было таких отношений. Я приучен доминировать и мне это нравится. Мне нравится ощущение контроля над кем-либо. Мне нравится чувствовать, что кто-то нуждается во мне, даже если это только на некоторое время. Но это не важно. Я не ударю тебя, Элли, если ты хочешь спросить об этом. Я не обижу тебя и не попытаюсь заставить тебя делать то, что ты не хочешь делать. Слушай, если все это вызывает у тебя дискомфорт, то позволь мне одолжить тебе денег, чтобы арендовать собственное жилье. У меня их немного, но я выделю тебе средства на первый взнос и на первый месяц аренды. Ты сможешь расплатиться со мной в рассрочку.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Нет, но я не хочу, чтобы ты боялась меня, и, думаю, сейчас это хороший вариант. Ты не должна сегодня ничего решать. Я останусь в большом доме, мы сможем поговорить об этом утром, — Майлз поднял торт. — Не забудь запереться на замок.

Мэйкон повернулся, чтобы уйти и подумал о пиве. У Адама был полный холодильник, но он возьмет только одну бутылочку. Майлз собирался сделать свою работу и убедиться, что вечеринка прошла хорошо, а затем пойдет в комнату, и всю ночь будет размышлять о том, почему тосковал о женщине, которую знал всего несколько недель.

Элли обхватила талию Мэйкона руками и прижалась к его спине.

— Пожалуйста, не уходи. Не так.

— Элли, все в порядке. Я не собираюсь тебя выгонять. Все нормально.

Она не отпустила.

— Я не боюсь тебя. Я знаю, ты не причинишь мне боль. И так же знаю, что Шон и Адам хорошие люди. Пожалуйста, не сердись на меня. Я не ожидала такого и плохо отреагировала, но мне жаль. Иногда я застреваю в углу и слишком упрямясь, чтобы выйти из него. Я не хочу уезжать отсюда. Я не хочу оставлять тебя.

— О чем ты сейчас говоришь?

Мэйкон почувствовал, что есть нечто больше, чем просто ее недопонимание. Он опустил торт вниз, так как ему показалось, что этот разговор займет некоторое время.

Элли затихла на мгновение, прислонившись лбом к его спине.

— Мой папа избил маму. Он был немного пьян. Она ушла, когда мне было восемь. Я хотела, чтобы она взяла меня с собой. Меня отец, конечно, не бил, но тысячу раз запугивал. Вот тогда я и убежала из дома.

Майлз удивился. Элли была настолько беззаботной, он и не думал, что она умалчивала о чем-то плохом. Мужчина плавно опустил руку, к тому месту, где она обхватывала его как

спасательный круг.

— Никто не обидит тебя здесь, детка.

Наверное, ему не нужно было использовать эти нежности. Она не его ребенок, но мужчина хотел подарить ей немного ласки.

Элли медленно отпустила Мэйкона, и он повернулся. Ее лицо было красным, и мужчина знал, чего стоило рассказать правду о себе. Он не хотел причинить ей боль. Ни физически. Ни эмоционально. Девушка была такой сильной, и Майлз ненавидел тот факт, какой она сейчас выглядела уязвимой. В последний раз Элли была такой, когда Тимоти напал на нее. Мужчина удерживал руки по швам, несмотря на то, что хотел обнять ее.

— Все в порядке. Тебе не нужно больше об этом говорить. Все нормально.

Девушка шагнула прямо в его объятия, словно ее место было именно здесь. Эллисон положила голову на грудь Мэйкону и вплотную прижалась к его телу. Она не пыталась отдалиться или показать мужчине, что они все еще друзья. Элли нуждалась в утешении, и он не смог отказать ей в этом. Майлз вздохнул, когда руками обхватил девушку за талию, и их тела прижались друг к другу в первый раз за несколько дней.

Это было то место, где и должен был быть Мэйкон. Это было то, чего он хотел. Мужчина хотел чувствовать запах ее шампуня и ее тело, прижавшееся к нему, но это было заблуждением.

— Элли, я не понимаю. Маленькая моя, ты должна сказать мне, чего ты хочешь от меня, потому что я не могу читать твои мысли. Я держал руки при себе всю неделю, потому что казалось, что ты хочешь быть только друзьями, но должен сказать, что сейчас ты ведешь себя так, будто хочешь большего. Если я ошибаюсь, то хочу, чтобы ты сказала мне об этом. Я забочусь о тебе. Очень. Но если ты не чувствуешь ничего в ответ, скажи пожалуйста. Это не значит, что мы не сможем быть друзьями. И это не значит, что ты не сможешь остаться здесь. Мне просто нужно скорректировать свои ожидания.

Девушка прижалась лицом к груди Мэйкона так, что ее правое ухо оказалось прямо над сердцем мужчины.

— Ты когда-нибудь хотел чего-то, что нельзя получить?

— Детка, я не играю в недотрогу. Если ты хочешь, чтобы я что-то сделал, нужно просто сказать, — он пригладил рукой ее волосы, наслаждаясь их приятной текстурой. Они были похожи на шелк. — Но ты должна знать, пока я не стал твоим Домом, и у нас нет отношений, что все мои друзья ведут такой образ жизни. Если это будет тебя беспокоить, мы должны будем поговорить об этом.

— Или, может быть, ты все покажешь мне, а я обещаю попытаться не разрушить наши отношения, из-за того, что мой отец был жестоким человеком, — Элли подняла голову, ее глаза все еще блестели от слез. — Обычно я не такая, Мэйкон. Клянусь. Я не настолько подавлена, чтобы не заводить отношений. И знаю, что отступила назад на этой неделе, но хочу, чтобы ты узнал меня. Я думала, что это плохая идея — прыгнуть к тебе в постель. Я не хочу быть просто очередной женщиной, с которой ты переспал.

— Хм, детка, у тебя, кажется, неверное представление обо мне. Я не был в постели ни с кем, кроме моей правой руки больше года и, честно говоря, даже этим я занимался не часто. Я служил в Афганистане, а потом пришел домой, чтобы подписать документы о разводе. Так что ты не одна из многих моих женщин. Ты всего лишь одна из двух.

От шока Элли распахнула глаза.

— Двух?

Мэйкон кивнул. Элли, видимо, думала, что он жеребец. Майлз собирался разрушить это впечатление.

— Я женился на Элизе, когда мне было восемнадцать. Я никогда не спал с кем-то еще. Так что, если ты ищешь невероятное количество опыта, ты не найдешь его со мной. Ты должна знать это. После несчастного случая... не так много женщин хотели связаться с разбитым, разведенным и одноногим ветераном.

— Одна нога с четвертью. Мы должны использовать все наши активы, Майлз, — девушка поднялась на цыпочки. — Я так сильно хочу тебя. Не думаю, что я когда-либо так хотела мужчину, как хочу тебя. Я хочу, чтобы тебе меня было достаточно.

Это было все, о чем Мэйкон мог просить. Он наклонился и поцеловал ее в губы.

— Так и есть. И тебе не надо идти со мной. Как я уже сказал, мне не обязательно доминировать, чтобы быть с тобой. Я отнесу торт и вернусь сюда. Мы поиграем с детьми и, возможно, чуть позже сегодня вечером, мы разберемся со всем и решим наши дела. Я не хочу давить на тебя. Эти отношения важны для меня.

Элли снова обняла Майлза.

— Это важно для меня тоже. Вот почему я хочу пойти. Я хочу посмотреть. Они позволят мне? Или они подумают, что я извращенка, которой нравится наблюдать?

— О, дом полон счастливых извращенцев прямо сейчас, — Мэйкон вздохнул, и понадеялся, что это не станет ошибкой. — Я уже спросил, могу ли я привести тебя. Большой Таг согласился. Добро пожаловать, но ты идешь со мной, а это значит, что на этот счет существуют кое-какие правила.

— Мне называть тебя Сэр? Я в курсе, знаешь ли.

По крайней мере, Элли снова выглядела счастливой.

— Нет. Называй меня Мэйкон и держись ближе ко мне. Если я дам тебе приказ, то это для твоей безопасности и безопасности других. Это частная игровая вечеринка. Различные сцены будут проводиться в разных комнатах дома, хотя большинство людей будет в подzemелье. И там будут голые люди. Если бы мы были в “Санктуме”, то ты не должна была бы заходить туда в уличной одежде.

— У меня нет ничего сексуального.

— Ты сексуальна в том, в чем есть.

Элли направила ему в джинсах и футболке, в униформе ресторана или пижаме.

— Ты говоришь сладкие вещи, Майлз, — девушка оглянулась и одарила мужчину трепетной улыбкой. — Я без ума от тебя. И я хочу, чтобы у нас все получилось.

Мэйкон обхватил ее щеки руками и прильнул к своим губам для долгого поцелуя. Майлз целовал Элли медленно, будто наслаждался каждым мгновением. И не мог просить о большем, чем полученный шанс быть рядом с ней.

— Я тоже схожу с ума по тебе.

Мужчина опустил голову вниз. Торт мог подождать еще несколько минут.

Элли вцепилась в руку Мэйкона и все ее страхи исчезли. Девушка смогла, наконец, почувствовать, как переплелись их пальцы. Она приблизилась к мужчине, когда они вышли из столовой после нанесения последних штрихов на шведском столе. Это было великолепно. Мэйкон не был автором всех блюд, но, по мнению Элли — его были самыми вкусными. Помимо торта и тарелки крохотных лимонных пирожных с капелькой лимонного конфи, он сделал три вида хумуса, собрал мясную нарезку и сырную тарелку, а также прекрасный

набор закусок. Элли помогла ему с разнообразными овощами, нарезав их так, как он научил ее.

Ей нравилось жить с Мэйконом. Элли была уверена, что влюбилась в него. Возможно, это было ошибкой, возможно, она была наивной, но Майлз не мог причинить вред ее брату. Элли хотела узнать правду, но она была уже не уверена, что эта правда стоила ее отношений с Майлзом.

— Ты готова? Там есть бар в гостиной, но никто здесь не напивается. Большой Таг не позволяет. Всего два напитка на человека.

— Правда?

— Дисциплина — это название игры с этой толпой, — объяснил Мэйкон. — Дома не смогут позаботиться о своих сабах, если они выпьют слишком много, а они всегда должны заботиться о них. А вот и первые голые люди. Естественно, это моя невестка. Да, мне пришлось привыкать к этому.

Элли раскрыла рот. Серена Дин-Майлз — скромная писательница, которую девушка узнала за последнюю неделю, была обмотана веревкой как индейка, и она была единственной, что на ней было. Казалось, что веревки было так мало, что она не прикрывала ничего важного. Руки Серены были связаны за спиной, а ее груди с гордостью демонстрировали что-то похожее на бюстгальтер, только без чашечек.

— Кто не сдержал своего слова, сегодня? — спросил Адам, низким голосом, похожим на рык.

Элли пришлось признать, что “большой брат” Мэйкона выглядел отлично, хотя на нем и не было ничего, кроме, чего-то похожего на пару кожаных штанов. Грудь мужчины была идеально накачена; выделялся каждый дюйм его сухопарых мышц.

— Это я, Мастер, — ответила Серена. Сегодня на ней не было очков и привычного пучка. Ее светло-каштановые волосы были распущены, из-за чего она выглядела очень женственно и сексуально. Серена прикусила нижнюю губу и посмотрела на Адама большими глазами. — Мне очень жаль. У меня сегодня не было достаточно времени.

— На самом деле, она не сожалеет, — прошептала Элли Мэйкону.

Мэйкон оскалился.

— Может, совсем немного, но это все игра. Они создали эту сцену несколько недель назад. Они называли ее “непослушный автор поддается своим музам”.

Элли не сдержала смехок. Они действительно сидели и планировали подобное? Девушка попыталась представить этих троих вокруг обеденного стола, говорящих о том, какие вещи они будут использовать. “Игрушки”, — поправила она себя. Они могли бы говорить о том, какие игрушки собираются использовать, когда будут играть. Или, может быть, они могли бы говорить об этом в постели. Ну, пока обнимали друг друга и делились своими фантазиями.

Были ли у Элли сексуальные фантазии? Все ее мысли вращались вокруг Мэйкона, но в них было гораздо больше, чем просто объятия и поцелуи. Девушка думала, что согласится на секс, чтобы насладиться его объятиями.

Но что, если она могла бы иметь больше?

К сцене подошел Джейкоб Дин. Как и на Адаме, на нем не было ничего, кроме кожаных штанов и сапог. В руках он нес хлыст. Джейкоб встал перед Сереной и слегка постучал им по ее груди.

— И что наш любимый автор делала, вместо того, чтобы писать книгу?

— Думала о сюжете, — ответила Серена.

И получила жесткий шлепок по своему задку от Адама. Звук с треском пронесся по воздуху. Элли подпрыгнула, но Мейкон обвил ее талию руками, притянув девушку к теплу и безопасности своего тела.

— Все в порядке. С ней все хорошо.

— Я знаю, — заставила себя произнести Элли.

Глубокий голос Мэйкона прогремел ей на ухо.

— Наблюдай за ней. Она морщится, но не пытается вывернуться. Звук хуже, чем ощущение. Я слышал, что Серена очень чувствительная.

Джейк опустил хлыст на ее зад снова. Серена немного дернулась в сторону мужа. Но определенно не пыталась убежать.

— Хочешь еще, милая? — спросил Джейкоб. — Я всегда могу воспользоваться имбирной смазкой.

Видимо, Серене не нравились ароматизированные смазки, потому что она начала произносить слова достаточно быстро.

— Я была на Facebook, и заигралась в Candy Crush. Мне очень жаль, Мастер. Пожалуйста, не наказывайте меня. Я буду хорошей. Вы, на самом деле, не должны наказывать меня.

Это звучало правдоподобно, и на мгновение Элли напряглась, услышав слова, которые говорила ее мать, но затем Серена подняла глаза, и яркая улыбка озарила ее в лицо.

— Эй, Эллисон. Я так рада, что ты смогла сделать это, — сказала она, снова заговорив привычным голосом.

Адам прищурился, а потом улыбнулся тоже. Он помахал ей рукой.

— Привет, рад тебя видеть.

Джейк хмуро посмотрел на своего партнера и его жену. Он положил одну руку на бедро, а хлыст прижал к внешней поверхности бедра.

— Вы помните что-нибудь про свои роли? Или вы вообще все забыли? Это воспитание детей превратило нас в такую троицу? Вы понимаете, что если мы не сможем сосредоточиться на своей сцене, то это сведет всех с ума?

Адам казался совершенно равнодушным к взгляду Дома.

— Я был удивлен, увидев ее здесь. Я думал, что она пойдет по стопам Анастейши Стил.

— Молодец, детка. Я бы дала тебе пять, если бы Джейк не был так хорош в завязывании узлов на веревках, — сказала Серена.

— Я могу напомнить тебе, насколько хорошо я владею хлыстом.

Джейк поднял и опустил руку вниз, хлыст ударил по заднице Серены.

Она ахнула, но Элли не могла не заметить, как она ей подмигнула, прежде чем вернуться в роль непослушного писателя. Джейк и Адам стали “пытать” ее.

Майлз всегда находился рядом с ней, все время ее обнимал. Она прислонилась к нему, упиваясь его теплом и силой. Элли начала смотреть сцену с глубокой тревогой, но с каждым мгновением расслаблялась все больше. Серена то и дело смотрела на нее, улыбалась или подмигивала, как будто знала, что ей было тяжело.

Как много они знали о ее жизни? Неужели она была как открытая книга? Элли гордилась тем, что никогда не показывала свою боль. Только мысль о потере Мэйкона подтолкнула ее к разговору сегодня. В то мгновение, когда она оказалась в его объятиях, это было таким естественным — рассказать об этом, позволить себе отпустить пусть и

крошечный, но кусочек боли.

Мэйкон наклонился.

— Они собираются приступить к интимной части, где мой брат показывает свои причиндалы. Это тот момент, когда я обычно сваливаю.

Естественно, Майлз хотел бы остаться, но Элли позволила ему увести себя. Девушка даже не попыталась взглянуть.

Мэйкон вел ее по коридору. Казалось, что весь дом превратился во дворец со слабым освещением, а грохот музыки звучал через акустическую систему дома. Девушка повсюду видела мужчин и женщин в различной одежде. Женщины носили корсеты и крошечные стринги или юбки, которые, на самом деле, прикрывали немного. Была уйма каблуков и множество босых ног. Элли остановилась, когда увидела женщину на поводке. Она смотрела, и пыталась найти признаки того, что той это было не по душе.

— Если бы этой женщине не нравился поводок, она бы его сняла и посадила мужа на задницу, — прошептал ей на ухо Мэйкон.

Элли в очередной раз почувствовала, что полностью открыта для этих людей. Наверное, с ее стороны это было грубо.

— Прости.

— Нет, они не возражают, что ты за ними наблюдаешь. Если бы они не позволяли другим смотреть, то не находились бы здесь, но ты должна уяснить в своей голове, что это не женщины, которые подвергаются насилию. Это женщины, которые сделали свой выбор давным-давно с тем, кем они хотят быть. Женщину на поводке зовут Карина Брайтон. Ее муж — лейтенант полиции Далласа, бывший зеленый берет, и он не пытается взять ее силой. Она подчиняется ему, потому что находит это расслабляющим и приятным для них обоих. Поводок и ошейник для игры. Кстати, я слышал, что Карина проиграла пари, и Дерек заставил ее попробовать роль щенка и был удивлен, когда ей это понравилось.

Пока Мэйкон говорил, большой Дом сел на один из диванов в специальной лаундж-зоне дома.

— Значит, она притворяется щенком? И будет сидеть у его ног?

— Время от времени, да. Но я думаю, что он хочет посадить этого щенка к себе на колени.

Майлз хихикнул, когда Дом слегка дернул поводок своей сабы и потянул ее к себе на колени. Мужчина положил руки на голову женщины и погладил ее по волосам. Она устроилась в его объятиях, и он начал тихо разговаривать с другими Домом и сабой, которые, казалось, были очень близки.

Как это ощутить, как иметь возможность прижаться к Мэйкону и чувствовать себя целой и наполненной в его объятиях? Как? Как избавиться от секретов между ними?

Элли слишком все затянула. Девушка не могла рассказать ему правду сейчас. Она не хотела потерять его.

— Эй, с тобой все в порядке?

Эллисон снова замерла и вжала голову в плечи. Мэйкон думал, что она была напугана. Девушка заставила себя расслабиться и улыбнулась мужчине.

— Я в порядке.

Мэйкон взял руки Элли в свои ладони.

— Ты готова двигаться дальше?

Она была готова провести с ним столько времени, сколько возможно. Эллисон кивнула,

и Мэйкон повел ее по коридору.

Три часа спустя, она помогла Серене накрыть последнюю еду. Большой Таг небрежно схватил лимонные пирожные, прежде, чем отправиться с женой за своими детьми. Он также подарил Грейс великолепный браслет от Тиффани в ее день рождения, так что Элли не думала, что кто-то станет возражать, если Йен и Шарлота уйдут пораньше. Грейс и Шон выглядели вполне довольными своей вечеринкой, и даже подошли к Элли, чтобы сказать ей, как счастливы они были увидеть ее там.

Девушка наблюдала за всеми любителями извращений, и это заставило ее задуматься.

— Мы тебя пугаем? — спросила Серена, пока закрывала крышку контейнера с хумусом.

— Только парень с хлыстом, — честно ответила Элли.

Серена кивнула.

— Да, когда Каю достается подходящая саба, он действительно может увлечься. Майя — шлюха боли. Она также и ужасный человек, так что она идеальный партнер, чтобы зажечь внутреннего садиста в Кае.

— Они пара?

Они были единственными, кем она не воодушевилась. Там было что-то холодное, как будто не было никаких чувств между ними.

— О, нет. Кай терпеть не может Майю, и она видит его, как средство для достижения цели. Игры — это не всегда сердечки и цветы, и прекрасно вставленные анальные пробки. Иногда это просто то, что тебе нужно. Это подходит и для одиноких людей, которые участвуют в сценах. Они приходят в “Санктум”, чтобы выпустить пар, контролируя себя. Таким образом, они дают кому-то другому то, что им нужно. У Кая сильная садистская склонность. Он контролирует ее путем поиска партнеров, которым нравится боль, и он дает им эту боль.

Кай был великолепен, эдакий светловолосый Бог в мужском обличье, затянутый в кожу, но он заставил Элли слегка задрожать.

— Святое дерьмо, он похож на Декстера, только в роли Дома.

Серена кивнула.

— Я использовала это в книге. Я уверена, что Кай опишет это в наиболее психологическом и техническом плане. Если ты придешь в “Санктум”, а не на частную вечеринку, то ты должна будешь в первую очередь утверждена Каем. Все члены клуба, встречаются с Каем, чтобы убедиться, что они здесь по правильным причинам.

Элли почувствовала, как упала ее челюсть.

— Он психиатр? Чувак с хлыстом?

— Да. Его специальность “Посттравматический стресс у ветеранов войны”.

Мэйкон уже упоминал о Кае. Он говорил, что посещает его. Такой причудливый мир, где парень с кнутом помогал всем быть вменяемыми в различных ситуациях.

Но опять же, может быть, это был всего лишь кусочек причудливого мира.

— Эй, Серена, где пылесос? Нужно вернуть гостиную к нормальной жизни. Хотя можно просто подмести.

Помянешь дьявола. Кай Фергюсон стоял на кухне, одетый в совершенно обычные джинсы и футболку, которая обтягивала его худощавое тело. Его светло-песочные волосы были стянуты сзади в пучок, еще у него были очки, что не скрывало его сексуальность. Он улыбнулся ей открытой, честной улыбкой, что вообще не вязалось с блеском садистской радости в его глазах ранее.

— Привет. Ты девушка Мэйкона. Элли, верно?

То, что ее называли девушкой Мэйкона, заставило Элли засветиться изнутри. Она протянула руку.

— Эллисон Джонс.

— Кай Фергюсон. Я надеялся встретиться с тобой, — он взял ее руку и пожал, прежде чем отойти. — Я поговорю с Мэйконом о записи на прием.

— Что? Зачем?

Ей пришлось признать, что он все-таки напугал ее немного.

— Это частная вечеринка. Мэйкон не объяснил?

— Мэйкон не торопит события с новой девушкой, — сказал Майлз, когда вошел. Он посмотрел на Кая. — Мэйкон старается не напугать новую девушку.

Кай поднял руку.

— Эй, я только делаю свою работу. Вы знаете, что она не может прийти в “Санктум” без моего одобрения. О, клуб может сейчас и переезжает из дома в дом, но правила остаются прежними. Я знаю, что Большой Таг, вероятно, скажет мне, побеседовать с ней, потому что хоть ты и всемогущий паймейкер, но лучше, если мы все будем соблюдать правила.

— Она даже не знает, подходит ей это или нет, — начал спорить Мэйкон.

Кай повернулся в сторону Элли.

— Какие-нибудь сцены возбудили тебя?

Девушка почувствовала, как ее бросило в жар.

— Чувак, — запротестовал Мэйкон.

Кай покачал головой, явно не желая менять свою точку зрения.

— Ну, если она не может даже говорить о сексе, то ей, вероятно, не место в секс-клубе. Я не пытаюсь быть грубым, но я должен решить, подходит ли ей это место. Люди приходят в “Санктум” для удовлетворения своих потребностей и заскоков. Я наблюдал за ней сегодня. Она казалась немного на взводе, как будто была обеспокоена чем-то. Я не единственный, кто это заметил.

Эллисон почувствовала унижение.

— Мне очень жаль. Я не хотела причинять кому-то неудобства.

Серена перешла на ее сторону.

— Все в порядке, милая.

— Но она причинила, — совершенно обыденно сказал Кай. — Я был фактически удивлен, что ты оказалась той девушкой, которая мелькала то тут, то там. Когда они описывали тебя, я думал, что они говорили о привидении.

— Кай, не надо, — предупредил Мэйкон. — Я знаю, что ты делаешь.

— Тогда ты должен знать, что я помогаю.

Элли не чувствовала, будто он ей помогал.

— Это было импульсивно, — начала она говорить и почувствовала себя лучше. Почему бы ей не обсудить это? Почему ее сексуальность должна была иметь меньшее значение, чем всех остальных? Кай “Декстер” Фергюсон делал Элли в какой-то мере безумной, что и заставило девушку ответить на его вопрос. — Да, я была сексуально возбуждена. И да, некоторые сцены вызывают у меня беспокойство, но это, все равно, возбуждает меня.

Улыбка Кая была столь широка, что осветила его лицо.

— Видишь, вот и все. Теперь ты знаешь, что у тебя есть некоторые наклонности. У каждого они есть. Большинство людей просто не признают их. Что мешает тебе? Я знаю, что

я делаю.

Черт бы его побрал. Он знал, что делал, но, казалось, упрямо не собирался прекращать разговор.

— Насилие беспокоит меня из-за того, что произошло, когда я была ребенком.

— Все в порядке. Это запретная тема для тебя. Ты можешь избегать или смотреть такие сцены, как эта, либо мы можем поработать над этим. Хорошая новость — Мэйкон не такой Дом. Он очень снисходительный. Сомневаюсь, что он любит пороть женщин.

— Мне очень нравится порка и когда, черт возьми, это успело превратиться в сеанс терапии? — Мэйкон покачал головой и прислонился к прилавку.

— Никогда не поздно провести сеанс терапии, мой друг. Я надеюсь на тебя. Ты стал больше улыбаться после того, как эта женщина пришла в твою жизнь. Я хочу помочь вам заставить это работать. Отношения, как и все в жизни, требуют больше, чем удачу, больше, чем просто любовь. Они требуют двух людей, которые честно хотят быть вместе. Пару, готовую работать над вопросами, которые неизбежно появятся, отдавая их. Это нелегко — взять два независимых существа и сформировать по-настоящему работоспособную пару.

Серена откашлялась.

— Или три, — Кай позволил себе уточнить, прежде чем повернулся к Элли. — Я видел, как вы смотрели эту сцену, но разговоров между вами не наблюдал. Вы держались за руки, но я не чувствую настоящей близости. Вы не спите вместе.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты зануда, Кай? — спросил, очевидно, раздраженный Мэйкон.

— Это хобби. Я твой друг, а не психотерапевт. Тебе грустно, что ты не спишь с ней. Я бы тоже очень грустил. Она великолепная женщина.

Кай отвесил ей вежливый поклон.

Девушка оказалась в каком-то странном месте. Дома никто никогда не говорил о сексе. Может, поэтому у нее никогда и не было действительно хорошего секса. Чем бы ни занимались ее новые друзья, она могла сказать одну вещь. Они были счастливы.

— Я боюсь спать с ним, — призналась Элли. — Не потому, что он может причинить мне боль. Я знаю, что он никогда этого не сделает. Я боюсь разочарования. Я хотела бы связать с ним свою жизнь, но без секса, потому что меня ему может быть недостаточно.

Мэйкон повернулся к ней.

— Детка, это не так работает.

Кай ухмылялся от уха до уха как маленький мальчик, которому сделали подарок.

— Почему ты думаешь, что ему тебя не хватит?

— Это потому, что ты никогда не кричала от оргазма? — спросила Серена. — Это вина мужчины, знаешь ли. Может быть, у тебя еще не было достойного любовника.

— Это не всегда его вина, — не согласился Кай. — О чем ты думаешь во время секса, Элли?

Мэйкон вздохнул, как будто знал, к чему клонил психолог.

Девушка не знала, к чему это все могло привести.

— Хм, я не знаю. Это зависит от того, что происходит в моей жизни. Иногда я думаю о том, что мужчина делает, и мне не нравятся его действия, а иногда я думаю о том, что мне нужно сделать завтра. Я очень переживаю по любому поводу.

— Если ее мозг работает так же, как ее тело, то она никогда не перестает думать, — объяснил Мэйкон. — Она всегда в движении. Даже когда мы сидим и смотрим телевизор,

Элли делает что-то еще. Она вяжет или составляет списки дел, которые нужно сделать. Она никогда не сидит спокойно.

— Я всегда так делаю.

Элли никогда не думала, что с этим может быть что-то не так.

— Она беспокоится о чем-то. Тебе нужно вытащить это из ее головы. Почему бы вам не прийти ко мне на сеанс? — спросил Кай. — Я могу записать вас на вторник. Нам, наверное, понадобится час или два.

— Я думаю, что сам справлюсь с этим, приятель, — Мэйкон похлопал своего друга по плечу, а затем посмотрел на Серену. — Вы не возражаете, если мы уйдем?

Серена покачала головой.

— Конечно, нет, — она заключила Элли в объятия. — Так хорошо, что ты была здесь.

— Позвоните мне, если вам что-нибудь понадобится, — предложил Кай.

Мэйкон хмыкнул и взял ее за руку.

— Давай, детка. Нам нужно поговорить.

Элли позволила Майлзу увести себя, хотя до смерти боялась предстоящего разговора.

Глава 5

Мэйкон запер дверь. Все же в их доме было хорошо. После всех волнений ночи, было здорово вернуться в тишину и спокойствие дома. Девушки Дейли уничтожили все признаки того, что дом был использован в качестве детского сада, и все аккуратно и мирно вернулось на свои места.

Так почему в теле Мэйкона кипела энергия?

Он ведь всего лишь собирался поговорить с ней. Кай был прав. Им нужно было пообщаться. Майлз был уверен, что было бы намного проще упасть в кровать и наслаждаться тем, что они могли в ней делать, но прежде всего — разговор. Мужчина хотел большего с Элли. Не просто болтовни и парочки поцелуев. Эй, если она тоже хотела большего, то он даст ей это. Почему же он так чертовски нервничал?

— Хочешь кофе?

Элли подняла на него взгляд, а на ее щеках запылал розовый румянец.

— Знаешь, большинство парней предложили бы девушке вино или что-нибудь покрепче в такой момент.

Мэйкон покачал головой. Неужели она действительно думала, что он не обратил внимания на ее привычки?

— Ты не пьешь спиртное.

— Зато ты это делаешь. Я видела, как ты выпивал с Эриком и ребятами.

— Я не буду, если тебе от этого некомфортно.

В холодильнике стояли шесть банок пива, которые Майлз купил за день до торнадо.

Элли прикусила нижнюю губу и скрестила руки на груди.

— Иногда мне кажется, что ты слишком хорош, чтобы быть настоящим.

— Ты единственный человек в мире, кто думает так. Я хотел поговорить кое о чем важном. Мы потратили неделю, разговаривая о фильмах и книгах, а не о нас, и это привело к сегодняшней проблеме.

Девушка повернулась, подошла к кушетке и села.

— Ладно.

Она сказала это так, как будто этот разговор будет неприятен. Мужчина начал понимать, что беседы по душам давались Элли нелегко. Для него это было легче, так как он

провел несколько месяцев терапии с Каем. Через пару недель, которые Мэйкон находился в своей резиденции в Далласе, он выяснил, что признания в каких-либо вещах не делало его менее мужественным. Он поменял свой взгляд на то, что значит быть мужчиной, когда приехал в Даллас. Майлз сел на диван рядом с Эллисон.

— Ты собираешься спать со мной?

— Да.

По крайней мере, она не постеснялась ответить на этот вопрос.

— Хорошо. Я тоже хочу сделать следующий шаг в наших отношениях. Ты боишься, что тебя не будет достаточно для меня. Ну, а я боюсь, что не очень хорош в постели. Я знаю, что должен быть таким Альфа-самцом, который не сомневается, что трахается, имея две ноги, но я инвалид и я устал притворяться. Я неполноценный. Но мне бы очень хотелось почувствовать себя полноценным человеком с тобой.

Все тело Элли, казалось, обмякло, и она протянула к нему руки.

— Откуда такие мысли?

Мэйкон позволил ей обнять себя, чтобы насладиться теплом девичьего тела.

— Потому что моя бывшая жена сказала мне, что я бесполезен с двумя ногам, и что я совершенно жалок с одной. У нее был роман с моим братом. Не с Адамом, конечно. С Аланом. Он мой брат, первенец и любимец отца. Отец отрекся от Адама из-за его увлечений. Я не совсем открестился. Просто ушел. Я мог бы вернуться, приняв новую подружку своего брата. Которой оказалась моя бывшая жена. Да, вот так я облажался.

Элли скользнула своей рукой по руке Мэйкона, а потом еще раз, как будто пыталась успокоить его.

— Каждый ошибается, я думаю. Некоторые люди просто лучше это скрывают. Что, если мы попробуем? Я имею в виду, мы никогда не узнаем, есть ли между нами химия, если не попробуем.

— О, у нас есть химия, детка. По крайней мере, с моей стороны. У меня встает, когда ты простоходишь в комнату.

— Правда?

По крайней мере, здесь честность работала на нее.

— О, да. Ты помнишь тот первый день, когда ты появилась в “Верхних” и была, мягко говоря, как будто не в своей тарелке? Я впустил тебя внутрь, и ты ждала со мной, пока Шон смог с тобой побеседовать.

— Я помню, как ты делал шоколадную глазурь для груши в сиропе и позволил мне попробовать.

— Да, и у меня был стояк, — Мэйкон сдвинулся назад, чтобы сесть удобнее, хотя это и означало, что он должен отпустить ее руку. — Он и сейчас есть.

Это было своего рода преуменьшение действительности. Его член был твердым, как камень, и отчаянно желающим ее, но Майлз твердо решил дать Элли необходимое время.

Взгляд девушки спустился к промежности мужчины, и она широко раскрыла глаза.

— Ты серьезно?

— Да, но я не собираюсь ничего делать, пока ты не будешь готова.

Элли простонала.

— Ты убиваешь меня, Майлз. Почему ты не можешь быть обычным сумасшедшим парнем и просто запрыгнуть на меня? Зачем тебе все усложнять?

В тоне Мэйкона, Элли уловила оттенок резкости.

— Потому что я воспринимаю это слишком серьезно. Если тебя интересует быстрый трах, вероятно, тебе лучше найти кого-нибудь другого.

Девушка покраснела.

— Прости, Мэйкон. Я готова. И я думала о том, что хочу отдать весь контроль в твои руки. Просто я не знаю, что делать и, честно говоря, даже не знаю, чего на самом деле хочу, за исключением того, чтобы оказаться еще ближе к тебе.

— Я знаю, чего хочу.

Прекрасное чувство — быть честным с тем, кто честен с тобой.

— Чего же?

— Я хочу заставить тебя кричать. Я хочу быть тем человеком, который покажет тебе, на что ты способна, потому что мне кажется, что ты могла бы зажечь, детка. Ты просто должна доверять мне. Ты должна все отпустить и перестать думать, о чем угодно, кроме своих ощущений, — Кай может быть и проныра, но он добрался до сути вопроса. Элли слишком много думала. Всегда находилась в режиме постоянной защиты и нуждалась в нем, чтобы снести эти стены. — Я хочу поиграть с тобой в чувственную игру. Она не обязательно должна заканчиваться сексом.

Зато может привести к массовому сеансу мастурбации, если она скажет “нет”. Тогда его правая рука пошалит сегодня вечером.

— Все в порядке. Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Майлз встал и протянул руку.

— Пойдем в твою спальню, — будет легче уйти от нее потом, чем смотреть, как уходит она. Кроме того, возможно девушка почувствует себя более комфортно среди своих собственных вещей. — У тебя есть платок?

— Конечно. В моей комнате.

У Элли дрожала рука, когда она вложила свою ладонь в руку Мэйкона.

Мужчина помог Эллисон встать и прижал ее ладошку к своей груди.

— Маленькая, я знаю, что ты доверилась мне, но ты понимаешь, как это работает, верно? Ты отдаешь мне контроль, чтобы я доставил тебе удовольствие, но в ту минуту, когда ты почувствуешь себя некомфортно, скажи мне и я все прекращу.

Она поднялась на цыпочки и коснулась его губ своими.

— Как я и говорила. Это все слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Ты бы так не говорила, если бы видела меня несколько месяцев назад, — мужчина повел ее в спальню. Мэйкон точно не хотел, чтобы Элли думала, что он был каким-то святошей. — Я был пьян все время, был жестким и злым.

— После того, как ты потерял ногу? И твоя жена ушла от тебя? Я могу это понять. Возможно, я даже стала бы маньяком-убийцей, Мэйкон.

Очень вероятно, что Элли добралась бы до этой Элизы со своим молотком. Майлз наслаждался ее этой сумасшедшей чертой характера. Он вырос вокруг таких женщин как его мачеха. Красивая, великолепная, холодная. Пока Мэйкон фактически не ушел в армию, он и не встречал настоящих женщин. Он решил, что ему нужна такая женщина как Элиза, которая хотела быть женой офицера. Ее отец имел хорошие связи благодаря своей юридической фирмы. А ее мать была моделью и светской львицей. Мачеха Мэйкона одобрила Элизу.

Если бы его женой была Элли, то Майлз не проснулся бы в одиночестве в больничной палате в Германии. Одиноким и страдающим от боли. Просыпающийся от одного и того же сна каждую ночь, в котором его друг поднял пистолет...

Мэйкон отбросил все воспоминания. Мужчина знал, что этот момент настанет, и ему придется объясниться с мамой и сестрой Ронни. Он знал, что не сможет двигаться дальше, пока не поговорит с ними, но ему нужно было для начала какое-то время побыть с Элли. Хотя бы неделю.

Сейчас было неподходящее время думать о Роуе. Сейчас настало время сосредоточиться на Элли. Мэйкон хотел быть с ней настолько сильно, что прямо сейчас мог бы попробовать ее, но должен был сначала подготовить девушку. Мужчина хотел взбить Элли в сладкую пену. Аккуратными прикосновениями. Он всегда знал, что ей это необходимо.

Майлз провел большую часть своей жизни за подготовками к карьере солдата. И никогда не намеревался покидать военную службу. Но если бы мужчина ее не оставил, то никогда бы не обнаружил эту неожиданную сторону самого себя. Мэйкон бы никогда не узнал, что ему нравилось делать десерты. Он обожал это аккуратное искусство.

Мэйкон Майлз собирался воспользоваться им, чтобы показать Эллисон Джонс, что им будет достаточно друг друга.

Девушка открыла верхний ящик своего комода и достала длинный сине-зеленый платок.

— Я собираюсь завязать тебе глаза. Я хочу, чтобы ты сконцентрировалась только на одном. На мне. На моих прикосновениях, моем голосе, на том, что я с тобой делаю. Но прежде чем мы начнем, я хочу, чтобы ты разделась. Я хочу, чтобы ты смотрела на меня, пока делаешь это. Смотрела мне в глаза, слушала мое дыхание и наблюдала, каким чертовски твердым станет мой член. Хочу, чтобы ты увидела, как сильно ты заводишь меня.

Девушка застыла на мгновение, а затем подняла глаза и уставилась на Мэйкона, в то время как рукой потянулась к краю своей футболки. Она медленно стащила ее через голову, обнажив светлую кожу, к которой мужчина так хотел прикоснуться. Элли была одета в простой белый лифчик, который казался более эротичным, чем все комплекты Victoria's Secret, которые носила Элиза. У него не было богатого опыта, но ему он был и не нужен, чтобы понять, что Элли была особенной. Она заставляла его чувствовать.

— Теперь джинсы.

Мэйкон хотел, чтобы она продолжала.

Девушка положила руки на бедра.

— Я ждала несколько недель, чтобы увидеть твоё тело, Майлз. Я сниму не только джинсы, но и все остальное, если ты покажешь мне, что ты прячешь под футболкой.

Мэйкон стянул с себя футболку, бесконечно радостный от того, что снова возобновил хардкорный режим тренировок. Ему не понравилось то, что Адам и Джейк были намного сильнее. Это побудило его работать усерднее. У него, может, и не было правой ноги, но у него был охрененный торс.

Элли уставилась на него своими голубыми глазами. Этого было достаточно, чтобы заставить мужчину почувствовать себя хорошо.

— По-моему, ты хотела снять свои джинсы.

Его уверенность возросла, когда Майлз увидел, что у девушки отвисла челюсть. Мужчина хотел отплатить ей тем же, потому что Эллисон была великолепна. Внутри и снаружи.

Элли положила руки на пояс своих брюк. Она расстегнула пуговицу и стянула джинсы вниз по бедрам к полу.

— Ты знаешь, что это не все, чего я хочу. Я обожаю каждый твой изгиб, и хочу увидеть тебя всю.

Майлз заметил, как его тон влиял на девушку. Властный, но любящий Верхний поможет ей. Элли могла довериться ему, чтобы принести им обоим большую радость.

Эллисон завела руки за спину и одним поворотом кисти расстегнула бюстгальтер, который открыл его взору великолепную и круглую грудь с темно-розовыми сосками. От груди Элли захватывало дух, и все тело Мэйкона откликнулось на ее вид. Каждая мышца напряглась, а кровь начала бурлить от предвкушения.

— Я хочу больше.

Элли выгнула брови над своими голубыми глазами.

— Я тоже.

— Там все не так красиво, детка.

Но это был он. Майлз смирился с этим. Он потерял ногу. Мэйкон отдал ее своей стране. Сначала это казалось не более чем случайностью, но теперь мужчина был убежден, что это была жертва, и он охотно бы принес ее еще раз, если бы это означало, что люди, которые ему были дороги будут в безопасности. Мэйкон долго строил свою карьеру в армии, а потом дорогу, которая вела к чему-то новому и другому. Он принял эту жертву, сделал свое дело, и теперь хотел мира и свободы, и, Боже, Майлз хотел Элли.

— Сама попросила.

Мужчина спустил джинсы вниз, осторожно стянув их с протеза. На нем был вакуумный замок, который Майлз собирался открыть позже, но решил сделать это сейчас. Элли должна была увидеть, какой он. Мэйкон ходил благодаря искусственной ноге с механизированным коленом. Сейчас Мэйкон не был нормальным, но когда он был таким раньше, то его окружала одна ложь.

— Могу я прикоснуться к тебе?

Элли уже подняла руку вверх, но так и не сделала к нему ни шагу.

Мужчина хотел избавиться от этого стеснения, которое ощущалось между ними. Он взял ее за руку и прижал девичью ладонь к своей груди.

— Ты можешь трогать меня где угодно.

Пальцами Элли коснулась его кожи в легкой ласке, заставив Майлза захотеть большего. Мужчина замер, предоставив девушке возможность изучить собственное тело. Казалось, Элли была очарована волосами на его груди, пока гладила Мэйкона, словно он был каким-то экзотическим зверем. Девушка проследила линии и контуры его тела, прошла по мышцам и погладила шрамы. У него их было много.

Пальцами она очертила все кубики на прессе мужчины, и спустились к поясу боксеров. А потом Элли уставилась на протез Мэйкона.

— Больно?

— Это нам не мешает, малышка.

Майлз не хотел вдаваться в подробности того, что нога время от времени болела, и он просыпался, пытаясь пошевелить конечностью, которой больше не было. Наверное, мужчина будет испытывать эти ощущения до конца своей жизни, но Мэйкон очень старался двигаться дальше. Он не был уверен, что смог бы, если бы Элли его отвергла. Каким-то образом Элли Джонс стала ему необходимой. Но его нога была уродливой. И это могло полностью перевернуть ее отношение к нему.

— Ты никогда не должен носить одежду, Майлз. Что здесь некрасивого? Это самая нелепая вещь, которую я когда-либо слышала. Ты — чертов греческий Бог.

Ну, по крайней мере, Элли принимала его. Мужчина не мог полностью поверить в это,

но ему этого хотелось. Был у Мэйкона такой момент, когда он испугался, что Эллисон увидит совершенные тела в сценах на игровых вечеринках и поймет, что может быть с кем-то полноценным. Майлз должен был убедиться, что девушка понимала, что никто не доставит ей столько удовольствия и счастья, и не будет относиться к ней так серьезно, как это мог сделать он.

Мэйкон поднял платок.

— Я собираюсь завязать тебе глаза. Я хочу, чтобы ты перестала реагировать на все, кроме звука моего голоса и прикосновения моей руки. Справишься?

— Я попробую, но ты должен знать, что я не очень сексуальная. Я не кричу, как другие женщины. Может это психологическое, может быть, что-то физически неправильно со мной. Не знаю, но я не хочу, чтобы ты слишком многого ожидал от меня.

Это прозвучало, как вызов. И Майлз был не тем мужчиной, который откажется от такого вызова.

В тот момент, когда Майлз повязал шелк поверх ее глаз, ощущения Элли изменились. Мир не совсем исчез. Осталось немного света, но он был несущественным. Девушка оказалась зависимой от Мэйкона. В этом и был смысл этой игры. Эллисон полностью зависела от мужчины, а все, что на ней было надето — пара белых хлопковых трусиков.

Без преимущества со стороны зрения, фокус девушки сместился. Элли ощутила кожей прохладный воздух, почувствовала, как ее соски затвердели, и как тепло разгорелось в нижней части живота.

— Расскажи мне о своей приемной матери.

Большими руками Майлз обхватил девушку за плечи, распространив тепло там, где он касался ее ими. Мужчина очень медленно скользил по рукам Элли.

— Я думала, что должна сосредоточиться на тебе.

— Да, и ты будешь следовать моим инструкциям. Ты ответишь на все мои вопросы, которые возникли у меня за эту неделю.

Сара хотела высказать в лицо ему о том, что он избегал ее почти год. Но конечно же, для того, чтобы это сделать, ей пришлось бы сказать, кто она такая. Девушка почти решила, что Мэйкон никогда не должен был узнать об этом. Некоторые вещи было бы лучше оставить в прошлом.

— Я ее любила. Она не всегда знала, как справиться со мной. А еще у нее был сын. Это он привел меня в их дом.

Руки мужчины перестали двигаться, и он убрал ее волосы со спины, обнажив девичью шею.

— Ты любила его?

— Ох, да, — это был легкий вопрос, но Элли не хотела, чтобы мужчина понял ее неправильно. — Он стал моим братом. Мы пережили вместе школу.

— Что случилось с твоей семьей, Эллисон? — слова громыхали вдоль ее затылка, заставив девушку задрожать, когда кончиками пальцев Майлз прошелся по ребрам Элли и спустился вниз к бедрам. Мужчина стоял позади нее, и хотя его касания были осторожными, не было сомнения, что он ее не оставит. — Я предполагаю, что-то плохое, иначе ты бы не жила в автомобиле.

Элли напряглась, весь интим улетучился, потому что ей нужно было солгать ему или скрыть правду, чтобы мужчина не смог ее допросить. Эллисон доверяла ему свое тело, и

даже сердце, но девушка должна была утаить правду, чтобы у них была возможность остаться вместе.

— Мой брат погиб в аварии год назад, и я недавно потеряла свою мать, она умерла от рака. У нас не было много денег, а те, что остались, ушли на оплату больничных счетов. Поэтому я собрала вещи и приехала в Техас, чтобы найти что-то новое.

“Чтобы найти тебя. И я это сделала, а теперь не могу представить, что бы делала без тебя”.

— Мне очень жаль, маленькая, но я рад, что ты рассказала, — Мэйкон поцеловал Элли в шею, и она снова начала расслабляться. — Почему ты думаешь, что ты не хороша в сексе? Посмотри, как эта красота отзывчива к моим прикосновениям.

Майлз обхватил ее грудь, и соски девушки мгновенно затвердели. Они сжались снова, почти до боли, как будто собирались взорваться, если мужчина не прикоснется к ним или не подразнит.

— Обычно такого не происходило.

Девушке пришлось закусить губу, чтобы сдержать слезы, когда Майлз аккуратно перекатил соски между большим и указательным пальцами. Элли почувствовала отклик на прикосновения мужчины внизу живота.

Она даже могла почувствовать тепло от его дыхания рядом со своим ухом.

— Почему? На что был похож твой секс раньше? У тебя были серьезные отношения с парнями?

Элли покачала головой и попыталась успокоиться. Без возможности увидеть мужчину, ей приходилось сосредотачиваться на темном, шоколадном звучании его голоса. Он казался таким глубоким и мелодичным.

— Ни с кем за последний год. Я встречалась с парнем в школе, а потом он поступил в колледж. Я осталась дома. После я встречалась некоторое время с женщиной, которого встретила на работе. Мы виделись урывками до тех пор, пока... — не умер Ронни. Она не могла ему об этом сказать, — ...не заболела мама. У меня не было времени на отношения.

Рукой Майлз двинулся ниже, к низу ее живота. Он прижался к ней ближе, и девушка смогла почувствовать его всем телом. В том числе и длинную, твердую часть тела мужчины, которая доказывала, что он наверняка к ней неравнодушен. Мэйкон, как будто был высечен из камня длинными линиями, и его член, казалось, не был исключением.

Мужчина скользнул пальцами под пояс ее трусиков.

— И никто из этих людей не заставлял тебя кричать?

Боже, она надеялась, что не разочарует его.

— Нет. Но скажу честно, эта наша прелюдия уже длится гораздо дольше, чем весь мой другой опыт в целом.

Майлз прижался своими губами к девичьему плечу, проложив вниз дорожку из поцелуев и вызвав в ней ощущения, которые сладко обожгли девушку.

— У нас будет все по-другому. Я ждал этого очень долго. Секс с моей бывшей женой был слишком быстрым. Она не хотела портить свою прическу, а я не знал, чего хотел, — пальцами мужчина опускался все ниже... все ближе и ближе к центру Элли. — Но сейчас я знаю.

— Чего ты хочешь, Мэйкон?

— Мне нужна любовница. Не та, которая отдается мне, потому что считает, что обязана делать это в отношениях. Я хочу женщину, которая жаждет отдать мне свое сердце и душу,

потому что я — единственный, кто может сделать ее влажной и готовой одним своим взглядом. Не нужно иметь тонну опыта, чтобы понять, что женщине нужно время и терпение, чтобы достичь своего максимального потенциала. Я хочу погрузиться в тебя, и познать тебя лучше, чем знаю собственное тело. Я хочу часами целовать каждый дюйм твоей кожи. И я хочу, чтобы ты доверяла мне настолько, что смогла бы позволить мне контролировать тебя.

— Это будет трудно для меня, — хотя, казалось, что это уже работало. Эллисон была так возбуждена, как никогда раньше. — Но я думаю, что мы уже можем заняться сексом. Мне кажется, я готова.

Мэйкон опустил руки и сделал шаг назад. Элли осталась стоять в одиночестве.

— Ты не будешь готова, пока я не скажу, что ты готова.

Он управлял ситуацией. Теперь девушка это понимала.

— Прости.

— Я не куплюсь на это второй раз, и когда я закончу, ты поймешь разницу между — быть просто влажной для секса и быть готовой заняться любовью. Но если тебе нужен еще один Дом, то тебе придется найти кого-нибудь другого.

— Я не хочу этого. Я хочу тебя. Не отталкивай меня. Со мной это впервые. Ты не представляешь, как я стараюсь.

Инстинкты Элли кричали ей защитить себя, что все это, в конце концов, закончится плохо, и если она станет уязвимой, то эти чувства разорвут девушку на части. Но она стояла там. Эллисон не сорвала с себя платок, и не послала его к черту. Она нуждалась в нем больше, чем в желании остаться в безопасности.

— Эй, извини, — сейчас Майлз стоял перед ней, его большое тело прижималось к ее, а рот мужчины завис прямо около губ девушки. — У меня тоже есть спусковые крючки, детка. Пожалуйста, не говори мне поторопиться и быстрее покончить с этим. Я хочу больше в этот раз. Мне необходимо что-то значить для тебя. Мне необходимо, чтобы этот секс имел значение.

— Это уже значит для меня больше, чем ты можешь себе представить. Я перестану напрягаться. Пожалуйста, не прекращай прикасаться ко мне.

Мэйкон поцеловал Элли. Теперь его губы были более требовательными, чем раньше. Руками мужчина нашел ее бедра, прижав их к теплу своего тела. Девушка обнаружила себя восхитительно сокрушенной порывом Майлза, когда он накрыл ее губы своими.

А потом мужчина отстранился.

— Я собираюсь отнести тебя в постель.

Элли ожидала, что Мэйкон возьмет ее за руку и отведет, но она вздрогнула, когда он подхватил ее под попку, и девушка взлетела в воздух. На мгновение ей стало страшно, потому что она не могла ничего видеть, и оказалась полностью зависящей от него, но это был Мэйкон. Элли расслабилась и позволила мужчине нести себя.

— Я изо всех сил постараюсь не споткнуться, малышка, — произнес он со смешком.

Было приятно слышать его смех после всей предыдущей серьезности. Даже если он споткнется, Майлз был тем человеком, который сделает все, чтобы принять весь удар на себя. Мэйкон скорее убьется при падении, но убедится, что она не пострадает.

А также, Майлз был тем типом мужчины, которому будет очень больно, если он когда-нибудь узнает, зачем Элли пришла сюда. Учитывая все, что с ним случилось, ему было нелегко доверять людям.

Эллисон нужно было время, чтобы Мэйкону стало настолько комфортно рядом с ней, что он не смог бы уже уйти от нее. Нужно было всего лишь несколько недель. Возможно, месяц. Может быть, девушка смогла бы даже выйти за него замуж.

Боже, она была влюблена в Мэйкона Майлза и хотела выйти за него замуж...

Он уложил Элли на покрывало. Кровать оказалась мягкой и удобной, как и все остальное, что ее окружало, с тех пор как она встретила этого мужчину. Жизнь Эллисон стала легкой, как никогда раньше. Даже когда она жила с мамой и Ронни, то сталкивалась с осуждением остальных горожан. Наследие в виде преступления ее отца, как облако цеплялось за нее. Но здесь, в Далласе, были только солнце, дружелюбие и он.

Элли позволила Мэйкону поднять свои руки над головой.

— Я хочу, чтобы ты держала их там, пока я не скажу тебе, что можно двигаться, — скомандовал Майлз глубоким голосом.

Девушка расслабилась, пока нежилась в мягкой постели. Ее кожа была настолько чувствительна, как будто все поры девушки открылись для того, чтобы впитать эти ощущения.

— Ты всегда такая красивая, Элли. Но особенно ты великолепна сейчас. Чем дольше я с тобой, тем меньше думаю, что не смогу быть счастлив в ванильных отношениях. Мне не нужно доминировать все время, но я хочу проводить с тобой ночи, когда ты доверяешь мне достаточно, чтобы открыться мне.

— Я тоже этого хочу, Мэйкон. Но сейчас, я хочу, чтобы ты еще раз притронулся ко мне.

— Значит, ты отдаешь приказы? — рукой он накрыл ее грудь, и девушка выгнулась от этого прикосновения. Он сжал пальцами сосок, перекатывая его. — Я отучу тебя это делать. Здесь, я — Верхний.

Он ущипнул, и Элли завизжала, от настолько неожиданной боли.

— Подожди секунду, — он положил руку ей на живот, чтобы удержать девушку на месте. — Скажи мне, что ты не почувствовала это своей киской, детка.

Боль пронзила девичье тело, но Мэйкон был прав. Она устремилась от ее сосков к сокровенному центру Элли, и теперь девушка ощущала тепло между бедер.

— Это было больно.

— Но ты даже не дернулась, — пальцами Майлз поглаживал ее промежность, которая была прикрыта трусиками. — А здесь, кажется, стало на удивление мокро.

Элли была мокрой и влажной, как никогда прежде. Это сбивало девушку с толка, когда она осознала, насколько далека была от готовности раньше. Элли хотела, чтобы Мэйкон ущипнул ее за второй сосок, да бы понять, будут ли ощущения одинаковыми. Но это было бы ошибкой. Ей бы наверняка не понравилось.

— Перестань думать об этом, — пальцами мужчина заскользил по ее клитору. Элли не смогла себя сдержать и начала извиваться. — Просто позволь этому произойти. Позволь мне поиграть с тобой. Если ты действительно не сможешь с чем-то справиться, скажи мне, и я остановлюсь, но выжди немного. Ты не сможешь узнать, нравится тебе это или нет, пока не попробуешь. Но я думаю, ты справишься. Твое дыхание изменилось. Ты задержала дыхание на мгновение, а затем расслабилась. Как сейчас.

Мэйкон ущипнул за второй сосок, и острая боль распространилась жаром, от чего появилось ставшее почти привычным чувство удовлетворения.

— Скажи мне, тебе было настолько больно, что ты больше никогда не захочешь испытать подобное ощущение?

Элли слышала, как мужчина двигался и чем-то шуршал. Не будучи в состоянии видеть его, Мэйкону удавалось удерживать ее тело на краю. Таким активным и бодрствующим Майлз никогда не был прежде.

— Нет. Это больно по началу, но потом ощущения хорошие.

Раздался негромкий звук.

— Я отстегнул ногу. Без нее в кровати легче. При всех этих высоких технологиях, протез не двигается как обычная нога. Не бойся.

Элли фыркнула:

— Я не боюсь твоей ноги, Майлз. Ты — самый сексуальный мужчина, которого я когда-либо видела, с ногой или без нее. Я уверена, что даже твоя культя выглядит горячо.

Поэтому он завязал ей глаза? Потому что был не уверен в себе из-за ноги? Элли только сейчас поняла, почему он не играл с остальными. А еще Мэйкон никогда не носил шорты.

Кровать просела, и Эллисон постаралась удержать руки над головой. Казалось, что ее возлюбленному нравилось легкое неповиновение девушки, которое сбивало его с толку. Когда Элли думала об этом, то представляла именно Мэйкона. Он очень отвлекался на неповиновение. Ей придется поразмышлять над этим. А также девушке придется найти способ убедить мужчину в том, что он был невероятно сексуальным... ведь Майлз был именно таким.

— Ты знаешь, что у меня никогда не было такой девушки, как ты? — он лег на нее, и прижал красотку к кровати. Ей нравилось чувствовать тяжесть мужского тела на себе. — Моя бывшая жена была до ужаса вежливой. Даже когда она развелась со мной, она никогда не упоминала о моей культе.

Элли смутилась.

— Мне очень жаль. Я не пыталась нахамить. Я не из высшего общества как ты. Прости.

Эллисон почувствовала его язык на своем соске.

— Детка, я вырос не там, где ты думаешь. Я был воспитан в элитных военных школах, а там не было добрых родителей. Я выполнил свой долг, но за единственным исключением — Адама, у меня не было верного друга, пока я не пошел в армию. Мне нравились мужчины и женщины в моем подразделении. Они были настоящими, они всегда высказывали свое мнение. Я никогда не беспокоился о том, что подразумевается под их словами. К тому времени я уже женился на Элизе и понял, что совершил ошибку. Меня больше привлекали откровенные женщины, но я не мог тогда с ней расстаться. Мне понравились твои соски. Мне понравилось, какими твердыми они стали для меня.

Мэйсон всосал сосок Элли в рот, и у нее появилось подозрение, что эта “игра”, которую он затеял, стала похожа на пытку. Девушка была мокрой и готовой, сейчас она понимала разницу. Эллисон уже испытывала удовольствие, а Майлз даже не притронулся к ней... там.

— Я всегда говорю то, что думаю, по-другому не умею.

Что он делал? Куда двигалась его рука? Почему все ее тело было натянуто словно тугой лук, и ждало момента, чтобы взорваться?

Что-то тяжело опустилось на бедра Элли и даже без помощи глаз, девушка практически увидела звезды.

— Тебе нравится? — спросил Мэйкон.

— Боже, да.

— Мне тоже нравится, но если я буду слишком сильно тереться об тебя, то кончу, а это хотелось бы сделать в последнюю очередь.

О, Боже. Это был его член. Мужчина скользнул своей эрекцией у нее между ног, и девушка почувствовала райское блаженство.

— Мы могли бы сделать это дважды. Я верю в твои способности.

За это Элли получила резкий укус. Она всхлипнула, но не смогла пошевелиться из-за массивного тела мужчины на ней.

— Я думаю, что справлюсь, но это не значит, что ты получишь все, когда захочешь, — Мэйкон снова спустился вниз, пока губами прокладывал дорожку из поцелуев по животу Эллисон. — Ты получишь то, что захочешь. Ты получишь даже то, о чем не догадываешься, но всему свое время, детка.

Языком Майлз скользнул в пупок девушки. И хотя она никогда не считала это место эрогенной зоной, по телу разлилось тепло, от чего Элли заволновалась. Девушка начала извиваться, и вовсе не потому, что испугалась. Если бы другой мужчина завязал ей глаза и стал удерживать, то скорее всего, она попыталась бы оказать сопротивление, но Эллисон понимала, почему Мэйкон это делал. Он заставлял ее сосредоточиться исключительно на нем. Она должна была выбросить из головы все. Девушка перестала думать о том, как долго это продлится, и гладко ли она выбрита во всех местах. Никакой застенчивости. Только прикосновения Майлза... его голос, его воля.

— Ты хочешь оставить трусики, сладкая? Я могу заставить тебя кончить без проникновения, если ты не готова к этому, но я знаю, что как только сниму их, то не смогу сдержаться. Может быть, нам оставить их в качестве барьера?

Девушка не хотела каких-либо барьеров между ними. Элли чуть с ума не сошла от подобной мысли. Мэйкон был так близко, и она подумала, что он собирался задержаться между ее ног, чтобы использовать при этом не только член. Если Майлз собирался лизать ее киску так же, как пек свои торты — медленно, вдумчиво и с большим вниманием к деталям, то Эллисон ни за что не упустила бы такую возможность. Она не собиралась прикидываться скромной и надеялась, что Мэйкон это понял. Мужчина сам подтолкнул ее к этому. И пусть теперь разбирается с этим сам.

— Пожалуйста, сними их. Пожалуйста, потрогай меня. Боже, я клянусь, если ты не коснешься меня там языком, я умру.

Кровать снова прогнулась, но вместо того, чтобы стянуть с нее трусики, Майлз разорвал их. Звук рвущейся ткани заставил Элли задержать дыхание.

— Тебе они не понадобятся. Я не хочу, чтобы ты надевала их, когда мы вместе. Я хочу, чтобы ты ходила по ресторану в черной юбке и знала, что я могу трахнуть тебя в любой момент. Любой другой — пусть смотрит, но я — единственный, кто будет знать, что я могу поднять юбку и войти в тебя.

Жар опалил ее киску, и она почувствовала покалывание от его щетины на мягкой коже бедер. Мэйкон не носил бороду. Он всегда брился по утрам, но к вечеру его мужественное лицо было покрыто сексуальной щетиной. Майлз раздвинул девичьи бедра и раскрыл ее для своего взора. Элли не могла ничего видеть, но чувствовала, как мужчина пододвинулся, чтобы удобнее устроиться между ее ног.

Она хотела его. Элли жаждала ощутить там его язык, но решила играть по сценарию Мэйкона. Элли поняла, что значит не иметь никакого контроля. Майлз ждал, что Эллисон начнет умолять его. Мужчина хотел быть значимым, а девушка нуждалась в нем, чтобы понять, что он стал для нее всем.

— Да. Я сделаю это. Я буду ходить, зная, что я — твоя, и ты можешь поймать меня,

когда захочешь.

— О, детка, ты не пожалеешь, потому что, когда бы я тебя не трахнул — тебе это очень понравится. Такова моя цель. Я хочу дарить тебе лишь удовольствие. Я хочу, чтобы ты знала, что можешь рассчитывать на меня во всем, что тебе нужно. Уверен, что сейчас тебе нужно вот это.

Элли почувствовала жар, как только его язык приблизился к ее складочкам.

— О, мой Бог.

Слова сорвались с ее губ. Ничто никогда не ощущалось так хорошо, как язык Майлза, медленнодвигающийся по ее чувствительной плоти.

— Мэйкон. Скажи мое имя. Кто лижет твою киску? Кто думает, что это самое охренительное удовольствие, которое он когда-либо имел в своей жизни?

Мужчина втянул складочки с одной стороны ее киски в свой рот, и начал нежно их посасывать. А потом уделил такое же внимание другой стороне.

— Мэйкон.

Она произнесла его имя, как молитву, как просьбу об обладании.

Мужчина сжал ее бедра, и Элли пожалела, что не могла видеть. Видеть, как его темная голова склонилась над ней, над ее плотью. Он словно изголодался. Его язык пронзил ее, погрузившись глубоко внутрь, и она приложила все усилия, чтобы не схватить мужчину за волосы и не прижать к своей киске. Эллисон хотела получить все, что Майлз мог дать ей, но происходящее вышло далеко за границы ее желаний. Он застонал от нежности ее кожи. Мэйкон нуждался в ней. Она давала мужчине то, что ему было нужно, то, что делало его счастливым.

Впервые в ее жизни, Элли поняла реальную разницу между сексом и занятием любовью. Секс был обычным процессом, но здесь было намного больше. Это было подлинным созданием чего-то, что раньше не существовало. Это было залогом и обещанием между ними.

Девушка почувствовала, как что-то твердое заскользило у самого входа в ее киску. Это был палец Мэйкона. Он медленно начал вводить его внутрь, в то время как языком нашел клитор девушки и начал над ним работать. Все ее тело вытянулось и оказалось прямо на краю чего-то, чего красотка никогда не испытывала раньше. Когда у нее были какие-то слабые оргазмы, то Элли думала, что так и должно быть. Но этот же был словно взрыв бомбы, детонирующий в ее теле. Когда Эллисон почувствовала, как Мэйкон прикусил, а затем пососал ее клитор, она взлетела как ракета. Девушка больше не могла сдерживаться. Ее тело содрогнулось. Она начала выкрикивать его имя и ничего не смогла с собой поделать, пока насаживалась на пальцы Мэйкона, отчаянно желая испытать все возможные ощущения.

Она почувствовала что-то влажное на щеках, а затем кровать прогнулась, и тело Майлза накрыло ее собственное. Повязка, что закрывала глаза исчезла, и на мгновение Элли оказалась ослеплена ярким светом.

Великолепное лицо Мэйкона находилось прямо напротив лица девушки. Своей большой рукой он обхватил ее щеку, большим пальцем смахивая слезы, которые капали из глаз Элли.

— С тобой все в порядке?

Мужчина должен был прекратить относиться к ней, как будто она была сделана из стекла и в любой момент могла разбиться.

— Это зависит от того, могу ли я теперь пошевелить руками, и когда ты собираешься войти в меня.

На лице мужчины расцвела самая милая улыбка, какую Эллисон только видела в жизни. — Да, и сразу же, как только надену презерватив.

Но она услышала его “да”, и это было всем, в чем Элли нуждалась. Девушка подняла руки вверх и погладила мышцы его плеч, а затем спустилась вниз по точеной мужской груди и обнаружила, что та была покрыта волосами. Многие мужчины делали эпиляцию воском или сбривали их, но Мэйкона это только украшало и дополняло ему мужественности. Эллисон почувствовала, какой мокрой и скользкой она стала, но у нее было ощущение, что Мэйкону это нравилось, и девушка не собиралась протестовать. Мужчина пошевелил бедрами, и его член коснулся ее клитора. Каждый раз, когда он совершал это движение, она дрожала от ожидания.

Элли скользнула руками по спине Мэйкона и сжала его упругую задницу. Боже, у него везде были сплошные мышцы.

С глубоким стоном мужчина лег на девушку, и она заметила, что он положил небольшую упаковку презервативов на кровать рядом с ними. Майлз ухмыльнулся.

— Кай подсунул их мне, когда мы уходили.

Элли смотрела, как мужчина вскрывал блестящий пакетик из фольги, а потом ее взгляд опустился на самый сказочный вид, который она когда-либо видела. Мэйкон встал на одно колено, и его пресс напрягся, пока он пытался удержать равновесие. Мужчина остановился перед тем, как достать презерватив, а его взгляд стал настороженным.

— Не смей, бл*ть, Майлз. Я — первая женщина, которая увидела тебя голым после трагедии, верно?

Он кивнул.

— Хорошо, значит я — эксперт. Оставь свои мысли в покое. Ты — великолепен, и если бы ты знал, что я хочу сделать с твоей культей прямо сейчас, то покраснел бы и подумал, что я худшая извращенка в мире. Я схожу с ума от каждого твоего сантиметра.

— Я думаю, мне бы понравилась Эллисон-извращенка.

Мэйкон достал презерватив и начал раскатывать его по своей огромной эрекции.

Майлз снова пододвинулся, когда опустился своим телом вниз, и Элли получила представление о том, сколько сил требовалось ему, чтобы прожить обычный день. Мужчина был вынужден переучиваться всему, судя по тому, как он двигался.

— Мне кажется, я смогла бы тебя полюбить, Майлз.

Как только эти слова сорвались с ее губ, она захотела взять их обратно. Элли никогда не говорила этих слов ни одному человеку. Ни одному. Она даже не говорила их Ронни, а ведь он был ее братом. О чем она вообще думала?

Майлз лег на нее сверху.

— Я рад, потому что уверен, что смог бы полюбить тебя, Джонс. Дай нам немного времени, маленькая. Нам будет хорошо вместе.

Его лицо стало сосредоточенным, как только он вошел в нее, медленно продвигаясь вглубь, дюйм за дюймом. Несмотря на то, что Элли была более влажной, чем когда-либо в своей жизни, девушка чувствовала, как его член растягивал ее. Майлз был таким большим, таким великолепным мужчиной. Впервые в жизни Эллисон смогла оценить подобную красоту. Она жила в страхе большую часть своей жизни, но Мэйкон никогда бы не применил против нее свою силу. Он будет защищать Элли, охранять и беречь. Даже сейчас, когда мужчина дарил ей больше удовольствия, чем она когда-либо могла почувствовать, мужчина не торопился, чтобы не причинить ей вреда.

Элли хотела сказать ему, что ему не стоило сдерживаться. Все ее тело ощущалось томным и расслабленным, и девушка хотела подарить мужчине такие же ощущения.

Эллисон могла бы сказать ему об этом, но потом Майлз напрягся внутри нее, и вместе с тем стало нарастать и напряжение в теле девушки. Мужчина резко вошел, заполнив ее, и красотка задохнулась от ощущений. Конечно, Элли не смогла бы кончить снова. Хотя, по всем ощущениям именно это она и собиралась сделать.

— Что? Ты думаешь, что я позволю тебе заснуть с одним оргазмом? — спросил Мэйкон, сексуально зарывчав. Он снова напрягся, когда толкнулся членом глубоко внутрь. — Я хочу все, Элли. Я хочу все, что ты можешь дать мне, а ты определенно можешь подарить мне еще один свой оргазм, прежде чем я кончу.

Мужчина начал трахать девушку, установив жесткий ритм. Элли выгнулась, пока старалась принять его как можно глубже. Это было то, чего ей не хватало всю ее жизнь, этой связи, этой близости. Она никогда не чувствовала себя так близко к другому человеку как к Мэйкону, когда он находился внутри нее, когда отдавал ей все, что мог. Эллисон обернула ноги вокруг его поясницы, обвила его руками и вздохнула, когда мужчина наклонился, чтобы поцеловать ее. Языком Майлз поймал ритм, с которым членом входил и выходил из нее.

Мужчина толкался снова и снова, пока Элли не закричала и не стала умолять его дать ей кончить. Ей понравилась надменная ухмылка на его лице, когда он дал ей то, о чем она просила, чтобы снова взлететь в небеса.

Мэйкон, казалось, окончательно потерял контроль, когда она сжала внутренние мышцы. Элли впилась ногтями в его спину, он застонал и обрушился на нее. Каждый толчок его члена возносил ее выше и выше, пока девушка не выкрикнула его имя.

Все его тело напряглось, и мужчина кончил, но так и остался внутри Эллисон, пока пульсировал его член.

Наконец-то, Майлз обмяк, хотя мужчина сместился всем телом, чтобы не придавить Элли. Он прижался лбом к изгибу ее шеи.

Девушка погладила мужчину по спине, и ей показалось, что мир прекрасен.

Глава 6

Мэйкон улыбнулся, когда его брат вошел после короткого стука в дверь. Майлз оставил ее открытой, чтобы в дом попало немного свежего воздуха и солнечного света. Сегодня мужчина и сам был свежим и солнечным. И очень голодным. Большое количество секса сделало Мэйкона голодным. Он продолжал взбивать тесто, которое делал, чтобы оно стало воздушным и легким.

— Доброе утро. Хочешь вафель? Сегодня вафельный день.

Адам был все еще в пижамных штанах в десять утра. Он был босиком, и его темные волосы выглядели мокрыми, как будто мужчина только что вышел из душа, оделся и направился сюда.

— Я рад это слышать. Похоже, с Элли все прошло хорошо прошлой ночью?

Было что-то, но Мэйкон не хотел беспокоиться об этом сейчас. Его тело до сих пор гудело от секса предыдущей ночью... а потом снова этим утром... и в душе несколько минут назад. В конце концов, Элли отправила его на выход, сказав, что не сможет ходить, если Майлз не остановится.

Он чувствовал себя неутомленным подростком. Его член по-прежнему стоял. Элли была всем, что хотел Майлз. Ласковая, отзывчивая, покорная в постели. Ему не нужна была ее

покорность за пределами спальни. Мэйкону нравилось, что она отстаивала свое мнение. Ему даже нравилось, когда девушка вела себя как маленький босс. Как она накричала на него из-за его не уверенности в чертовой ноге. Ей нравилась нога Майлза такой, какой была и Элли это доказала, когда объезжала мужчину сверху и подарила им обоим чертов оргазм, пока Мэйкон посасывал и играл с ее сосками.

Его нога была практически секс-игрушкой. Как же ему теперь испытывать к ней ненависть?

— Дела идут отлично, — наконец-то. Майлзу недавно исполнилось тридцать лет, и его жизнь начала налаживаться. Он любил свою работу, ему нравилось жить рядом с братом, и теперь у него появилась Элли. С чем бы ни пришел его брат, он собирался это выяснить.

— Что происходит? Ты пришел сюда не для того, чтобы спросить о моей личной жизни. Адам облокотился на бар.

— Нет, хотя Серена собиралась прийти и пообщаться на эту тему. Тебе повезло, что я поймал ее. Она пыталась проникнуть к вам в девять утра с полной тарелкой кексов.

— Она испекла их сама?

Майлз любил свою невестку, но та была не лучшим в мире кулинаром. Серена, как правило, сжигала все в духовке или забывала добавить ключевые ингредиенты, такие как сахар или муку. Она отвлекалась, и как сама это называла, на “сюжеты для кроликов”.

— Да. Представляешь, как интересна ей эта тема. И это еще одна причина, по которой ты должен поблагодарить меня. Тебе не придется притворяться, что кексы тебе понравились.

Адам бросил взгляд в сторону спальни.

— Итак, мы не напугали ее? Серена сказала, что Элли разговаривала с Каем после вечеринки.

— Да, Кай — хитрый засранец, но он хороший.

— Он говорил мне, что ты приходишь к нему пару раз в месяц.

Мэйкон не упоминал об этом Адаму. Он не был уверен, пойдет ли ему это на пользу. Он ходил к Каю три раза, и ему все понравилось. Майлз кое-что для себя извлек из этих сеансов.

— Я просто рассказываю ему о том, что я называю “недавнем освобождении от конечности”.

Кай разговаривал с Мэйконом, давал советы. Начиная от проблем с кожей и заканчивая поддержанием мышечного тонуса его оставшейся ноги, он мог говорить о проблемах, с которыми сталкивался в течение всего дня. Но иногда, ветерану просто хотелось поговорить, поговорить с кем-то, кто бы понял его и поддержал.

И Майлз обнаружил, что эти сеансы терапии помогли ему неизмеримым образом.

— Ты хоть представляешь, как я горжусь тобой, Мэйкон? Как бы гордилась тобой она?

Адам похлопал рукой по поваренной книге матери, которую она оставила. Адам просматривал ее несколько раз, но оставил книгу Мэйкону.

После этих слов, Майлз начал просматривать блокнот, испугавшись того, что будет выглядеть как сумасшедший, если расплачется над своими вафлями.

— Не знаю. Думаю, что не имею на это права, после того, как я относился к тебе. Я думаю, что она бы во мне крайне разочаровалась.

— Мне кажется, что если бы она была жива, то все было бы по-другому. Я очень много раз себе это представлял. Кажется, наш старик любил ее. Другого объяснения нет. У него были деньги. Он имел связи. Я думаю, он любил ее, и все доброе в нем умерло вместе с ней.

И он охладел. Он отвернулся от всего, включая нас. Сейчас он женат на женщине, которая не имеет ничего общего с мамой. Если бы мама была жива, мы были бы семьей, а не тремя мужчинами, которых воспитали в честь имени, которое на самом деле ничего не значит без любви. Ты будешь ненавидеть меня за эти слова, но иногда я рад, что тебе пришлось приехать сюда.

Мэйкон понял. Адам не говорил, что был счастлив от того, что Майлз получил травму, но это ведь привело к лучшему.

— Я ненавидел это так долго, но понимаю, что ты имеешь в виду. Если бы этого не произошло, мы не стали бы снова братьями. У меня не было бы семьи. Иногда это слишком просто — сидеть и проклинать то место, в котором мы находимся в жизни, так как мы не знаем, куда это приведет нас. Я не встретил бы Элли.

Улыбка Адама снова вернула ему спокойствие на душе.

— Я рад, что она делает тебя счастливым. Похоже, она великая женщина. Она отлично ладит с Тристаном и в последнее время сдружилась с Сереной. Я трижды на этой неделе слышал, как они придумывали сюжет, в котором будет секс и убийство. Кстати, если увидишь женщину с бензопилой, то лучше спрячься. Они очень изобретательные.

Мэйкон так и не понял, как простое общение с братом могло изменить его жизнь, его взгляды, его... все. Наличие такого брата, как Адама, однозначно сделало его жизнь лучше.

— Обещаю. И я уже говорил тебе “спасибо”?

— В этом нет никакой необходимости. Ты — мой брат и для тебя всегда есть место здесь, — Адам встряхнулся. — Я пришел сюда, чтобы поговорить с тобой о семье. О той, которая хреновая. Около двадцати минут назад мне звонил отец.

Мэйкон отложил венчик и почувствовал, как напряглись его плечи.

— Что случилось? Ему стало хуже?

Адам покачал головой.

— Нет. У него все еще ремиссия. Ты знаешь, я думаю, старый козел скорее всего переживет всех нас. Он искал тебя. Сказал, что у него нет твоего нового номера мобильного.

— Для чего? Он сказал все, что хотел сказать, когда я пытался вернуться домой.

Майлз слегка расслабился. Это не имело значения. Важно было то, что Элли готовилась прийти на завтрак, а потом они пойдут вниз и помогут с уборкой в “Верхних”.

— Похоже, что Элиза передумала. Она бросила Алана три дня назад, и наш дорогой старый папочка думает, что она на пути сюда.

Тепло распространилось по телу Мэйкона. Ощущение сладкой мести. Большой Таг много говорил об этом. Теперь мужчина и сам мог это почувствовать.

— Ой, она, видимо, обнаружила, что Алан растратил свой целевой фонд несколько лет назад. Какой хороший день сегодня.

Теперь Майлз мог вернуться к своим вафлям. Мужчина начал разогревать сковороду и открыл холодильник, чтобы взять чернику для компота.

— Он спрашивал о тебе. О том, как ты справляешься с ногой, — сказал Адам.

Мэйкон пожал плечами.

— Раньше его это не заботило. Не понимаю, почему заботит сейчас.

— Я знаю, почему он переживает. Ему звонил частный детектив и попросил рассказать об инциденте, который стоил тебе ноги.

От одной этой фразы у Майлза пропал аппетит.

— Это было год назад.

— Сыщики думают, что ты что-то скрываешь, — объяснил Адам. — Видимо, он получил какую-то информацию от семьи рядового первого класса Ронни Роу. Они не верят, что все произошло так, как ты сказал.

— Я все рассказал руководству армии.

Голос Адама стал мягким:

— Мэйкон, ты оказался в ловушке под той машиной на целых два дня.

Этой информации не было в официальном отчете.

— Как ты узнал?

Адам закатил глаза.

— Ты знаешь, кто я? Ты думаешь, что я не могу достать парочку отчетов, над которыми не успели поработать? Черт, мне даже не пришлось ничего взламывать. Большой Таг достал их для меня. Я читал их пока ехал, чтобы забрать тебя.

Грудь Мэйкона туго стянуло. Адам все знал.

— Ты читал отчеты несколько месяцев назад и только сейчас решил поговорить об этом?

Брат покачал головой.

— Раньше это ничего не значило. Теперь значит. Похоже, какой-то детектив собирается заявиться к тебе с расспросами. Мне нужно знать, есть ли ложь в том докладе, Мэйкон. Мне нужно знать, что произошло, чтобы я смог подчистить его для тебя.

— Там нечего чистить. Мы оказались в зоне поражения самодельного взрывного устройства, а затем напали на небольшую группу повстанцев. Они убили всю мою команду, и я оказался единственным, кто остался в живых. Мы были так глубоко на вражеской территории, что я не мог оттуда выбраться в течение нескольких дней. Я был единственным выжившим. Зачем мне врать?

Ведь правда была слишком болезненной для всех, включая его самого. Потому что Роу заслуживал лучшего, чем то, что случилось с ним в пустыне.

— Они сделали хорошую работу по отчетам. Их подготовили очень быстро. Кто-то прикрыл тебя, но я бы соврал, если бы не сказал, что одна пуля была другой. Пуля, которая убила рядового первого класса Роу, отличалась от остальных. Все были убиты из АК-47 (прим. пер.: автомат Калашникова), оружия типичного для талибов. Но Роу был убит из девятимиллиметрового пистолета.

— Не дави на меня, Адам.

Майлз не был готов к этому. Даже не близко.

— Тебе нужно поговорить с его матерью.

— Я знаю.

Ему нужно было увидеться с матерью и сестрой погибшего. Как там ее имя? Сара. Карла и Сара Роу. Он все им объяснит. Все, кроме правды. Они не должны узнать ее. Может быть, однажды Майлз расскажет им о том, каким храбрым был Ронни, как он ему нравился, и, возможно, они отступят. Что же касалось расследования, Мэйкон даже не знал, как это уладить.

— Ты знаешь мнение отца, верно?

Адам уставился на брата, и голая правда повисла между ними.

Он кивнул. Это была еще одна причина, по которой отец ненавидел его.

— Ты знаешь, что я все понимаю, — сказал Адам, выражение симпатии явно читалось на его лице. — Я знаю, почему ты все время молчал. Ты должен сказать им. Надо сказать его

семье, почему ты солгал. Ни один человек, который понимает, каково на самом деле там находиться, не будет думать дважды, прежде чем сделает то, что сделал ты. Именно поэтому они состряпали тот отчет так быстро, как только смогли. Все знают, что на самом деле произошло, и по какой причине ты умалчиваешь об этом.

— Мать и сестра Роу не знают, и я не могу сказать им, Адам. Я не могу сказать им правду.

По крайней мере, его брат не думал о нем самое худшее.

Раздался долгий вздох Адама, который очевидно означал, что тот решил отказаться от борьбы. Пока что.

— Все в порядке. Я собираюсь назначить Йена расследовать это дело. Он получит доступ к закрытым документам, и я найду семью Ронни. Я посмотрю, что могу сделать, но, все же, думаю, что ты должен поговорить с ними.

— Узнай, в порядке ли они.

Чувство вины сидело внутри Мэйкона. Он должен был поговорить с ними раньше, но Майлз был так потерян. Мужчина был совершенно уверен, что не сможет двигаться дальше с Элли, пока не разберется с Роу.

— Узнай о них все. Я знаю, что он родился в Алабаме, но думаю, его семья переезжала вдоль залива несколько раз.

— Я начну искать их завтра.

— Или, может быть, я должен ответить на e-mail его сестры.

Она не писала ему уже несколько недель, но он мог найти адрес.

Адам покачал головой.

— Ты мог бы сделать это в самом начале, но не сейчас. Они осложнили ситуацию, привлекая частных детективов. Позвольте мне разобраться с этим. Позволь мне и Джейку понять ситуацию. Я думаю, будет лучше, если ты пойдешь к ним, зная, чего ожидать.

— Сообщишь мне, когда что-нибудь узнаете.

Дверь открылась, и вошла Элли. На ней был надет халат, а ее волосы обернуты полотенцем. Девушка улыбнулась Адаму, когда отправилась за кофе. Было что-то правильное в том, что Элли в халате ходила по дому. Как будто ее место было здесь с ним.

— Доброе утро, Адам.

— Доброе утро, Элли. Я поговорю с тобой позже, — его брат оттолкнулся от бара. — И я сообщу тебе все в среду, Мэйкон.

Элли взглянула на него поверх кофейной кружки.

— Сообщишь о чем?

Дверь захлопнулась, и Мэйкон попытался сбросить напряжение. Он не хотел, чтобы Элли, видела его таким. Она превращалась в маленького босса, если считала, что была какая-то проблема. Ему нужно было привести дела в порядок, и тогда Майлз сядет и объяснит, что он сделал и почему ему необходимо все скрывать от семьи Ронни. Девушка увидит, что Мэйкон прав, и поможет ему. Он знал это. Эллисон единственная, кто могла это сделать.

— Об одном деле, которое нужно решить. Иди сюда. Тебе нужно помочь мне взбить это, а я подготовлю сковороду. Думаю, что вафли по воскресеньям станут прекрасной традицией.

Руками Элли обхватила Мэйкона со спины, а ладони прижала к груди мужчины. Она прижалась к нему, и он был рад, что не надел рубашку. На нем впервые в жизни были шорты,

которые действительно оказались удобными, и все потому, что Элли убедила его в том, что он не урод. Ну, он вроде им все же был, но Майлз пересмотрел свое отношение к этому.

Мэйкон почувствовал, как Эллисон прижалась губами к его спине.

— Мне нравится, как это звучит, Майлз.

Она снова поцеловала его, а затем серьезно приступила к взбиванию теста.

Мужчина работал рядом с ней и слушал, как девушка напевала себе под нос.

Все получится. Впервые с момента аварии, у Мэйкона была реальная надежда на будущее.

Три дня спустя, Элли протерла последние новые столы и глубоко вдохнула. Шеф сегодня приобрел новую бытовую технику. Она почувствовала великолепный аромат тушеных ребрышек. Кухонная дверь приоткрылась, и девушка мельком увидела своего работягу. Мэйкон склонился над новым комбайном, терпеливо украшая клубничные “Наполеоны”, которые он тестировал сегодня.

— Хорошо, а что если ее партнеру каким-то образом удалось получить информацию, загрузить ее в GPS, прежде чем его убили. Затем она узнала местонахождение отчета в ее навигационной системе, и все что ей было нужно сделать — это следовать инструкциям, — сказала Серена, когда отходила от окна, на котором уже висели новые шторы.

Серена вела борьбу с творческим кризисом целыми днями. Она утверждала, что выполнение таких задач, как уборка или декорирование помогало ей вернуть воображение.

— Разве GPS так работает? — спросила Дина.

Серена пожала плечами.

— Может, это какой-нибудь новый GPS.

— Так что GPS отправляет ее в место, которое, она не знает, где находится? По-моему, это больше похоже на ужастики. Именно поэтому вы покупаете себе дорогие машины. Бесси никогда не противоречит и не говорит мне куда ехать.

Элли опасалась некоторых навигаторов, которые указывали направление. Она приехала из маленького городка Джорджии в Даллас без помощи всяких роботов, говорящих ей, куда ехать. Конечно, девушка ошиблась поворотом в Луизиане и была почти уверена, что ее убьют каннибалы, живущие на болотах, но она справилась.

— Понятия не имею. Но мне это даже нравится, — сказала Дина, и села рядом с Сереной.

Они начали говорить о сюжетах, но голова Эллисон не участвовала в этом занятии. Она снова усложнила себе жизнь, и не было никакой “дорожной карты”, чтобы выйти из этой ситуации.

Как далеко была готова зайти Элли, не сказав Мэйкону правды? Она была влюблена в этого человека на сто процентов. Влюблена по уши, и никакого пути назад не было. Майлз был ее мужчиной, и в глубине души Эллисон знала, что все, что он скрывал о смерти Ронни, не могло быть таким уж плохим. Мэйкон был благородным.

Конечно, он также утверждал, что очень изменился. Мужчина рассказывал ей о том, каким он был раньше, и она не узнавала нынешнего Мэйкона в том человеке.

Элли взглянула на свои часы. До обеда оставалось сорок пять минут. Конечно, это был семейный обед, Шеф Таггарт любил называть его так. Он приготовил его, чтобы поблагодарить всех своих друзей и семью, которые пришли на этой неделе, чтобы привести ресторан в норму для предстоящих выходных. Они были вынуждены закрыться всего лишь на

две недели, благодаря титаническим усилиям сотрудников и друзей Таггарта. Большой Таг работал набором инструментов, в основном, после обеда, при этом на его груди, как минимум, висел один ребенок. Это было довольно весело. Они сделали манежи, и дети грызли деревянные блоки или друг друга, пока взрослые работали.

Элли бы вписалась сюда. Начиная с той ночной игровой вечеринки, родственники Мэйкона уже относились к ней, как к своей. Она подружилась с Сереной, и поближе познакомилась с Грейс, Шарлоттой и Эвери. Элли и Эвери пытались научить Еву Маккей вязать. Великолепный психолог знала, как использовать в речи плохие слова, но пыталась быть терпеливой.

Что они подумают о ней, если узнают, что она солгала?

— Привет.

Мягкий женский голос вывел Элли из размышлений. Она подняла взгляд и увидела сногсшибательную блондинку, которая стояла в холле. Незнакомка была высокой и грациозной, как будто сошла со страниц модного журнала. На ней был желтый сарафан, который должно быть сшил дизайнер, и она с любопытством осматривала ресторан.

Серена и Дина были глубоко погружены в обсуждение того, легко ли взломать GPS с помощью сотового телефона, так что Элли подошла к гостье.

— Мне очень жаль. Мы откроемся для посетителей только в пятницу.

Женщина рассмеялась.

— О, я пришла сюда не за этим. Я уверена, что это прекрасное заведение и все такое, но нет. Я ищу своего мужа. Мне сказали, что он здесь работает.

Кто-то из ребят был женат? Большинство поваров были одинокими.

— Как зовут вашего мужа? Я пойду и позову его.

Так или иначе, Элли не могла представить ни одного грубоватого парня, из работающих здесь ребят, кто мог бы быть женат на супермодели. Незнакомка была грациозного типа, который кричал о деньгах и воспитанности. Она была не из тех, кто выходит замуж за парней, которые имели отношение к армии, если только они не были офицерами.

— Мэйкон Майлз, — сказала она с улыбкой.

— Святое дерьмо, — Серена вдруг встала с ней рядом. — Ты — Элиза?

Элиза Майлз. Бывшая жена Мэйкона стояла прямо здесь, в центре “Верхних”, и выглядела, как ангел. Каждый ее волосок был идеально уложен, макияж казался искусным, но не чрезмерным. Она была обута в туфли на пятидюймовых каблуках, на которых Элли сломала бы себе шею, но, естественно, Элиза Майлз отлично на них ходила. Она буквально плыла по полу.

Девушка протянула свою ухоженную руку.

— Да, это я. Вижу, Мэйкон упоминал обо мне.

— Только словом из пяти букв, — нахмурилась Элли.

Серена толкнула ее.

— Я видела фотографию. У моего мужа была одна с вашей свадьбы. По-моему, Мэйкон отправил ему ее до того, как от Адама отеклась семья.

— Да, я слышала, что Адам женился. Это так здорово, что он наконец-то понял, что может быть нормальным, — сказала Элиза.

Джейк выбрал именно этот момент, чтобы выйти из уборной, где он чинил прохудившийся слив. Мужчина подошел к Серене и поцеловал ее в щеку.

— Я собираюсь выпить пива, детка. Скажи Адаму, что я вернусь, когда он приедет с

Тристаном.

Серена улыбнулась.

— Джейк, ты не хочешь познакомиться с Элизой?

Он пожал плечами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Конечно, кто такая Элиза? — Джейк повернулся и у него глаза полезли на лоб. —

Святое дерьмо.

— Я так и сказала. Она рада, что Адам наконец-то стал нормальным, — произнесла

Серена себе под нос.

Джейкоб Дин фыркнул:

— Да мы самые нормальные здесь втроем. Прошу прощения, мне нужно позвонить.

Приятно было познакомиться. С нетерпением жду драмы.

Джейк практически побежал на кухню.

— Ну, кто-нибудь собирается позвать моего мужа? Мне нужно поговорить с ним, —

Элиза нетерпеливо постучала обувью.

— Бывшего.

— Что, простите?

— Вы разведены. Мэйкон — это ваш бывший муж, — Элли терпеть не могла, когда эта королева красоты называла Мэйкона своим мужем. — Последний раз, когда он о вас слышал, вы были заняты тем, что собирались замуж за его брата.

Глаза ангела стали холодными и сузились, когда она посмотрела на Элли.

— Это было ошибкой, и абсолютно не ваше дело. Послушайте, я могу сказать, судя по вашим печальным глазам официантки, что у вас есть отношения с моим мужем, и, может быть, он даже дал вам надежду, что вы будете вместе, но я прошу вас отойти в сторону. По-вашему, не будет. Этот мужчина был моим с тех пор, как мы были слишком молоды, чтобы покупать спиртное. Я понимаю, что причинила ему боль, и он жил в трущобах, но уверяю вас, он вернется домой со мной, — Элиза посмотрела через плечо Элли, и растянула губы в милой улыбочке. — Привет, малыш. Хорошо выглядишь.

Эллисон повернулась и увидела Мэйкона, который выглядел очень горячо и мужественно в белой униформе кондитера и слаксах цвета хаки. Мужчина стоял в дверном проеме, положив руку на бедро.

— Посмотрите-ка, кто пришел. Что ты здесь делаешь, Элиза?

По крайней мере, он не растаял при виде нее. Мэйкон хмурился, но выглядел скорее смущенным, чем сердитым. На Элли он не смотрел вообще. Не было никакой приветственной улыбки на его губах, ничего, что могло успокоить девушку. Мужчина смотрел лишь на свою бывшую жену.

— Мне нужно поговорить с тобой, — Элиза подняла взгляд, и невозможно было не заметить блеск ее слез. — Мы так давно не виделись...

Мэйкон продолжал хмуриться, но указал на столик в задней части ресторана.

— Все в порядке. Пойдем.

Каблуки Элизы даже не стучали по полу. Она была похожа на женщину, которая не весила и грамма. Ни одна пара ее обуви никогда не поставит ее в неловкое положение своим стуком или скрипом. О, нет. Ну, прям, Принцесса Элиза.

Серена положила руку Элли на плечо.

— Все в порядке. Он просто собирается поговорить с ней.

Элли надеялась, что выглядела совершенно не так, как себя чувствовала. Она была уверена, что способна поднять стул и опустить его на голову Принцессы Элизы. Вместо этого девушка просто пожала плечами.

— Конечно.

Эллисон заметила, как Джейк и Большой Таг вышли из кухни. У каждого в руках было по пиву, и каждый мужчина нес маленькую девочку-младенца. Видимо, Шарлотта все еще ходила по магазинам. Они сели за столик через зал от Мэйкона и его бывшей жены и даже не попытались скрыть своего любопытства.

— Кала, это называется драма. Это то, для чего мы живем, девочка, — Йэн поставил свое пиво на стол, — гораздо интересней, чем смотреть телевизор.

Джейк нахмурился и посмотрел на одинаково одетых младенцев.

— Как ты различаешь, кто из них кто?

— Отец всегда знает, — сказал Большой Таг. — Кроме того, я пометил одну из них маркером. Видишь точку, похожую на крошечную родинку за ухом? Это Кала.

Серена ахнула.

— Йен Таггарт, это ужасно!

Он пожал плечами.

— Не-а, ужасно то, что я пытаюсь выяснить, как сделать эту родинку постоянной. Как вы думаете, сделать татуировку ребенку — это нарушение закона?

— Да, — одновременно сказали Серена и Элли.

Большой Таг покачал головой.

— Все это ерунда. Я же не собираюсь рисовать им череп и кости. Это мельчайшие точки, таким образом, ни одна из этих девушек не сможет обвести старика, — Йэн указал на ребенка в руках Джейка. — Да, я смотрю на тебя, Кензи. Я вижу, как ты перевернулась и пытаешься притвориться Калой. Я не слепой. Папа все видит. В том числе, как ты поглядываешь на малыша Тристана. Держись от него подальше.

— Йен, ей восемь недель, — напомнила Серена. — Тристану недавно исполнился годик. Я не думаю, что они планируют начать встречаться.

— Да, ну, никогда не рано, чтобы начать. Я знаю, о чем твой мальчик будет думать. Он подумает, что его мама не выбирала между мужчинами, почему же ему нужно это делать? И вдруг мои сладкие малышки окажутся в отношениях со странностями, где они должны будут подчиняться мальчику.

Джейк отвернулся от него, но улыбнулся Кензи.

— Не слушай своего отца. Тристан будет джентльменом. Ой, как вы думаете, что она сказала?

Мэйкон сжал руки в кулаки, вытянув спину по струнке.

Наконец-то, Майлз показал свой гнев. С которым Элли, кстати, могла совладать.

— Это хорошо, — сказала Серена, приобняв Элли, пока они следили за столиком. — Он с минуты на минуту скажет ей, чтобы она уходила, и тогда все вернется в норму.

— Я должна быть разумной, — сказала Элли, как будто эти слова могли ее успокоить. Ничего подобного не произошло.

— О, какая же от этого радость? — спросил Большой Таг.

— Игнорируй его. Он живет ради таких вещей, — сказала Серена, взглянув на здоровяка. — Нет абсолютно никаких причин, чтобы расстраиваться. Майлз не приглашал ее сюда.

— Но он знал, что она собирается прийти, — сказал Джейк.

— Что? — это было новостью для Элли.

Джейк поморщился, когда понял, что облажался.

— К сожалению. Хм-м... Адам сказал ему в воскресенье, что это отличная возможность для чего-то, но я думаю, что Мэйкону действительно плевать.

Майлз знал, что его бывшая жена приедет, но не упомянул об этом? Он был рад ее видеть? Все это его негодование было только для вида? Может быть, мужчина хотел утвердить превосходство над ней таким образом. Элиза была права. Они были вместе на протяжении большей части своей взрослой жизни, хотя Мэйкон и провел на войне добрую часть их брака. Он хотел дать им еще один шанс?

— Ему, конечно же, наплевать на нее, — быстро ответил Джейк. — Я уверен в этом.

— Ну, это выглядит, как будто бы она заботится о нем, — сказал Большой Таг. Он нежно отстранил дочь, когда она булькнула и потянулась к его рубашке. — Это, девочка, то, что мы, парни, называем манипуляцией. Когда женщина хочет, чтобы мужчина сделал что-то то, иногда она начинает поглаживать его руку. Как будто гладит другую часть его тела, которую он действительно хочет, чтобы ему погладили. Зачастую, ей совсем не обязательно это делать, но некоторые мужчины такие придурки.

Конечно же, Элиза схватила Мэйкона за руку и начала поглаживать ее второй рукой от локтя до запястья. Даже оттуда, где стояла Элли, были видны ее крокодиловые слезы, красиво стекавшие по высоким скулам.

— Все-таки, здравый смысл и рациональность победят, — сказала Серена.

От гнева у Элли затряслись руки. По какому праву эта женщина приехала сюда и пыталась увести этого мужчину? Мэйкон был ее. Она на это надеялась, черт возьми, потому что была той, которую он трахал по пятнадцать раз на день. Элли боялась, что будет смешно ходить после его сумасшедшей “давай-ка-это-попробуем” игровой сессии накануне. Элиза позволяла ему игры с анальной пробкой? Нет. Элли — да. Элиза позволяла ему связывать себя и пытаться языком в течение часа? Наверняка нет.

Но Серена была права. Она должна быть спокойной.

— Я поговорю с ним об этом после того, как она уйдет. Затем мы сможем сесть и хорошенько обговорить то, почему она вообще здесь появилась.

— О, я думаю, она пришла сюда, чтобы попытаться переспать с твоим мужчиной, Джонс, — сказал Большой Таг.

— Замолчи, — огрызнулся Джейк.

— Давай. Скажите мне, что не хотите увидеть, что произойдет, когда ее внутренняя деревенщина вылезет наружу. Ее акцент уже стал более заметен. Посмотрите на ее руки, которые слегка трясутся. Она подумывает об убийстве этой Мисс Нью-Йорк, — объяснил Тагарт. — Я ставлю сто баксов на Джорджию.

Джейк покачал головой.

— Я не настолько глуп, чтобы принять эту ставку. Элли и так может уложить эту пластиковую куклу Барби в одно мгновение.

— Она не станет этого делать, потому что ей это не нужно, — настаивала Серена. — Она — леди в данной ситуации и поступит мудро.

Нет. На самом деле никакая она не мудрая. Мэйкон был великолепным, хорошо воспитанным мужчиной из богатой семьи. Да, у него, может, и не было денег сейчас, но такой человек как Мэйкон, не будет бедствовать слишком долго. Разве ему не захочется,

чтобы рядом с ним была такая утонченная жена как Элиза?

Элиза подвинула стул, чтобы быть ближе к нему. Не нужно уметь читать по губам, чтобы понять, что она говорила ему о том, как сожалела, и думала, что заслуживала второй шанс. Нет. Они заслуживали второй шанс. Ну, надо же, какую игру затеяла.

Элиза протянула руку и погладила Мэйкона по волосам.

И Элли взорвалась.

— Слава Богу. Действуй, Джорджия, — сказал Большой Таг, когда она зашагала к столику.

Девушка не собиралась делать ничего такого, но она заслуживала некоторого уважения.

— Привет, я предполагаю, что Мэйкон не объяснил тебе некоторых вещей, но я была бы очень признательна, если бы ты не трогала моего парня таким интимным образом.

Вот так. Вежливо. Без удара кулаком в лицо. Здорово. Она все-таки Южная Красавица. А не сумасшедшая деревенщина.

Мэйкон повернулся и выгнул одну бровь.

— Я уже говорил тебе, детка. Тебе нужно сохранять спокойствие. Не нужно ревновать.

Элиза закатила глаза.

— Вы должны уйти и оставить меня и Мэйкона в покое, — бывшая жена повернулась к Майлзу, снова положив на него свою руку. — Мэйкон, я прощаю тебя за то, что ты связался с этой официанткой. Я все понимаю.

— Это очень зрелый поступок, — ответил Мэйкон, вытащив руку из-под ее руки. — Я думаю, на этом разговор окончен.

— Я виню себя. Я была так расстроена из-за того, что произошло с тобой за границей. Ты потерял ногу, Мэйкон. Ты знаешь, как тяжело было мне?

Элиза наклонилась и прикоснулась к его ноге, а затем отклонилась назад, очевидно, испытав отвращение.

— Ага, представляю, — протянул Мэйкон.

Она провела рукой по всей его ноге.

— Я думаю, мы должны дать нам еще один шанс.

— Я пристрелю тебя, если ты не убережешь свои руки с его ноги. С обеих ног. Никогда не трогай его культю снова, леди. Он — мой, и во мне может проснуться хомяк, если ты прикоснешься к нему снова.

Всю жизнь Элли говорили, что у нее был характер отца. Ну, она будет очень стараться никого не убить, но девушка способна сражаться и в заранее проигранной битве.

Мэйкон слегка повернулся и посмотрел Эллисон в глаза.

— Детка, я действительно могу справиться с этим. Почему бы тебе не пойти и не закончить “Наполеоны”? Они нуждаются в заливке глазурью. Ты знаешь, как это сделать.

Майлз обучал ее, терпеливо показывая каждый шаг, и позволял ей испортить целые партии, чтобы она могла этому научиться. Элли кивнула и отправилась на кухню. Когда Мэйкон использовал этот тон, он любил, чтобы его слушались. Мужчина использовал его не очень часто. По большей части, он был невероятно снисходительным. Мэйкон не сказал ни слова, когда Элли кричала на него за то, что они опаздывали, или ворчала о том, что он бросил полотенца на пол. Он просто поднял их, извинился и поцеловал ее. Значит, Майлз не был сумасшедшим-Альфой-которому-должны-подчиняться-во-чтобы-то-ни-стало. И она сможет быть разумной девушкой, которая доверяла своему парню.

Элли успела сделать несколько шагов в сторону кухни, когда повернулась, чтобы

посмотреть на Мэйкона напоследок. Она ему доверяла. Эллисон верила в него. Если мужчина сказал, что все решит, то он так и сделает.

Это произошло, когда Элиза ухмыльнулась взглянув в ее сторону.

— Да, почему бы тебе не пойти и не закончить на кухне, пока мой муж будет занят мной. Он достаточно хорошо с этим справляется.

Мэйкон открыл рот, чтобы что-то ответить, и в тот же момент Элиза наклонилась и приклеилась к нему губами.

— Тебе это пригодится, — Серена вручила ей зонт. Он стоял возле вешалки в вестибюле, поэтому Элли знала, что ее друг вернется, чтобы забрать его. — Время для поиска причин истекло. Убей эту сучку.

Мэйкону удалось вырваться из рук Элизы, но с Элли было достаточно. Пришло время застолбить свой участок и дать Элизе понять, что произойдет, если она попытается клеиться к мужчине, девушка которого родом из Джорджии.

Элли приподняла зонт как бейсбольную битку, и взглянула на Элизу сквозь дымку красного тумана, который, казалось, просочился в комнату.

— Я сказала тебе, убери от него свои руки.

Элизе, казалось, было наплевать. Но она все же отпрыгнула назад.

— Мэйкон, скажи своей сумасшедшей подружке, чтобы отвалила.

Майлз встал и вздохнул.

— Я думаю, мы уже это проходили. Не убивай ее, детка. Таггарт, я возьму бутылочку пивка. Если она сможет заткнуть мою бывшую жену, я заслуживаю одно пиво.

— Не стесняйся.

Мэйкон мог выпить хоть ящик пива, и это не напугало бы Элли. Они оставили в прошлом это его увлечение. Наверное, он был очень нежным, когда выпивал.

— Я позабочусь об этом, — Элли сконцентрировала все внимание на женщине, которая положила руку на ее мужчину. — Убирайся и не смей возвращаться.

Элиза сделала шаг в сторону лобби.

— Мэйкон, ты должен защитить меня.

Майлз сел рядом с Большим Тагом и взял долгожданное пиво.

— Я уже отдал ногу своей стране, Элиза. Я не защищаю никого, кроме тех, с кем активно трахаюсь. К сожалению, ты против этой сумасшедшей леди, с которой я регулярно сплю, так что защищайся сама. Элли, ты же понимаешь, что у нас с тобой будет долгий разговор после того, как это закончится, верно?

Майлз собирался добиться полного повиновения за очень короткий срок, и она подчинится ему. Элли подошла ближе и ударила зонтиком по столу прямо перед Элизой, восхищаясь тем, как та отпрыгнула.

— В следующий раз это будет твоя голова, — поклялась Эллисон.

— Ты — жалкий кусок дерьма. Ты не сможешь удержать его, — прорычала Элиза. Она держала свою сумочку, словно это был щит. — Когда Мэйкон очнется, то поймет, что ему нужна женщина с положением в обществе, которой он сможет гордиться.

Слова ранили, но Элли не собиралась позволить устраивать “Шоу Элизы Майлз”. Боже, она ей завидовала. Девушка ненавидела тот факт, что у этой женщины осталось его имя. Как Майлз мог жениться на такой ледышке? За исключением того, что Элиза была права, и ему был нужен кто-то хорошо воспитанный, кто-то, кто мог бы продвигаться должным образом в обществе.

— На выход, — прикрикнула Элли и поняла, что они собрали гораздо больше, чем небольшую аудиторию. Эллисон слегка повернулась и увидела, что Шеф Таггарт, Эрик и остальные члены команды вышли из кухни и активно наблюдали за происходящим.

Да, она производила довольно сильное впечатление, но не могла сейчас отступить. Если ее уволят, она собиралась убедиться, что это случится по чертовски хорошей причине. Элли стала наступать на Элизу.

Эти пятидюймовые каблуки реально могли двигаться, если это требовалось. Элиза потащила свой тощий зад в сторону входной двери.

— Мэйкон! — закричала его бывшая жена, и выставила руки, словно собиралась защищаться. — Мэйкон, пожалуйста!

— Радует, что Мэйкон больше не имеет с тобой ничего общего, — Майлз зевнул и отхлебнул пиво. — Мы разведены. И все останется так, как есть сейчас. Возвращайся в Нью-Йорк. Найди другого богатого идиота, который о тебе позаботится. Этот банк закрыт. Я — простой работяга.

— Ты мог бы поговорить со своим отцом, — умоляла Элиза.

Элли прервала разговор. Она раскрыла зонтик, едва не задев блондинку, хотя именно это и планировала сделать.

Элиза вскрикнула, и Таггарт прокричал что-то о качелях и упущенном шансе.

Элли преследовала прекрасную Элизу прямо до улицы. И как только появилась возможность, девушка закрыла у нее перед носом дверь, чтобы женщина не вернулась обратно.

— И держись отсюда подальше. В “Верхних” тебе не рады.

Элли повернулась, все еще держа зонтик.

Большой Таг и Джейк захлопали, но они не были единственными, кто это делал. Она посмотрела и обнаружила, что весь персонал кухни, плюс Дина, Тиффани, и Дженни, поддерживали ее. Слава Богу.

Шеф-повар Таггарт поднял верх большой палец.

— Отличный способ избавиться от мусора, Элли.

Но Мэйкон хмурился. Мужчина встал, когда она вернулась в обеденную зону.

— В кабинет Шефа. Сейчас же.

— Возвращайтесь к работе. У нас скоро ужин. И, Майлз, я разберусь с глазурью, но тебе лучше убрать за собой, если ты понимаешь, о чем я, — сказал Шеф.

Элли снова повернулась, хорошо понимая, что ее неприятности только начинались.

Глава 7

Мэйкон закрыл за собой дверь, не взглянув на Элли. Он не злился, но ему нужно было объяснить ей несколько вещей. Она подвергала себя опасности. Отец Элизы был адвокатом.

Майлз не удивится, если Элли получит повестку в суд в ближайшие несколько недель. Он сам будет иметь дело с ними, но все было бы несравненно проще, если бы девушка сделала так, как ее просил Мэйкон.

Дверь закрылась с характерным щелчком.

— Мэйкон, ты злишься на меня?

Теперь ее голос был мягким, а акцент звучал как сладкий сироп.

Мужчина подошел к шкафу, в котором, он знал это чертовски хорошо, Шон хранил кое-какие необходимые предметы. Сказав ему “убратся” после себя, Шеф дал Мэйкону

разрешение на использование офиса для столь необходимого воспитания своего сабмиссива.

Майлз собирался выяснить, сможет ли Элли выдержать то, что он от нее хотел получить. Отношения с Эллисон позволили ему определиться в своих желаниях.

— Нет, но мы собираемся поговорить о том, что означает быть парой.

Ах, вот он. Хороший длинный моток джута. Мужчина вытащил его наружу.

Элли распахнула глаза, но не стала протестовать.

— Мне не понравилось, как она трогала тебя. Она не имела права тебя целовать.

Мэйкон размотал веревку, проверив ее на прочность.

— Ты права. Не имела. И могу сказать, от того, что ты такая собственница, я чувствую себя прекрасно, детка. Но я хочу, чтобы это работало в обоих направлениях. Я не собираюсь позволять другим мужчинам глазеть на тебя, тем более трогать. Раздевайся.

— Что? Я думала, мы поговорим.

— Да, мы продолжим разговор, когда ты будешь голая.

— А веревка?

— Голая и связанная, — уточнил Мэйкон.

Элли вздохнула, но начала снимать футболку. Девушка стянула ее через голову и сложила, перед тем, как расстегнуть и снять лифчик, который ей на самом деле был не нужен. Ее грудь была самой подтянутой и красивой из всех, что Мэйкон когда-либо видел. Он считал кощунством, прятать ее в лифчик.

— Я знаю, что потеряла самообладание, но она тебя поцеловала.

И что заставило его милую девушку стать совершенно безумной. Элли была права. Она действительно потеряла свое хлипкое самообладание, и теперь все знали, что у Мэйкона была девушка, которая защищала его честь от всех нападок.

— Теперь трусики. И я понимаю тебя, но я бы справился с ней. Я боюсь, что ты открыла большой ящик Пандоры.

Элли сложила джинсы и встала перед ним совершенно голая. Она прижала руки к бедрам, а затем уставилась на Майлза.

— Я не буду извиняться, Мэйкон. Она прикасалась к твоей ноге.

Мужчина не мог сдержать смехок. Он был готов держать пари, что Элли оказалась больше расстроена тем, что Элиза трогала его культю, чем тем, что поцеловала мужчину.

— Понимаю, но было бы лучше, если бы ты сделала, как я просил. Ее отец очень любит судебные разбирательства. Он живет за счет мелких исков. Элиза скорее уже звонит ему по телефону прямо сейчас.

Эллисон пожала плечами и нахальным движением перебросила волосы через плечо.

— Пусть попробует. Я серьезно сомневаюсь, что она что-нибудь получит. У меня нет денег. Кроме того, я даже не ударила ее.

Мэйкон расстроился из-за всех этих разъяснений ситуации Элли, но ей было необходимо понять, что он не просил ее за него заступаться. Он вообще-то любил наблюдать за ней, когда она становилась немного сумасшедшей. Элли орудовала этим чертовым зонтиком, как смертоносным оружием. Было приятно видеть Элизу, уклоняющуюся и убегающую от нее.

— Шон тоже ее не трогал, но она может предъявить иск “Верхним”.

Все краски сошли с лица Элли.

— Я не подумала об этом.

— Да, я так и понял. Зато я подумал. И поэтому попросил тебя пойти на кухню и дать

мне со всем разобраться. Ты испугалась, что я собираюсь изменить тебе?

Слезы наполнили ее прекрасные глаза, и мужчине потребовались все его силы, чтобы не сгрести девушку в объятия и не прижать к себе.

— Нет. Я не думаю, что ты бы обманул меня. Если бы ты собрался пойти с ней, ты бы порвал со мной. Ресторан действительно может пострадать из-за меня?

По крайней мере, она доверяла ему. Но Мэйкон все еще боялся, что она приняла слова Элизы близко к сердцу. Эта женщина всегда знала, как залезть под чужую шкуру. В этом она была сильна.

— Я не знаю, но мы справимся. Там было много свидетелей, которые, вероятно, скажут, что ты вела себя соответствующим образом, но не в этом суть. Я никогда не стану стучать кулаком по столу, если это не важно, Эллисон. Нам еще предстоит выяснить, как мы будем строить наши с тобой отношения, но могу сказать тебе, что когда, наконец, ударю кулаком, то буду ожидать повиновения. Ты поняла, чего я от тебя хочу?

Девушка шмыгнула носом, но Майлз был доволен тем, как комфортно она себя чувствовала обнаженной.

— Да. Я понимаю, чего ты хочешь, и так же понимала, что произойдет, если я не послушаюсь тебя. Я знала, что ты проведешь со мной сеанс. Но не знала, что у тебя тут припрятаны веревки. Это стало для меня сюрпризом.

— О, детка, мне не нужна веревка, чтобы научить тебя, как меня слушаться. Я всегда могу найти что-нибудь другое. Кухня — это настоящий склад вещей, которые я могу использовать, чтобы отшлепать тебя по твоей милой заднице. Соедини руки вместе и держи их.

Элли прижала запястья друг к другу и протянула их Мэйкону.

— Ты собираешься отшлепать меня? Я смогу справиться с этим.

Он уже начал понимать Элли. Но она всегда будет для него загадкой. Внутри нее были некоторые маленькие местечки, которые девушка ему не показывала, но он с этим разберется. Майлз узнал, что Эллисон могла вытерпеть некоторые виды наказания, при условии, если он будет ласков с ней после.

— Я собираюсь отшлепать тебя. Думаю, ты заслужила двадцать ударов, а затем тебе придется позаботиться обо мне. Когда я скажу, ты встанешь на колени и отсосешь у меня, проглотив все до последней капли. Это понятно?

Мэйкон завязывал узлы, пока разговаривал с ней, переплетая жгут вверх и вокруг, формируя узор, который будет виден на коже девушки некоторое время, после того, как он снимет веревки. Не слишком туго, но Майлз хотел, чтобы на обеде Элли сидела с отметинами, напоминающими, что она принадлежит ему. Это будет не просто напоминанием для нее. Часть самого Мэйкона хотела, чтобы остальные увидели, что он полностью контролирует эту женщину.

— Позволь мне кое-что прояснить. У меня нет намерений бросить тебя. Почему ты подумала об этом?

Элли наблюдала за веревкой и тем, как Мэйкон переместил узор вверх. Если бы на ней было надето бюстье, он не смог бы связать ее таким образом, но гибкость Эллисон ничто не ограничивало. Они играли с веревками последние несколько ночей. Мужчине нравился подобный вид. Она выглядела такой уязвимой.

— Мэйкон, некоторые вещи, которые она сказала, были правдой.

— Какие, например? О том, как она тяжело перенесла потерю моей ноги? Или как

убежала с моим братом, в чем кстати оказался виноват я, потому что оставил ее одну, пока был на войне?

Элли распахнула глаза.

— Ты серьезно?

— Я серьезен, как сердечный приступ, детка. Ты не слушала Элизу. Я бы никогда не повелся на ее дерьмо, но я понял, что если не позволю ей высказаться, то она не остановится. Я собирался выслушать ее, а затем объяснить, в недвусмысленных выражениях, что моя жизнь теперь здесь, с тобой. Ей здесь не рады. Я хочу находиться прямо здесь, на этой работе, с правильной женщиной.

— Но она не врала про меня. Я не воспитана. Мои единственные семейные связи в настоящее время в тюрьме Джорджии. Я обуза для такого человека как ты.

— Получишь еще десять шлепков. И что ты подразумеваешь под “человеком как я”? Наклонись.

Она наклонилась над столом Шона, и Мэйкон привязал ее руки, сформировав базу для баланса. Это будет сложным испытанием. Элли придется позаботиться о том, чтобы не упасть в ту или другую сторону. Это было именно тем, чего хотел Майлз. Он смотрел вниз и наслаждался видом сочной попки Элли. Ягодицы были пухлыми и идеальными, и мужчина обожал две ямочки на ее пояснице.

— Ты не всегда будешь хотеть работать поваром в небольшом ресторане, — сказала Элли. — В конце концов, тебе потребуется больше. Ты был воспитан, как мужчина с амбициями. Ты из богатой семьи.

Мэйкон провел рукой по попке Элли. Они практиковали легкие шлепки, но ничего серьезного на самом деле. Даже когда Майлз позволил своей ладони исследовать максимальный порог применения силы. Даже это было в основном игрой. Шлепки не исправят ее поведение. Понимание того, что она могла бы навредить Шону — вот что исправит. Это позволило мужчине почувствовать, что он контролировал ситуацию и был глубоко благодарен, что нашел женщину, которая понимала свои ошибки.

— Дай мне знать, если это напугает тебя, детка.

Мэйкон занес руку вверх, а затем с удовольствием опустил вниз, прямо по центру попки Элли. Девушка ахнула, а затем устроилась удобнее.

— Это не так уж и плохо. Я говорила тебе, что смогу справиться с этим, Майлз.

Он снова шлепнул ее по заду, но на этот раз посильнее.

— Два. Я может и из богатой семьи, но я никогда не любил деньги, — Мэйкон двигал рукой, оставляя узор от пальцев на ее упругой коже. — Три. Четыре. И я не амбициозен. Я был воспитан стать солдатом. Это то, что мужчины нашей семьи делали много поколений подряд. Я должен был стать генералом, как мой отец и мой дед. Пять. Шесть. Я должен был жениться. Семь. Мою ногу не должно было разнести к чертям собачьим, и я не должен был стать участником скандала. Восемь. Девять. Десять.

— Скандала? — хрипло вздохнув, спросила Элли.

Майлз не хотел посвящать ее в это прямо сейчас. Мэйкон хотел насладиться этим приятным моментом с ней, а не кратко изложить все то, что он делал неправильно.

— Это не важно. Одиннадцать и двенадцать. Моя жизнь пошла не так, как рассчитывал мой отец. Захочу ли я остаться здесь навсегда? Не знаю, но я знаю, что хочу быть с тобой.

Мужчина продолжил начатое и вздохнул с облегчением, когда уловил кое-какие точные признаки того, что девушка наслаждалась наказанием. Когда пальцами Мэйкон коснулся

киски Элли, то обнаружил, что она стала влажной и готовой, а он уловил сладкий запах ее возбуждения. Девушка привстала на цыпочки от следующего шлепка, и Майлз увидел даже в условиях низкой освещенности, каким красным стал ее зад. Когда он дошел до двадцатого удара, мужчина почувствовал, как напрягся его член. Он уже был твердым, когда она только вошла в комнату, но сейчас его эрекция достигла невероятных размеров. У Мэйкона заболела нога от слишком долгого напряжения, но это не имело значения, потому что Элли приняла их отношения. Он боялся в начале, что они не смогут пройти через ее презрение ко всему этому, но Эллисон погрузилась в этот образ жизни, попробовала то, что он предлагал, и честно рассказала о том, что ей понравилось или нет. Девушка смогла выдержать порку и завязывание глаз, но она не хотела иметь ничего общего с хлыстом. Элли предпочитала ощущать его теплую плоть, а ему нравилось давать ей то, чего она хотела.

— Как ты себя чувствуешь?

Майлз посмотрел вниз и увидел слезы, которые блестели в глазах Эллисон

— Мне не понравилось видеть ее рядом с тобой. И я не могу смириться с мыслью о том, что эта женщина носит твою фамилию.

Отчаяние в ее голосе заставило Мэйкона остановиться. Он помог Элли освободиться от веревок за несколько секунд. Она расплакалась, когда мужчина отбросил веревку в сторону и обнял девушку. Мэйкон поглаживал ее руки вверх и вниз, чтобы убедиться, что кровь начала нормально циркулировать, пока красотка плакала у него на груди.

— Прости, детка. Она для меня ничего не значит.

— Ты любил ее.

Любил?

— Думал, что любил, но женитьба на ней была средством достижения цели. Наши отцы были друзьями. Мой отец и мачеха думали, что Элиза была хорошей партией, а я хотел сделать следующий шаг. Ты была права. Я был воспитан амбициозным парнем. Я был воспитан, чтобы постоянно двигаться вперед, всегда ставить и достигать цели, и частью этого этапа моей жизни стала женитьба.

— Вы были так молоды.

Элли прижалась к Майлзу, который опустился в большое кресло, усадив девушку к себе на колени.

— Я хотел перейти к следующему этапу своей жизни. Полагаю, я действительно хотел семью. Думал, что если женюсь, и у нас появится несколько детей, то возможно, это восполнит чувство одиночества, которое я испытывал в юности, — Мэйкон позволил себе запутаться пальцами в волосах Элли, привлекая ее ближе к себе. — Я не собираюсь возвращаться к ней. Я не хочу жить той аристократической жизнью. Я хочу эту жизнь.

Эллисон посмотрела ему в глаза.

— Я тоже хочу эту жизнь. С тобой. Мэйкон, я не знаю, что буду делать без тебя.

Она уже столько потеряла.

— Тебе не придется это выяснять. Я никуда не уйду.

Девушка обняла Майлза и прильнула к губам мужчины.

— Я без ума от тебя, Мэйкон. Я обещаю, что в будущем буду послушной, но ты должен знать, что всякий раз, когда другая женщина станет касаться тебя, я захочу надрать ей зад.

— А потом я отшлепаю твою, — Мэйкон снова поцеловал Элли, пока наслаждался этим моментом. — Тебе больно?

Девушка покачала головой.

— Нет. Я разволновалась. Когда я ее увидела, то почувствовала себя немного не уверенно. Мне нужно это. Мне нужно быть с тобой, — Эллисон вскочила с его колен и отвернулась от мужчины, прижав ладони к столу. — Ты должен мне еще десять шлепков.

Она предлагала себя Майлзу, и его член затвердел до боли.

— Не так, — произнес Мэйкон глубоким голосом. — Я хочу, чтобы ты наклонилась и обхватила свои лодыжки.

Элли повернулась, а затем изящно наклонилась и приняла позу.

Мужчина поднялся со стула. Это было именно то, чего он хотел. Позиция позволяла ее киске выглядывать наружу и демонстрировать блестящие складочки, которые умоляли о внимании его язык и член. Но прямо сейчас, мужчина решил поласкать ее пальцами

— Это интересно, — Мэйкон скользнул одним пальцем вдоль ее половых губ. — Я боялся, что ты никогда не получишь наслаждение от этой части нашей игры, но твоей киске, похоже все понравилось.

— Мне нравится это только с тобой. Я не смогла бы сделать это с кем-то еще.

Майлз прижал свой палец к ее киске, скользнул им внутрь, а свободной рукой шлепнул Элли по попке.

— Теперь, когда мы обсудили ситуацию с моей бывшей женой и твои убийственные наклонности, давай перейдем ко второй части наказания.

Майлз медленно трахал ее пальцем. Он снова шлепнул девушку по задку таким жестким хлопком, что тот раздался на всю комнату.

— Я не хочу слышать, как ты снова говоришь о себе плохо. Мне это не нравится.

Еще один шлепок, точно такой же, грубый. Мэйкон мог бы снисходительно отнестись к первому вопросу, но этот без внимания оставлять не собирался. Никто не должен говорить всякое дерьмо о ней. Даже она сама.

— Я обещаю, — поклялась Элли, ее голос прозвучал с придыханием.

Десять оставшихся ударов, как и обещал. Все это время, Мэйкон двигал своим пальцем в ее теле. Он дразнил клитор Элли. Немного сладенького, а затем сильный удар. К тому времени, когда мужчина закончил, она была мокрая и желала его гораздо больше, чем он был готов дать ей в тот момент.

— Встань. Теперь позаботься обо мне.

Умоляющий взгляд на ее лице почти заставил Майлза изменить свои планы. Почти.

Девушка опустилась перед ним на колени, положив руки на ширинку его брюк. Элли стянула их вниз. Она погладила бедра мужчины, и он чуть не заурчал от удовольствия. Мэйкон думал, что если когда-нибудь у него появится любовница, то ему придется все время прятать свой бесполезный кусок плоти, но Элли ни разу не отстранилась и не отвела глаза. Девушка провела ногтями прямо там, где пах соединялся с ногой. Эллисон дразнила Майлза, скользила кончиками пальцев по коже, даря ему чувственное наслаждение, пока губами приближалась к тому месту, где им следовало быть.

Мэйкон протянул руку и запутался ею в волосах Элли. Не она контролировала это.

— Оближи меня, Эллисон. Оближи и возьми меня глубоко, мы не закончили с наказанием.

Она красиво надула губки, а на ее лице появилась улыбка, когда девушка наклонилась и взяла его член в руку, прямо перед тем, как скользнуть языком по головке.

Мужчина снова застонал. Не только от потрясающих ощущений ее языка, облизывающего его член. Он возбудился от того, что она подчинилась ему. Элли была

сильной, очень сильной, и у нее были эмоциональные проблемы, но девушка подчинилась, потому что хотела угодить. Майлз был готов сделать все, чтобы она оставалась рядом с ним всегда.

Он был влюблен в эту женщину и, наконец, понял, что эта фраза на самом деле означала. Его брак с Элизой был попыткой найти что-то, построить то, чего Мэйкон никогда не имел прежде. Его отношения с Эллисон были такими же естественными как дыхание. Они не просто что-то строили, но и закрепляли результат. Элли была его фундаментом.

Она нежно пососала головку его члена, и Майлз увидел, как тот начал исчезать между ее губ. Элли закружила языком, от чего мужчину захлестнуло чистое удовольствие. Она облизала головку и скользнула язычком по щели, откуда вытекала предсеменная жидкость. Элли посмотрела на него снизу вверх, наблюдая за Мэйконом, а затем протянула руку и обхватила его яйца. Он закрипел зубами от необходимости толкнуться в рот Эллисон жестко и быстро, но предпочел упиваться мягкостью ее рта и скольжением девичьих рук по своей коже.

Девушка вбирала его член в рот дюйм за дюймом. Каждый медленный толчок подводил мужчину ближе и ближе к мягкому бархату ее горла.

Она прошлась языком по всей длине его члена, а потом лениво закружила вокруг него, отслеживая и изучая все линии его эрекции. Мэйкон позволил ей чуть-чуть поиграть с ним.

Элли взяла член одной рукой и крепко сжала, чтобы облизывать, посасывать и дразнить его головку до тех пор, пока Мэйкон больше не сможет вытерпеть.

— Никаких игр. Я хочу трахнуть твой рот.

Рукой мужчина нежно сжал ее волосы, заставив девушку принять его еще глубже. Она уступила, позволив ему проскользнуть еще на один дюйм внутрь. Но этого все равно казалось недостаточно. Боже, он не мог ею насытиться. Ему, возможно, всегда будет ее мало.

Мэйкон намотал ее шелковистые волосы на кулак и осторожно потянул за них. Из горла девушки вылетел тихий стон, который эхом отразился в голове мужчины. Ей понравилось, когда он слегка потянул ее за волосы. Майлз не хотел причинить девушке боль, своим прикосновением он просто привлекал ее внимание. Кожу головы начало покалывать, когда Мэйкон дернул Элли за волосы. Он хотел, чтобы каждый дюйм ее плоти ожил и запульсировал от удовольствия. Майлз хотел показать ей, что он был тем мужчиной, который мог заставить ее почувствовать себя. Он хотел быть таким мужчиной, потому что абсолютно никакая другая женщина никогда не заставляла его чувствовать себя так, как это делала Эллисон.

Но сейчас Мэйкон хотел сосредоточиться на скольжении ее языка по своему члену.

Девушка расслабилась и позволила мужчине управлять процессом. Каждый ее стон вокруг его члена подводил Майлза к краю. Они играли в Доминанта и сабмиссива до этого момента, но он решил прекратить их игру. Мэйкон не хотел подавлять дух Элли. Ее сумасшедшая, независимая, великолепная душа была причиной, по которой он любил эту девушку. И ей нужен был тот, кто заботится о ней. Кто-то, кто убедится, что она никогда не станет снова жить в своей машине или окажется в такой ситуации, в которой может пострадать. Он слегка обуздал ее наклонности, которые несли разрушения для нее самой. А Элли вытащила Мэйкона из оболочки, в которую он сам себя добровольно заключил.

Майлз посмотрел на то, как девушка захватила власть над его членом. Он любил ее. Он любил ее, охренеть как сильно. Ему было тридцать лет, и он был женат более десяти из них,

но Эллисон Джонс была первой женщиной, которую Майлз когда-либо любил.

Еще один толчок и Мэйкон уперся эрекцией в заднюю стенку ее горла. Элли сглотнула, и больше не было сил сдерживаться. Все его тело напряглось, и мужчина кончил, направив пульсирующие потоки в ее сладкий рот.

Его саба сделала так, как он ей приказал. Она вылизала его досуха. Элли проглотила все, что Майлз дал ей, смотря на него так, будто не могла насытиться.

Мэйкон хотел наказать девушку. Отшлепать, трахнуть в рот, а потом заставить ждать до обеда, чтобы подарить удовольствие и ей.

Эллисон облизала его член в последний раз, а потом села.

— Вы довольны, Сэр?

Элли улыбалась, когда закончила с ним. Эта улыбка не была похожа на ухмылку или сарказм. Она была счастливой. Девушка была счастлива быть с Мэйконом и заниматься с ним любовью.

Он стал причиной ее улыбки, и это заставило мужчину почувствовать себя более удовлетворенным, чем от всего происходившего до этого. Рядом с Эллисон он сможет преодолеть все трудности. Он сможет двигаться дальше, потому что теперь у него появился настоящий партнер.

— Сэр безумно влюблен в тебя.

Майлз протянул руку, помог Элли встать, и прижался своими губами к губам девушки.

Наказание могло подождать. Он просто хотел ее.

Тело Элли ожило в ту же минуту, когда он прикоснулся к ней. Майлз скользнул ей в рот своим языком, и девушке стало интересно, мог ли Мэйкон почувствовать свой собственный соленый вкус у нее на губах. Она любила брать его член в рот, осознавая, сколько удовольствия могла доставить своему большому и сильному солдату.

Эллисон хотела бы встретить Майлза раньше, хотела бы быть его женой и поддерживать его, когда он был ранен. Она бы сделала все, чтобы помочь ему пройти через это. Элли облегчила бы его страдания.

Мужчина отпрянул и стянул через голову рубашку, обнажив грудь, от которой ее всегда бросало в жар. Мэйкон был произведением искусства, и несколько крошечных шрамов, и потеря ноги не смогли изменить этот факт. Несовершенства его тела только сделали Майлза более красивым в глазах девушки. Она провела руками по мышцам груди, наслаждаясь ощущениями. Его грудь была немного покрыта волосами. Он был таким мужественным, таким сильным. У него были мозолистые руки, но все же, ими он мог изготавливать самые деликатные кондитерские изделия. Одним словом, это был ее Мэйкон. Он был воином, который сражался и чуть не погиб, и теперь он дарил радость другим людям своим искусством.

— Я тоже вас люблю, Сэр. Мэйкон. Мой Мэйкон.

Элли чувствовала себя естественно рядом с ним, хотя и была полностью обнаженной. Она знала, что все их друзья находились прямо за дверью. Они знали точно, что происходило в этой комнате, но Элли это не волновало. Девушка не стыдилась того, что делала с Мэйконом. Она сделала много ошибок в своей жизни, но любить этого человека не было ошибкой, и Эллисон не станет извиняться за это. Она давным-давно научилась принимать любовь, где бы та ее не находила, даже в самых неожиданных местах.

— Моя Элли, — сказал Майлз с уверенной улыбкой. Элли нравилось, каким уверенным

он стал с ней. Мужчина уселся в большое кожаное кресло за столом, не удосужившись подтянуть штаны. Его член был все еще на свободе, и девушка увидела, как Мэйкон начал вновь возбуждаться, а его пенис возвращаться к жизни. Майлз порылся в своем кармане, и попытался что-то вытащить. Презерватив.

— Я готов остановиться, как только ты скажешь, детка. Иди сюда и сядь ко мне на колени.

— Я испачкаю твои штаны.

Между ног у Элли все находилось в боевой готовности. Порки, которую он ей устроил, было достаточно, чтобы сделать ее влажной и готовой. А то, что она ему отсосала, только усугубило эту проблему. Девушка чувствовала, какой мягкой и влажной стала ее киска.

Мэйкон прищурился.

— Я не просил тебя беспокоиться о состоянии моей одежды. Я отдал приказ.

И Эллисон знала, когда его нужно было выполнять. Она залезла Мэйкону прямо на колени.

Мужчина сразу же со вздохом обхватил руками ее грудь.

— Вот, так-то лучше. Когда мы так близки, я собираюсь полностью все контролировать. Ты будешь подчиняться мне, когда мы занимаемся любовью.

Майлз наклонился вперед и втянул ее сосок между губ, слегка прикусив зубами.

Казалось, что ощущения от этого, с шипением промчались по венам Элли и нашли дорогу прямо к ее промежности. Боксеры Мэйкона определенно узнали, что она сидела у него на коленях. Это не имело значения. Все, что имело значение в этот момент — доставить ему удовольствие. Все остальное могло отойти на второй план.

Ей не нужно было беспокоиться о секретах, лжи или о чем-нибудь еще. Элли обнаружила, что отношения “Доминант — сабмиссив” стали своего рода подарком для нее. Когда Мэйкон полностью контролировал происходившее, для нее ничего не имело значения, кроме желаний Майлза. Угождая своему Сэру, она угождала самой себе. Да, некоторым людям нравилась деликатность в отношениях, но только не Мэйкону.

— Да, Мэйкон.

Она подняла руки к плечам мужчины, предоставив ему свободный доступ к ее телу. В этот момент, тело Элли принадлежало ему, он мог делать с ней все, что пожелает. К счастью, для девушки, желания мужчины всегда заключались в том, чтобы свести ее с ума от удовольствия.

Майлз переключился на другую грудь, облизывая и лаская ее языком, прежде чем всосать в рот сосок и слегка прикусить его. Элли задрожала, испытав совершенные, изысканные ощущения. Капелька боли только усилила ее удовольствие. Она глубоко вздохнула, позволив чувствам захлестнуть ее.

— Вот что я хотел услышать. Да. Я хочу слышать все твои “да”, Элли, — руками Мэйкон путешествовал по ее телу, и не было никакого способа пропустить то ощущение собственности, что скрывалось за каждым движением.

- “Санктум” скоро откроется. Я хочу, чтобы пошла туда со мной.

Куда бы он ни пошел, она последует за ним.

— Конечно.

Мужчина поднял руку и коснулся ею горла девушки.

— Я хочу подарить тебе ошейник. Никакого сумасшествия, просто ожерелье, которое позволит другим людям в клубе знать, что ты — моя.

— А как насчет людей за пределами клуба? — поддразнила его Элли вопросом с намеком.

— Они узнают об этом по кольцу на пальце.

Элли села, выпрямив спину. Майлз не мог это сказать.

— Мэйкон?

Мужчина положил руку на бедро Элли. Мужчина усадил девушку в то положение, которое хотел, широко расставив ее ноги. Она чувствовала металл его правой ноги, которая удерживала ее открытой, контрастируя с текстурой левой. Но Элли уже давно решила для себя, что она обожала каждый дюйм Мэйкона и любила обе его ноги, неважно, из плоти они или из металла. Они обе были его частью. Спиной Эллисон прижалась к груди Майлза.

Мэйкон двигал руками вдоль ее тела, как будто не мог решить, на чем сфокусироваться. Везде, где мужчина касался ее, распространялось тепло.

— Я знаю, что тороплю события, но я собираюсь жениться на тебе, Эллисон Джонс. Когда ты будешь готова, мы поедем в Лас-Вегас на выходные, и ты вернешься с моим кольцом на пальце. Ты скажешь мне, когда настанет время ехать. Убедись в своих намерениях, маленькая, потому что пути назад не будет. Этот брак — навсегда.

Это было всем, чего она желала. Навсегда. Так эгоистично. Сейчас было самое время признаться ему, но девушка не могла. Элли слишком любила Мэйкона, чтобы так рисковать. Он никогда не узнает, что они начали свои отношения с выдуманного предлога. Очевидно, Ронни никогда не упоминал, что его сестра была ему не родной, и что у нее была другая фамилия. Она всегда представлялась Майлзу, как Сара Роу, так как объяснение ее отношения к этой семье заняло бы время и, возможно, дало бы ему повод отказаться от разговоров с ней, поскольку у нее не было реальных прав.

Элли не станет рассказывать ему. Он никогда не узнает. Это была всего лишь маленькая ложь, которая была ничем по сравнению с ее чувствами к нему. Она любила Ронни и маму, но священник был прав. Живые, должны жить. Ронни ушел, и ничто не вернет его. Если эта ситуация причиняла слишком много боли Мэйкону, то ему никогда не придется говорить об этом. Она ему доверяла.

— Мы можем поехать в понедельник?

У них по понедельникам выходной, и Элли была уверена, если шеф Таггарт узнает, что они собираются сделать, он даст им несколько дней отгула. Они могут вернуться в пятницу к обеду.

Мэйкон сжал ладони Элли в своих руках.

— Ты уверена?

— Я люблю тебя. Я никогда никого не любила так, как тебя. Я никогда не чувствовала себя так. Я хочу быть твоей женой, твоей сабой, в конце концов, матерью твоих детей. Я хочу всего этого, Мэйкон.

Майлз прошептал ей прямо в ухо:

— Я тоже хочу всего этого. Ты должна знать, что я возвращаюсь в школу. Я еще много чего не знаю. Шон разрешил мне ходить на занятия несколько дней в неделю. Я хочу получить аттестат. Хочу повесить грамоты на стену. Я серьезно отношусь к этой профессии, но она подразумевает много тяжелой работы ближайшие пару лет.

— Я поддержу тебя. Во всем, — Элли будет тратить свое время на изучение бизнеса. Она всегда любила организовывать. Мэйкон может придумывать и делать свои шедевры, а Элли сделает все остальное для открытия. Может быть, в один прекрасный день у них

появится собственная пекарня. — Только ты и я.

У них было так мало в жизни. Мэйкон потерял все, а у Эллисон никогда ничего не было. Так почему девушка вдруг почувствовала себя такой чертовски благословленной?

— Вот как мне нравится, — рукой мужчина скользнул вниз, и казалось, знал точно, где она должна находиться в этот раз. Подушечкой пальца Майлз начал обводить ее клитор. Снова и снова, по кругу.

— Расслабься. Кончи для меня и тогда я войду в тебя, и мы оба кончим снова. А потом ты выйдешь отсюда, сядешь с нашими друзьями, и все они будут знать, что я тебя трахал, но это не должно тебя волновать. Это естественно и правильно. Ты принадлежишь мне. Ты — моя девушка.

— А ты принадлежишь мне.

Он был прав насчет этого. Это было естественно. Это ощущалось естественно. Никакой другой мужчина не мог растопить ее комплексы и забрать все мысли из головы девушки, как это делал Майлз. Она всегда думала о чем-то, всегда была в движении. Элли была такой еще с детства, но все замедлялось, когда она была с Мэйконом. Мир замирал, и можно было расслабиться, чтобы отдаться ему.

— Принадлежу. Мне нравится быть твоим мужчиной. Теперь дай мне то, чего я хочу.

Пальцем мужчина скользнул по ее клитору, надавив с правильным количеством силы, и Элли начала стонать и насаживаться на него, в попытке оседлать. Девушка почувствовала, как жесткий член Мэйкона уперся ей в спину, и задрожала в предвкушении. Скоро он войдет в нее, и она снова будет заполненной. С Майлзом это было захватывающим.

Мужчина нашел ее самую чувствительную точку, и тело девушки утонуло в сладких ощущениях.

Пока все у нее внутри пульсировало от пережитого оргазма, Мэйкон перевернул Эллисон лицом к себе своими большими мускулистыми руками.

— Повернись, детка. Я хочу, чтобы ты оседлала меня.

Майлз помог ей, а затем начал раскатывать презерватив. Ее колени ослабли, но это было хорошее ощущение. Элли наблюдала, как ловко мужчина натянул резинку на член.

После того, как они поженятся, она начнет пить противозачаточные, пока они не захотят завести детей. Ей очень хотелось детей. Без всяких сомнений. Элли хотела парочку мини-Мэйконов, которые будут бегать по дому. Девушка даже прослезилась, когда подумала об этом. У нее снова появится семья. Она сможет обеспечить Мэйкону и их детям хорошую жизнь. Это было всем, чего она когда-либо желала.

— Маленькая, — Майлз поднял руку и, казалось, понял причину ее слез. Он не спрашивал девушку, боялась ли она, и не предлагал остановиться. Мужчина усадил Элли к себе на колени, опустил ее вниз и вздохнул, когда она оседлала его и начала двигаться сама. — Я так люблю тебя, Элли.

— Я тоже люблю тебя.

Девушка насаживалась на член Майлза. Несмотря на свое возбуждение, ей пришлось двигаться медленно, чтобы полностью принять его, ведь пенис Мэйкона был невероятно большим.

Это было тем, что девушка всегда хотела. Эта связь была ее настоящим домом.

Эллисон двигалась вверх и вниз, а мужчина обвивал руками талию девушки, чтобы помочь и направить ее. Элли крепко обняла мужчину, прижавшись своей грудью к груди Мэйкона, пока ее соски терлись о его волосы на торсе. Майлз обрушил свой рот на губы

девушки и заскользил языком в том же ритме, с которым двигался его член в ее киске.

Каждое движение подводило Элли ближе и ближе к краю, но она не хотела его останавливать. Это был рай. Она окружила себя объятиями Мэйкона, потерявшись в его руках.

Эллисон выйдет замуж. Она и Майлз против всего мира. Элли думала, что произойдет, когда она найдет свою вторую половинку. Это будет похоже на борьбу ее и ее мужчины с грубым, жестоким миром, но эти мысли перестали посещать девушку, когда она нашла Мэйкона. Она поняла, что мир не так уж и плох. Элли встретила эту странную семью и теперь принадлежала ей. Мир внезапно оказался полон возможностей.

— Моя прекрасная девочка, — прошептал мужчина и ускорил темп. Он практически приподнимал ее с каждым толчком. — Я благословляю тот день, когда ты пришла сюда.

— Лучший день в моей жизни.

Элли двигалась вместе с Майлзом и, прежде чем она была готова, ее тело напряглось, а внутренние мышцы сжались вокруг его члена.

Мужчина вздрогнул и вцепился в нее, пока их обоих трясло как при лихорадке.

Девушка упала вперед, ее силы иссякли, и мысли тоже.

Мэйкон обнял Элли и прижал к себе.

— К этому времени на следующей неделе, ты будешь моей женой.

Эллисон прильнула к Майлзу.

— Я прослежу, чтобы ты сделал объявление.

Тридцать минут спустя она удостоверилась, что кабинет шефа Таггарта был образцом чистоты и стерильности. Мэйкон передел штаны, которые лежали в спортивной сумке, и теперь они оба выглядели респектабельно.

Элли посмотрела на дверь, в которую Мэйкон вышел десять минут назад. Как только она откроет ее, все станет понятно.

Скорее всего, они уже знали. Девушка была уверена, что все в курсе того, чем они здесь занимались.

Хрен с ним. Элли направилась прямо к ним. Ну и пусть все знали, что она занималась любовью с самым горячим, самым милым, самым совершенным мужчиной на планете.

Как только девушка вышла, начали звучать поздравления. Эллисон густо покраснела, потому что казалось, что все работники ждали ее, чтобы открыть шампанское.

Она посмотрела на Мэйкона, который шел к ней с бокалом в руке.

— Ты им сказал.

Мужчина пожал плечами.

— Дина пригрозила, что воспользуется своим ружьем, если я не сделаю из тебя порядочную женщину.

— Я сделала тебе одолжение, — с улыбкой сказала Дина. — Ты не должна позволить исчезнуть мужчине, который заставляет тебя так кричать.

— Он делает торты так же, как занимается любовью, — сказал Большой Таг, покачивая головой. — Поздравляю вас обоих.

Шеф Таггарт стоял рядом со своим братом. Жена Шона присоединилась к ним. Грейс посадила свою дочь к себе на бедро и подмигнула Элли, когда ее муж шагнул вперед и поднял бокал.

— Наши первые романтические отношения на рабочем месте заканчиваются счастливо. Нет, Хави, я не беру во внимание ту светскую львицу, которую ты трахал в туалете. Она тут

не работала, и ваша связь прошла только первый курс обучения.

Хавьер усмехнулся.

— Но это был хороший первый курс, босс.

Шон покачал головой.

— Вы, ребята, собираетесь убить меня? Давайте превратим этот ужин в праздник. За Мэйкона и Элли!

— За Мэйкона и Элли! — прокричали все в унисон.

— Или мы должны называть тебя Сарой? — прервал всех мрачный голос.

Адам Майлз подошел и впился взглядом прямо в Эллисон.

Брат Мэйкона обо всем узнал. Время Элли подошло к концу.

Глава 8

Мэйкон последовал за братом на кухню, хотя прекрасно понимал, что в ресторане они оставили довольно ошеломленную публику. Он держал Элли за руку. Мужчина боялся, что она исчезнет, если он не будет держать ее.

— Может, выйдем на улицу? Я бы хотел сохранить нашу беседу между нами, — сказал Майлз брату, который выглядел с их последнего разговора так, будто засунул себе что-то в задницу. Элли побледнела, когда Адам назвал ее Сарой.

Кто, черт возьми, такая Сара? Второе имя Элли? Он бы не стал винить ее. Мэйкон часто думал, что он мог бы избежать пыток, если бы назвался Филиппом. Почему Адам так расстроился из-за имени?

Адам коротко кивнул и направился к двери, которая вела к задней части ресторана.

Элли потянула Майлза за руку.

— Я думаю, мне лучше уйти.

Он потянул ее обратно.

— Ты никуда не пойдешь. Детка, из-за чего бы Адам ни злился, я решу этот вопрос. Он иногда перегибает палку. Не волнуйся об этом.

— Я не перегибаю палку. Я точно рассчитываю нужное количество защиты, — объяснил Адам.

Мэйкон вывел Элли на улицу и закрыл двери. Он был уверен, что кто-то, вероятно, попытается подглядеть, но будет трудно расслышать их разговор здесь. Это семейное дело. Майлз увидел, что его брат стал слишком серьезным, когда узнал о прошлом Элли. Адам, вероятно, удивился, узнав, что ее отец в тюрьме.

— Мне нужно поговорить с тобой, Мэйкон.

Слезы заблестели в глазах Элли, и она взяла в свои руки его, словно хотела начать умолять.

Боже, когда она плакала, то было такое ощущение, как будто кто-то бил Мэйкона ногой в живот.

— Все будет в порядке. Скажи мне, что ты хочешь сказать, — он уставился на своего старшего брата. — И тебе лучше держаться подальше от всего этого, Адам. Я благодарен, искренне благодарен за все, что ты сделал, но если ты собираешься облить грязью мою девушку, то ты зашел слишком далеко. Она уже рассказала мне о своем отце. Я знаю, что он в тюрьме.

Мэйкон должен был предупредить Адама. Он знал, что брат будет проводить жесткую проверку Элли. Но преступления ее отца — не ее вина. Отнюдь. Ее детство было хаотичным

дерьмом, и она вышла из него достойно.

Адам нахмурился.

— Я не проверял Элли. Я обещал тебе. Шон нанял ее, и это меня устроило. Ты просил меня разузнать все, что можно про Сару Роу. Я должен сказать ему, или ты сама это сделаешь?

Последний вопрос Адама был адресован Элли.

Все тело Мэйкона похолодело, несмотря на относительно теплый ранний вечер. Он задумался. Сара Роу хотела поговорить с ним. Она сказала ему в одном письме, что докопается до правды о смерти своего брата, и неважно, чего это будет ей стоить.

Она легла в постель с врагом, чтобы узнать правду?

Мэйкон провел нехитрые подсчеты в своей голове, и быстро понял, что его Элли была подходящего возраста, чтобы быть сестрой Ронни. Она даже вышла из бедного класса людей, если не солгала об этом.

Он медленно отпустил ее руку и повернулся к женщине, которую любил, удивляясь тому, что даже не знал ее имени.

— Скажи мне, что это неправда.

Уже начинало темнеть, но Майлз мог ясно видеть ее лицо в вечернем свете. Последние остатки солнечного света прокатились по ее волосам и осветили пряди. Обычно, волосы девушки, были насыщенного коричневого цвета, но в лучах заката казалось, что смешались цвета блонда и красного. Она на самом деле, была сочной женщиной. Но и лгуньей тоже?

Глаза Элли покраснели.

— Я могу объяснить.

Не было никакого объяснения. Никакого, которое он бы принял. Мэйкон никак не мог заставить себя двигаться. Его состояние сейчас было похоже на то, когда мужчина потерял ногу. Он пытался ею пошевелить, а его мозг посылал сообщения к конечности, которой больше не было. Майлз стоял там, и пытался осмыслить то, что он построил весь мир вокруг того, чего не существовало, и никогда не будет. “Элли” была персонажем, она играла, строила с ним отношения, чтобы приблизиться к цели. Вот кем он был. Мэйкон не был ее парнем или женихом. Он был мишенью.

— Я хотел бы услышать объяснения, — сказал Адам, его голос раздался в ужасно тяжелой тишине. — Мэйкон попросил меня найти информацию о семье Ронни Роу. Я смог найти только его мать — Карлу, которая умерла несколько месяцев назад. Когда я копнул глубже, я нашел женщину по имени Сара Эллисон Джонс, которая жила с ней в момент ее смерти. Представь мое удивление, когда я увидел твоё фото. Было бы лучше, если бы ты, хотя бы попыталась изменить внешность. В следующий раз покрась волосы или измени свой внешний вид.

— Я не пыталась скрыться, — сказала девушка и сделала шаг по направлению к Мэйкону.

Мужчина чуть не споткнулся, когда попытался отойти от нее. Он не мог позволить ей прикасаться к себе. Если она это сделает, то Мэйкон растает как масло. Ему было плевать, что Элли солгала. Он был готов придумать любые оправдания, чтобы удержать ее. Но Майлз уже сделал из себя дурака. Как такая великолепная девушка как Эллисон, могла хотеть его жалкую задницу?

Сара. Ее звали Сара.

Девушка отступила назад, а ее лицо побледнело. Она не хотела смотреть ему в глаза.

— Ты не отвечал мне. После того, как Ронни умер, моя приемная мама немного сошла с ума. Она не верила сообщениям о его смерти. Она сказала, что Ронни никогда бы не снял свой шлем или бронежилет. Потому что он никогда их не носил.

Нет. Они ошибались. Ронни добросовестно надевал бронежилет и шлем, когда они были в поле. Он был в защите, когда “Хамви” (прим. пер.: HMMWV или Humvee — американский армейский внедорожник) взорвался, и мир сошел с ума. Они сняли с себя все только после перестрелки, когда остались один на один с палящим солнцем. Ронни был не единственным, кто боролся, чтобы пережить сильную жару. Майлз ощущал ее и сейчас.

Мужчина почувствовал ту же пустоту, которую он ощущал в тот день. Он посмотрел вниз и понял, что не смог спасти себя. Он был прижат к земле “Хамви”, который придавил его правую ногу. Он понимал, что даже если бы сумел поднять тяжелый кусок с ноги, то просто бы истек кровью. Медик взглянул на него и поднял руки в поражении. Единственным, что останавливало кровотечение — был чертов металл, застрявший глубоко в бедре.

Весь день был похож на хаос. Через несколько минут после того, как Мэйкона попросили подождать немного, врач — пожилой мужчина по имени Джонсон, был убит выстрелом в голову.

Мэйкон пролежал рядом с мертвым телом Джонсона в течение трех дней.

Мужчина посмотрел на Эллисон новыми глазами. Она на многое пошла ради правды.

— Мне следовало ответить на твои звонки.

— Мэйкон, это больше не имеет значения.

Он успокоился. Майлз выпустит гнев наружу позже, но прямо сейчас все, что мужчина мог сделать — это просто уйти. Скорее всего, Сара думала, что он больше не будет с ней общаться.

— Я не знаю, что сказать.

— Я знаю, что ты не виноват, — быстро произнесла девушка. — В то время мы не понимали толком, что написано в отчетах, и моя мама была очень больна. Она была моей приемной матерью, но я называл ее мамой. Она и Ронни были моей семьей.

И она была лояльна к ним. Это было хорошо. Мэйкон не мог конкурировать с ее семьей.

— К сожалению, ты ошибаешься. Я виновен в его смерти.

— Нет, Мэйкон, — с яростью сказал его брат.

Мэйкон не хотел, чтобы его брат стал свидетелем этого нового унижения, но он это заслужил. Он дерьмово поступал со своим братом большую часть своей жизни. Майлз выбрал не тех людей, которым можно доверять. Элизу волновали деньги его отца. Ни одна женщина никогда не любила его за то, кем он был.

Кто он вообще? Серьезный солдат или кондитер? Человек, который бы бросил своего брата под автобус, потому что его жена так хотела, или человек, который будет защищать своего брата несмотря ни на что?

Мэйкон хотел быть мужчиной, которого бы любила Элли. Беда была в том, что Элли, не существовало. По крайней мере, он мог бы рассказать ей правду. Она узнает, каким человеком он был, и удовлетворит свое любопытство.

— Мы вышли на задание. Я даже не знал всего, что нам предстояло сделать. Нам говорили ехать — мы ехали. Мы были солдатами. Мы следовали приказам. Даже будучи офицером, я был обучен следовать приказам начальства. Они хотели тишины — я становился бесшумным. У нас была встреча с кем-то в маленькой деревушке в пустыне, но

чтобы добраться туда, нам пришлось пройти через территорию талибов и, следовательно, сделать это нужно было бесшумно. Мы были небольшой командой. Они думали, чем нас меньше, тем лучше. Я подозреваю, что мы должны были забрать оттуда агента ЦРУ, но я не уверен.

— Мэйкон, не нужно... — сказала Элли.

Мужчина почувствовал, как нахмурился. Она все еще играла с ним в игры.

— Я знаю, что делаю. Я не хочу, чтобы ты потратила впустую свое время.

Девушка покачала головой, а слезы потоком полились из ее глаз.

— Пожалуйста, Мэйкон.

— Позволь ему высказаться, Элли, — Адам был спокоен, словно знал, как близко к краю находился его брат. — Он должен рассказать эту историю. Ты не говорил об этом никому, да?

— Даже Каю.

— Тогда не надо, — произнесла Элли сквозь слезы.

Мэйкон повернулся к ней.

— Ты пришла сюда ради этой истории. Ты трахалась со мной ради нее. О, милая, я расскажу тебе правду.

— Мэйкон, может, нам стоит позвать Кая? Мы могли бы пойти к нему и поговорить об этом, как семья, — Адам казался сейчас ужасно разумным.

— Она — не моя семья, — и никогда не будет. — Я собираюсь дать ей информацию, в которой она нуждается, и тогда между нами все закончится.

— Я не хочу этого, — сказала Элли умоляющим тоном.

— Я больше не хочу, чтобы меня неделями обманывали. Я думаю, мы не всегда получаем то, что хотим. Ты хочешь знать, что случилось с твоим братом? Дерьмо случилось. Со всеми нами. Мы были глубоко в пустыне, когда поняли, что прокололи шины. Роу и я вышли поменять колесо. Водитель любил пошалить. Засранец. Он отъехал, когда мы пытались вернуться обратно в машину. Это была шутка такая. Я думал, что убью этого маленького ублюдка, если он сделает это снова. Тогда он и наехал на мину. Уеб*л, нахрен, всех нас. Я попал под тяжелый кусок автомобиля. Меня придавило. И еще пару солдат. Вот тогда они и появились. Талибы. Они начали убивать нас. Этот тупой кусок металла, который прижал мою ногу, обеспечивал мне укрытие. И для Ронни. Он лежал рядом со мной, но ему прижало обе ноги. В какой-то момент они решили перейти к тактике ближнего боя. Их было трое. Двое из них были детьми. Я убил ребенка. Ему было не больше четырнадцати. Я выстрелил ему в спину прежде, чем он смог вынуть свой автомат. Для меня это не имело значения. Второй ребенок взял его. Роу и я прикончили их, несмотря на то, что мы не могли ходить, не могли двигаться. Мы все еще могли стрелять.

— Мэйкон, — начала было Элли.

Адам поднял руку, чтобы остановить ее.

— Не нужно. Пусть он выскажется.

Он проигнорировал их обоих. Мэйкон хотел, чтобы все это закончилось. Он хотел сбежать. Первым его порывом было уйти, но мужчина собирался бороться. Его брат не сделал ничего плохого. У него, по крайней мере, все еще есть Адам в этой жизни. Но нет Элли.

— Стало тихо. Очень тихо. Роу и я были единственными, кто остался в живых. Мы делали то, чему нас учили. Мы проанализировали, что у нас было. Ни один из нас не мог

двигаться. Мне удалось сделать жгут вокруг своей ноги, но я не мог сдвинуть джип. У нас было несколько энергетических батончиков, и бутылка воды между нами. Мы разделили их, но нам хватило этого на полтора дня. Мы знали, что там было больше, в машине. Я даже видел бутылку, но я не мог добраться до нее. Я попытался использовать свой нож. Я пытался рассмотреть свою чертову ногу, чтобы добраться до нее, но начал отключаться.

Слезы текли по щекам Элли, но Мэйкон вдруг онемел. Он больше не хотел ее удерживать. Все это было полной хренью. Она плакала из-за брата. Мэйкон подумал о том, что он оставлял ее одну в своем доме. Она успела обыскать его компьютер, телефон и документы? Девушка ничего не нашла и, скорее всего, хотела смотаться отсюда прямо сейчас.

— На второй день мы поняли, что понятия не имеем, приедет ли кто-нибудь вообще за нами. Наша миссия была секретной, — у него скрутило желудок, когда Майлз вспомнил о некоторых вещах, о которых решил умолчать. Он не упомянул, что появились стервятники. Они были меньшего размера, чем американские, но не менее голодные. Мэйкон пытался отогнать их от товарищей, но все это было бесполезно. Он сидел и ждал смерти. — Если в этом было замешано ЦРУ, нас могли просто списать. Мы понятия не имели. Мы были глупыми и совершенно сдались на милость стихии. Беспомощные. Я никогда не думал о себе раньше в таком ключе. Я был совершенно беспомощен, и начал понимать, что мы умрем от обезвоживания, прежде чем кому-либо придет в голову начать искать нас. Если они вообще собирались это делать.

Мужчина спрашивал себя, будет ли кто-нибудь горевать о нем, если он умрет. Элиза получит страховку и найдет другого мужа. У него не было детей. Мэйкон даже прекратил общение с братом, который мог бы переживать о нем.

— Он говорил о тебе, — если Мэйкон собирался рассказать правду, то нужно было сказать и это. — Он любил тебя. Ронни сказал, что ты спасала его, когда он был глупым мальчишкой, от всякого дерьма в школе. Он ни разу не говорил, что вы не одной крови. Ты была его сестрой, и он любил тебя.

— Я его тоже любила.

Это было очевидно.

— Мы знали, что воды нам надолго не хватит. Я бы хотел думать, что он счел, что находился в худшей форме, счел, что поступает правильно.

Элли прикрыла рот рукой, когда с трудом проглотила рыдание. Очевидно, девушкам разгадала ту тайну, которую он скрывал, но Мэйкон должен был произнести это вслух.

— На вторую ночь, рядовой первого класса Ронни Роу приложил свой табельный пистолет к голове и нажал на курок.

Он все еще мог слышать этот звук. Мэйкон смирился со своей участью, взял свой пистолет в руку, подумав, что все кончено, и другая группа талибов нашла их. Он был удивлен тем, как мало его это напугало. Мужчина был готов бороться, потому что он всегда это делал, но не был уверен, что ему это нужно. В его жизни не за что было бороться.

А потом он понял, что произошло.

— Вода закончилась на следующий день. Вертолет прилетел за мной ночью. Я не знаю, выжили бы мы или нет, но думаю, что он сделал выбор осознанно. Я думаю, он решил, что у меня будет больше шансов выжить без него.

— Или он просто не мог уже терпеть боль, — сказал Адам.

Мэйкон покачал головой.

— Конечности онемели к тому времени. По крайней мере, у меня. Он говорил что-то о том, что нужно сделать правильный выбор в нужное время. Мы говорили о религии. Забавно, какие разговоры могут вести двое умирающих в пустыне мужчин. Вот что для него значила религия. Правильный выбор. Иногда, мне кажется, что я тоже должен был сделать это. Я должен был спустить курок и дать ему шанс выжить. У него было больше причин жить, чем у меня.

Теперь Мэйкон почувствовал онемение, как и тогда. Почему-то слезы Элли никак его не растрогали.

Он недавно стоял посреди ресторана и объявлял о своей помолвке с сестрой Ронни? Как долго бы она притворялась? Конечно же, девушка не собиралась приходить на свадьбу. Она хотела отомстить? Если Элли этого хотела, то у нее это прекрасно вышло, потому что мужчина был сломлен и не был уверен, что исцелится снова. Было ли ему больно от предательства? Ничего подобного. Он не мог даже по-настоящему рассердиться.

— Почему ты не рассказал руководству? — Элли прислонилась спиной к стене, как будто иначе могла упасть. — Ничего этого не было в докладе. Вот почему мама была так расстроена. Она знала, что что-то не так. Она немного сошла с ума после того, как Ронни умер. Она была больна, а тут такая потеря. Она ухватилась за этот доклад. Если бы она знала...

— Она бы не получила пособие по смерти, — Адам закончил за нее. — Рядовой первого класса Роу получил сто тысяч за смерть при исполнении служебных обязанностей, и еще кое-какую сумму, гораздо больше обычной страховки военнослужащего.

— У нас у всех такая страховка, — сказал Мэйкон. Этот разговор подходил к концу, но для него этого было недостаточно. — Ее не платят в случае самоубийства, особенно это касается тех, кто мало служил. Я часто задаюсь вопросом, знал ли он об этом. У него был контракт всего лишь на восемнадцать месяцев. Он пожертвовал собой, но они бы рассматривали это, как самоубийство. Когда группа эвакуации прибыла за мной, они это прикрыли. Они знали, почему он это сделал. Это было легко понять. Никто не хотел, чтобы его семья страдала. Вы заслужили эти деньги, и мы не позволили какой-то бюрократии принять другое решение. Почему ты живешь в машине? У тебя должно быть около полумиллиона на счету.

Она снова прикрыла рот рукой и всхлипнула. Этот звук заставил Майлза выпрямиться. Мужчина не собирался удерживать ее. Независимо от того, что его инстинкты говорили ему. Его инстинкты облажались, он до сих пор ничего не знал о ее лжи.

Адам смягчился. Он подошел к ней, и Мэйкон был немного благодарен, что кто-то мог ее утешить.

— Твоя мать жила в доме для престарелых, не так ли?

Девушка кивнула.

— Страховая медицинская фирма перестала оплачивать ее пребывание там, потому что у нее вдруг появилось слишком много денег. Я не знала, что еще делать. Она нуждалась в помощи.

Мэйкон рассмеялся, и смех прозвучал адски жестко, даже для его собственных ушей.

— Фонд обогащался за счет того, что медицинская страховка оплачивала счета. Что, нахрен, за шутка. Он умер за свою страну, а его мать съели заживо этой системой. Прекрасно. Ну, это объясняет, почему ты сломалась.

Майлз не мог выгнать ее. Нет, если деньги действительно ушли на оплату дома

престарелых. Он обязан Ронни. Они не были лучшими друзьями, но они работали вместе, и они делились друг с другом, что очень немногие люди когда-либо делали.

Мэйкон снова вбил себе в голову, что Ронни должен был выжить. Полмиллиона удовлетворило бы Элизу, и его отец был бы бесконечно горд, если бы Майлз умер в бою. Еще один герой семьи, фото которого можно повесить на родные стены. Если бы он умер тогда, Эллисон не плакала бы, как будто никогда не собиралась останавливаться.

— Адам, могу я поговорить с Элли наедине?

Его брат нахмурился.

— Я не думаю, что это хорошая идея. Мэйкон, я разозлился. Я думал, что Элли наняла детектива, чтобы отомстить тебе, но я понимаю, что ошибся на ее счет. Я не был внимателен к этому. Я действительно думаю, что мы все должны пойти домой, остыть и поговорить об этом.

Элли покачала головой.

— В первую неделю у меня было немного денег, я наняла детектива, который работал на мою маму. Он задал несколько вопросов. Но потом я ему ничего не платила. Я не собиралась продолжать расследование с его помощью.

— Мне нужна минута наедине с Эллисон, — сказал Мэйкон решительным голосом.

— Не делай ничего, о чем будешь сожалеть, — сказал его брат и зашел обратно в ресторан.

И оставил его наедине с единственной женщиной, которую он действительно любил. Черт, Мэйкон даже не знал, что означало это слово, пока она не появилась в его жизни. Жаль, что любовь оказалась не взаимной.

— Я думаю, тебе следует остаться в гостевом доме, пока ты не накопишь достаточно денег на приличную квартиру.

Пустота в ее глазах чуть не убила его.

— Но тебя там не будет, так?

— Нет. У моего брата есть комната для гостей. Я останусь там. Я поеду домой с ним и съеду через час или около того.

Им не придется видеться друг с другом. Даже на работе. Она будет находиться в передней части дома, а он в задней. Он будет приходить раньше, и делать большую часть того, что ему нужно. А уходить будет прямо перед ее приходом.

Или Мэйкон мог поехать домой. Он сможет смириться с тем местом. Но не вернется к Элизе. Ничто не могло заставить его сделать это, но мужчина мог вернуться домой. После того, как его отец поймет, что журналисты не придут и не станут рыться в грязном белье семьи, он, скорее всего, примет его обратно и снова откроет его трастовый фонд. Ему придется работать на своего отца, конечно же. Но это не имело значения.

— Мэйкон, пожалуйста, выслушай меня, — сказала девушка.

Мужчина выставил руку и прервал ее.

— Я не сержусь. Я понимаю, почему ты это сделала. Я хотел бы поговорить с вами. Это было бы трудно, но я в долгу перед тобой и твоей матерью. Но у меня не получилось. Я желаю тебе всего хорошо, Эллисон.

И развернулся, чтобы уйти.

— Пожалуйста, поговори со мной. Пожалуйста, не оставляй меня, — умоляла Элли.

Если Майлз останется, то простит ее, а у него и так ничего кроме гордости не осталось. Не оглянувшись, он проскользнул в дверь.

Мужчина сделал то, что должен был. Он дал ей то, зачем она пришла, и теперь настала пора двигаться дальше.

И забыть ее.

Эллисон вернулась в ресторан, прекрасно понимая, что выглядела ужасно. Ее лицо было красным и опухшим. Она не была милашкой, когда плакала. Ничего с этим девушка поделать не могла. Она просидела на улице около получаса, после того, как Мэйкон ушел от нее. Она плакала, и Дина вышла, чтобы обнять ее. Она пыталась узнать, что случилось, но Элли просто плакала. Через некоторое время, она попросила Дину оставить ее одну. Она увидела, как неохотно ее подруга сделала это.

Она будет скучать по Дине, Серене и всем друзьям, которых она встретила в “Верхних”. Элли нашла здесь больше настоящих друзей за несколько месяцев, которые она провела в Далласе, чем за все предыдущие годы. Это было хорошее место, чтобы остаться и жить.

Она спрашивала себя, неужели теперь они все ее возненавидят?

Было бы легче улизнуть, но девушка хотела сделать все правильно. Она должна была объяснить все шефу Таггарту. Он дал ей работу, когда не должен был. Элли не могла бросить ему в лицо такой подарок. Конечно, он мог бы облегчить все. Большой Таг мог бы уволить ее, как только она зайдет обратно в ресторан.

Обед проходил по плану, хотя девушка думала, что в столовой было намного тише, чем обычно. Она могла почувствовать запах ребрышек и жареного картофеля, но ничего не хотела есть. “Наполеоны” Мэйкона выглядели идеально. Ей будет не хватать этого.

В зале стало тихо, когда вошла Элли. Ей пришло в голову, что она прервала семейный ужин. Вот кем стали эти люди. Шеф Таггарт сидел за одним концом стола, и его брат за другим. Они были партнерами в “Верхних”. Большой Таг был молчаливым партнером, который говорил, что хотел вложить деньги в бизнес, чтобы есть бесплатные торты и пироги, но было легко заметить, что братья Таггарты зависели друг от друга.

Ее брат был мертв, а единственный человек, которого она полюбила, теперь ненавидел ее. Она опять будет жить на улице. Такова история ее жизни.

Каждая пара глаз смотрела в ее сторону. Элли заметила, что Серены и Джейка здесь не было. Семья Майлза замыкала ряды.

— Элли.

Дина встала с места. Тиффани и Дженни встали вместе с ней. По крайней мере, все ее коллеги по работе, казалось, были готовы поговорить с ней.

Элли покачала головой, и Дина кивнула. Они все снова сели.

Йена Таггарт прищурился, когда посмотрел на девушку. Его жена присоединилась к нему, наверное, близнецов уложили спать.

— Ты сломала паймейкер (прим. пер.: электрическое приспособление для приготовления коржей).

Шарлотта Таггарт шлепнула по мускулистой руке своего мужа.

— Йен. Имей чувство такта, пожалуйста.

— Детка, у меня его нет, — признался он. — Она сломала чувака, который делает торты. Она должна все исправить.

Она даже не хотела спорить с Йеном Таггартом. Он немного пугал ее. Элли не думала, что он будет впечатлен ее маленьким предательством. Девушка повернулась к мужчине, с

которым хотела побеседовать.

— Шеф Таггарт, мне очень жаль вас прерывать. Мы можем поговорить?

Он встал, уронив салфетку, но его жена коснулась руки мужчины. Он наклонился, и она прошептала что-то ему на ухо. Грейс Таггарт передала ему их малышку-дочь. Та сидела на коленях у своей матери, но, казалось, была довольной, что перешла к отцу.

— Я разберусь с этим, — сказала Грейс. Она встала, разгладив юбку, и кивнула Элли. — Давай поговорим в кабинете.

Она была удивлена, но последовала за великолепной рыжеволосой девушкой. Грейс не хотела оставлять Элли наедине с мужем? Что именно сказал им Мэйкон, когда уходил? Ей не следовало удивляться, если он сказал о ней что-то плохое, но, все же, она была удивлена. Хотя прекрасно понимала, что причинила ему боль. Элли не ждала, что он набросится на нее. Девушка хорошо узнала, какой мягкий по характеру этот большой мужчина, но предполагала, что он был таким только с достойной женщиной.

Грейс закрыла дверь позади нее, и мир стал до жути тихим.

Лучше покончить с этим, чтобы она смогла забрать свои вещи и уйти. Она не собиралась принимать его предложение и оставаться в гостевом доме. Нет. Она выберет дорогу и будет ехать всю ночь, а завтра она окажется уже где-то еще. Черт, может, она станет кем-то еще.

— Миссис Таггарт, я боюсь, что это мой последний день на этой работе. Мне жаль, что я не смогу отработать положенные две недели.

— Это недопустимо, — Грейс села в кресло мужа. То самое, в котором они недавно занимались любовью с Мэйконом. — Ты хорошо здесь убралась. Пахнет цитрусовыми. Ты должна сказать мне, что использовала. У меня никогда не получается избавиться от запаха секса в офисе Йена. Шон думает, что это забавно, проводить сессии на столе Йена, когда тот уезжает из города. Я сказала Шарлотте, что дам ей ключи от этого офиса, но близнецы не любят много спать, поэтому у них еще не было возможности нам отомстить.

Грейс жестом указала на одно из двух стульев перед столом, но Элли осталась стоять.

— Я сожалею об использовании офиса. Мы действительно хорошо все отмыли после себя, этого больше не повторится.

— С таким настроением точно не повторится, — Грейс нахмурилась. — Пожалуйста, присаживайся, Эллисон. Или тебе нравится имя Сара? Мне было очень жаль услышать о твоей матери и твоём брате. Должно быть, тебе было очень тяжело.

Она была в шоке, что люди узнали ее секрет.

— Мэйкон рассказал вам все.

— Нет, Мэйкон не сказал ни слова. Он ушел, не сказав никому ничего. Я узнала, что твое имя Сара Эллисон Джонс, и что ты из Эшвика, штат Джорджия, тогда, когда Йен сделал проверку через пару недель после того, как ты начала здесь работать. Мы поняли связь между тобой и Мэйконом давным-давно.

Теперь она села, потому что ее колени стали слишком слабыми, чтобы держать ее на ногах.

— Почему вы не сказали ему?

Грейс задержала на ней взгляд на мгновение.

— Я утверждала, что мы должны. Шон и Йен хотели понаблюдать за тобой. Они хотели посмотреть, что ты предпримешь. Вот почему они не сказали Адаму. Он бы разрушил твоё прикрытие. Он, в конце концов, это и сделал. Шон подумал, что если бы мы сказали вначале

Мэйкону, он просто ушел бы отсюда. Не трудно понять, когда человек скрывает какую-то тайну. Я думала, что ты попытаешься все выведать.

— Я пыталась, — призналась Элли.

— Ты проделала ужасную работу, дорогая, — Грейс указала на книжную полку. Она была заполнена поваренными книгами. — Здесь есть хорошие камеры скрытого наблюдения. Не волнуйся, они включаются только в нерабочее время. Они направлены на сейф, где хранятся деньги. И они определенно были выключены сегодня днем. Шон включал их всего на одну ночь несколько месяцев назад. Он хотел знать, почему ты действительно находишься здесь.

Элли попыталась вспомнить.

— Я не помню ничего, что было бы интересно снять на камеру.

— Это и моя точка зрения. Ловушка Шона на тебя не сработала, — объяснила Грейс. — Она была включена в тот вечер, когда Шон попросил тебя задержаться. Затем он завязал очень длинный разговор в переулке. Он оставил дверь широко открытой, и личные дела каждого сотрудника лежали прямо на его рабочем столе. Он попросил тебя, взять его блокнот со стола, чтобы заставить тебя зайти внутрь.

Теперь Эллисон вспомнила.

— Он сказал, что спорил с поставщиком. Он был за пределами ресторана в течение долгого времени. Я видела папки.

— И ты взглянула на них, вытащив дело Мэйкона. А потом ты положила его обратно и ушла, даже не заглянув внутрь. Почему?

— Потому что это не имело значения к тому времени. Я знала то, что мне нужно было знать о нем. Я знала, что он был хорошим человеком, — эти проклятые слезы полились снова, и она спросила себя, сколько времени пройдет, прежде чем она перестанет плакать из-за него. — Я пришла сюда, потому что хотела спросить его о смерти брата, но потом я познакомилась с ним ближе, и не смогла.

Грейс встала, обошла вокруг стола и села в кресло рядом с Элли.

— Почему ты не рассказала ему?

— Мне было страшно. Я не хотела потерять его.

Но, все же, потеряла, и она уже чувствовала, как в ее легких появилась дыра, из-за которой девушка не могла дышать.

— Ты должна была понимать, что кто-то обо всем узнает рано или поздно.

— Почему? Нет никаких правовых связей с мамой или братом. Почему я не могу называть себя Элли и начать жизнь сначала?

Это был хороший план, который пошел не так.

— Как много раз ты начинала сначала?

Она пожала плечами.

— Пару раз.

— Я думаю, убежать вошло у тебя в привычку, — мягко сказала Грейс. — Но иногда ты должна стоять на своем, чтобы начать все сначала. Иногда бегство — это не решение проблемы. Ты любишь его?

Элли кивнула, не в состоянии говорить.

— Тогда если ты уедешь, то это будет худшее, что ты можешь сделать.

— Я виновата.

В карих глазах Грейс появилась решительность.

— Тогда будь достойной женщиной, встань и признай это. Возьми на себя ответственность, а потом искупи свою вину. Ты не должна уходить, но нужно кое-что выяснить. Ты должна решить, подходишь ли ты ему. Ты не можешь подходить ему, если находишься за сотни километров. Я видела, как этот мужчина ожил, когда начал встречаться с тобой. Он был счастлив, и он снова может быть счастливым. Он потребует времени и терпения от тебя. Но последнее, что ему нужно, это расстояние и не уверенность в тебе. Ты веришь всем сердцем, что подходишь ему?

Она верила, что любила его. Элли знала, что сделает все, что потребуется, чтобы помочь ему достичь своей мечты. Она была его настоящим партнером и любовницей, которая соответствовала всем потребностям этого мужчины. Девушка потратила всю жизнь, думая, что недостаточно хороша. Было бы просто, вернуться в эту знакомую картину, но это не то, что нужно было Мэйкону. Она видела, как опустились его плечи, а рука бессознательно легла на свою поврежденную ногу, как будто он мог скрыть ее. Майлз не думал, что она любила его. Когда он думал иначе, то даже казался выше, будто был горд от этой мысли. Элли делала его таким.

Девушка должна была найти способ, чтобы Мэйкон почувствовал это снова.

— Я подхожу ему.

— Если любишь, то борись за него.

Да уж. Была одна проблема.

— Не думаю, что он теперь хочет быть со мной.

Грейс вздохнула, и на мгновение показалось, что она что-то вспоминала.

— Он не знает, чего он хочет прямо сейчас, дорогая. Он обижен и зол, и готов сжечь все из-за этого. Мне виднее. Я прошла через это. Ты знаешь, почему я вышла замуж за Шона?

— Потому что ты любишь его.

— Да, это очевидно. Но Шон сделал мне очень больно в начале наших отношений. Я с ним сегодня, потому что он был терпелив, когда просил прощение, и никогда не переставал говорить, что любит меня. Он продолжал твердить это, пока я не поверила ему. Я думаю, что Мэйкон должен услышать это. Он должен знать, что ты не уйдешь. Даже когда все стало уродливым. Он должен знать, что твоя любовь — это не валюта. Что ты не пытаешься купить что-то у него.

Все это Мэйкон пережил.

— Его жена хотела денег и положения в обществе.

— А чего хочешь ты?

Элли искала ответ в своем сердце. Существовал простой ответ, но это было не все. Она хотела Мэйкона, но было еще кое-что, чего девушка хотела больше. Когда она заглянула глубоко в себя, то обнаружила, что хотела помимо всего остального.

— Я хочу, чтобы Мэйкон был счастлив. Я хочу, чтобы у него была хорошая жизнь.

Грейс положила свою руку на руку Элли.

— Ах, милая. Это значит, что ты действительно любишь, и за это стоит бороться. Ты совершила ошибку. Большую. Это так просто не пройдет, но пора остановиться. Пришло время, чтобы встать с колен. Пришло время сказать “это мой дом, и я не уйду”.

— А если он все еще ненавидит меня?

— Тогда, по крайней мере, у тебя теперь есть дом, — Грейс встала. — Сейчас пойдем кушать и все обсудим. Так обычно делают семьи.

Элли снова заплакала, но теперь она знала, что все будет в порядке. Ей стало гораздо

лучше, чем просто хорошо.

Настало время бороться.

Поздно ночью Элли закрыла за собой дверь. Она осмотрела гостевой дом и поняла, что была одна. Мэйкон не возился на кухне с каким-то новым экспериментом. Его не было в душе, и он не ушел на пробежку. Он переехал, и она поняла это прежде, чем проверила его гардероб.

Элли ходила по дому, снова и снова переживая каждый момент с ним.

Как она могла доказать, что любила его? Как должна была заставить его поверить в это?

Когда Эллисон зашла на кухню, то была готова сломаться. Именно здесь он впервые по-настоящему поцеловал ее, здесь они решили двигаться дальше. Здесь она лгала ему. Здесь девушка его полюбила.

Она заметила книгу, лежащую у плиты. Книга рецептов матери Мэйкона. Он забыл ее. Ей придется убедиться, что книга снова окажется у него, потому что девушка знала, как много она для него значила, но сначала Элли решила открыть ее. Может быть, эта книга даст ей какое-то представление о женщине, которая родила ее любимого мужчину. Мэйкон только упоминал, что его настоящая мать умерла молодой, и он жил с отцом и мачехой, которая не хотела детей.

Девушка пролистала страницы. Рецепты не сложные. Это была поваренная книга домохозяйки, простая книга для записи рецептов легких блюд и угощений, которая скорее всего, передалась от мамы и бабушки. Она была исписана аккуратным женским почерком. Элли прослезилась, когда заметила, что каждый рецепт содержал один и тот же ингредиент. Последняя составляющая для каждого блюда была одинаковой. Любовь.

Почему-то в тот момент, она практически почувствовала, как эта женщина обращалась к ней сквозь время и предлагала ей свою доброту, когда просила быть терпеливой с ее мальчиком, и дать ему то, что ему было так необходимо. Любовь. Когда-нибудь, эта книга достанется ей. Она была следующей в очереди. Мэйкон мог экспериментировать со своими рецептами, но именно Элли будет готовить для своих детей.

Эллисон вытерла глаза и выбрала рецепт. Печенье. Это будет хорошим началом. Девушка нашла ингредиенты и принялась за работу.

Глава 9

Мэйкон осмотрел пирог на столе. Шестой за эту неделю. Он стоял, слегка неровный, на решетке. Было заметно, что Элли торопилась, когда делала его. А этот тип коржей требовал особой щепетильности. Внешний вид был далек от совершенства, но Майлз ничего не мог с собой поделать и хотел его попробовать.

И еще мужчина хотел попробовать женщину, которая испекла этот пирог.

Почему, черт возьми, она не оставляла его в покое?

— Ой, и какой же пирог у нас сегодня? — Джейк зашел на кухню, поправляя галстук. И глазами сразу же уставился на стол.

— Яблочный, — сказала Серена и предложила Джейку чашку кофе. — Он был еще теплым, когда Мэйкон занес его внутрь, так что я думаю, Элли навряд ли выпалась сегодня.

Она на самом деле всю ночь пекла?

Джейк взял у нее кофе и свободной рукой обнял Серену за талию, притянув ее поближе.

— Об этом я ничего не знаю. Я только могу сказать, почему Элли делает такие

потрясающие пироги, но они все равно не такие, как твои, детка. У тебя лучшие пироги во всем мире, и я никогда не смогу ими наесться.

Джейк захватил рот своей жены голодным поцелуем.

И Мэйкон закатил глаза, потому что Серена никогда не умела печь. Прошлая неделя оказалась для него ужасным испытанием. Жизнь с братом, Джейком и Сереной означала постоянное созерцание того, как Джейк или Адам пытались залезть под юбку своей женщины. Они были похожи на озабоченных подростков. И Тристан много какал. Паренек был симпатичным, но, блин, мог провонять всю комнату. Мэйкон был занят тем, что держал ухмыляющегося ребенка с памперсом полным какашек, потому что эти трое прелюбодействовали, так как у них теперь была няня. Они относились к нему, как хрупкому стеклу в первый вечер, но через пару дней хождения вокруг него на цыпочках, семья, оказалось, выяснила, что практиковать двойное проникновение намного легче, когда кто-то наблюдал за ребенком, и дядя Мэйкон оказался как нельзя кстати.

Он проводил большую часть времени, играя с Тристаном и разговаривая с ним про Элли. Этот парень больше всех остальных знал о его отношениях с девушкой. К счастью, малыш просто пускал слюни и пытался съесть свой кулак.

Вот в кого он превратился. Единственным доверенным лицом Мэйкона стал ребенок, а женщина его мечты жила в нескольких метрах от его дома и делала угощение за угощением, чтобы оставить их на пороге. Он проснулся утром после того, как открылась вся правда, и увидел тарелку с печеньем. Элли завернула его в фольгу и прикрепила записку: “Для Мэйкона”.

Больше ничего. Он не прикасался к ним. Мужчина занес их в дом, положил на стол и ушел. Когда Майлз пришел на работу и увидел ее там, то полностью проигнорировал девушку. Мэйкон опустил голову и делал свое дело, а Элли — свое. Она не искала с ним встреч, не заходила к нему на кухню. Один раз они случайно пересеклись взглядом, и Эллисон подарила ему самую грустную улыбку, будто осознала, что он больше не играл в ее игры.

Эрик подвез его домой, и Мэйкон подумал, что все успокоилось.

Но на следующий день на пороге его ждал ванильный торт, украшенный простой шоколадной глазурью. “Для Мэйкона”.

Сколько же, она думала, он ел?

— Эй, вы двое. Как насчет того, чтобы получить свою долю? — Адам вошел на кухню с Тристаном на руках. Он посмотрел на стол. — Хорошо. Я заберу в офис. Йен подумает, что эта ссора между тобой и Элли — лучшее, что с ним случилось.

Братья Таггарты были в выигрыше от этого кратчайшего романа в истории. Адам и Джейк просто забирали все, что Мэйкон оставлял на столе, отвозили на работу и оставляли пирог, торт или печенье в комнате отдыха, где это все съедалось голодными сотрудниками.

Джейк взял Тристана у Адама, поднял ребенка вверх и принялся целовать малыша, от чего тот начал хихикать.

— Йен хочет, чтобы Элли добавляла больше лимона в выпечку.

— Йен может укусить меня за одно место, — сказал Мэйкон, продемонстрировав свою грубость. Он не собирался маршировать через лужайку и поощрять Элли.

— Я бы остерегалась, — ответила Серена. — Йен очень любит кусаться. Я пойду и спрошу Элли, может ли она добавить больше лимона в свое меню.

Весь этот разговор раздражал Майлза.

— Когда это Элли стала твоим чертовым личным кулинаром? Извините. Сара. Давайте использовать ее настоящее имя.

— Она предпочитает имя Элли. Это ее второе имя, — объяснила Серена. — Она на самом деле хочет уйти от своего прошлого.

Мэйкон прищурился, взглянув на свою золовку.

— И откуда ты это знаешь?

Если Серена и была напугана, то виду не подавала.

— Я захожу к ней иногда, чтобы посмотреть, все ли у нее хорошо. Всего лишь пару раз. В день, — она покачала головой и встала на деревянный пол, осуждающе указав пальцем в его сторону. — Она моя подруга. И из-за того, что она сделала феноменальную глупость, это не изменится. Если бы я вычеркивала людей из моей жизни, потому что они делают глупости, я осталась бы без друзей. Да-да, я смотрю на тебя, Джейкоб Дин.

Теперь Джейк уставился на Мэйкона злобным взглядом. Майлз был уверен, что у Джейка было такое же выражение лица, когда он убивал людей.

— Спасибо, что напомнил ей брат. Ты взорвал мой день к чертям собачьим. Поехали в офис, дружище.

Три раза в неделю Тристан ездил в офис со своими папами, если они не уезжали в командировку. Йен Таггарт переделал один из неиспользуемых конференц-залов в детскую зону. Остальные два дня Тристан оставался дома с мамой. Серена могла работать и быть со своим мальчиком, так же поступали Джейк и Адам.

У Майлза не будет таких детей, как Тристан. И в этом была вина Элли. Прежде чем Адам смог взять пирог, Мэйкон схватил его. Пришло время показать Элли, что он не шутил.

— Скажи Йену, что пекарня закрылась.

— Я думаю, что он перешел в фазу гнева, — прошептал Джейк Адаму.

— Кай предупреждал нас, что это случится, — нахмурился Адам.

Он прижал к себе этот глупый пирог, в-котором-навверняка-было-слишком-много-корицы. Интересно, а она использовала ледяную воду для коржа или думала, что холодной воды из-под крана будет достаточно?

— Ты тот, кто начал это, брат. Скажи мне, почему ты смотришь на меня так, будто это я плохой парень? И почему Кай вам вообще что-то говорит? Неужели он не понимает, что нужно соблюдать конфиденциальность?

Майлз очень устал от всех, кто имел свое мнение на этот счет. Оно было у Эрика, Хавьера и других поваров. Бедняжка Элли. Она выглядит такой уставшей. Ей, наверное, так грустно.

Другие официанты уже перестали разговаривать с ним, за исключением Дины, которая по-прежнему с ним общалась, но, казалось, в голове у нее были только слова из пяти букв и соответствующие грязные жесты.

Вообще-то, это он был здесь гребаной жертвой.

— Я позвонил Каю, потому что беспокоился о тебе, — объяснил Адам. — Ты полностью закрылся. И не думай, что я не осознаю роль, которую сыграл в этом. Я поторопился. Я пытался защитить тебя, но должен был сначала озвучить проблему группе и выяснить, как решить ее. Мэйкон, иногда более важна сама причина, почему человек соврал. Я думаю, мы должны поговорить об этом.

— Я не хочу разговаривать. Я хочу делать свою работу и жить своей жизнью, и я хочу делать это без этой женщины.

Иногда Мэйкон даже имени ее не мог произнести.

Но он мог мечтать о ней. Майлз мечтал о ней каждую ночь. Он видел ее прекрасное лицо, как она доставляла ему удовольствие, и как ее губы беззвучно шептали “я люблю тебя”.

— Нужно посадить Тристана в автокресло, — нахмурившись, сказал Джейк. — Пожалуйста, помоги мне, детка.

Серена кивнула и последовала за ним, оставив Мэйкона наедине с братом.

— Ты зол не только на нее, — начал Адам. — Ты злишься на меня, и я не виню тебя.

— Я не сержусь на тебя.

Адам сделал то, что на его месте сделал бы любой хороший брат. Он сказал ему правду. Он раскрыл ему факты, чтобы из него не продолжали делать дурака.

— Конечно, сердисься, и пока ты не признаешь это, то всем вокруг будет тяжело.

Ну, Мэйкон должен был это предвидеть.

— Я найду себе другое жилье. Не хочу всем все усложнять.

— Видишь? Вот прямо сейчас. Ты воспринимаешь все, что я говорю, в худшем свете. Я не хочу, чтобы ты уходил. Я хочу, чтобы ты поговорил со мной.

— Нам не о чем говорить. И я не сержусь. Черт, я даже не злюсь на нее. Она сделала то что нужно было сделать, чтобы получить информацию, которую хотела. Я полагаю, теперь она думает, что нашла себе тепленькое местечко на земле и не хочет терять его.

— Ты говоришь о том, что она живет в нашем гостевом доме?

— Это приятно, особенно такой женщине, как она. У нее не было ничего, так что она жаждет комфорта и переспит с первым парнем, который сможет ей его дать.

Это было единственное объяснение, почему девушка все еще пыталась с ним помириться.

Адам закатил глаза.

— Да, дружище. Ты просто чудо. Ты живешь в гостевом доме своего брата, имея ноль сэкономленных денег, и даже не имея собственного автомобиля. Она определенно охотится за твоим богатством.

У Элли есть автомобиль. У них было место, где можно жить, машина с кучей хлама, и три четверти железной ноги. Элли не позволит ему забыть про его обрубок. Она бы сказала, что это их актив. А может, она говорила ему это, чтобы стать ближе?

— Пошел ты, Адам.

Мэйкон не ступит на эту дорожку снова.

Адам кивнул.

— Да, так гораздо лучше. Наори на меня. Сделай это. Я знаю, что нас учили проглатывать все проблемы, но так делать нельзя. Не вылечить фурункул, вдавливая его под кожу. Нужно вскрыть этого мудака и дать вытечь гною. Это единственный способ, которым ты исцелишься. Скажи. Скажи мне, что я испортил твою жизнь.

Майлз упрямо покачал головой.

— Нет. Ты помог мне. Хотя признаюсь, ты меня сейчас раздражаешь. Если ты хочешь, чтобы я уехал, то так и скажи.

— Куда ты собрался?

— Домой. Я разговаривал с отцом вчера вечером. Он готов взять меня на работу.

Адам почувствовал, как упала его челюсть.

— Ты должно быть шутишь. Ты хочешь вернуться туда? К отцу, который бросил тебя в

самый неподходящий момент? — на лице брата было столько боли, что Мэйкон готов был взять свои слова обратно. — И ты говоришь, что не сердишься на меня.

Адам покачал головой и пошел в сторону гаража.

Мэйкон ничего не понял. Адам всегда был самым умным. Он был бунтарем по натуре и отметал в сторону все проблемы. А Мэйкон сдался. Он предпочел комфорт, а не Адама, несколько лет назад. Он позволил Ронни разнести свою голову. Он был достаточно глуп, чтобы верить лжи Элли.

По крайней мере, мужчина мог сделать одну вещь. Он мог нарушить свое молчание с Элли. Она совсем не понимала намеки. Мэйкон схватил пирог и направился к задней двери. Все, о чем он мог думать, перед тем как уронить угощение на траву, что ему не нужны эти чертовы пироги. Он сам себе может их испечь. Черт возьми, он даже купит пирог, если ему действительно приспичит, но он никогда не притронется к ее выпечке. Мужчина не собирался пробовать ее сладости, даже маленький кусочек не возьмет, он вовсе не изголодавшийся человек. Нет. Пироги — отстой. Майлз больше не станет есть сладости, так что пусть она заберет этот гребаный пирог себе. Или отдаст его другому идиоту. Ему плевать.

Мэйкон споткнулся, так как не смотрел, куда идет, и проклял свою чертову ногу, когда упал на землю. Его ненастоящую ногу. Его разорванный в говно кусок тела, который на самом деле нравился только одной женщине.

Пирог упал на землю, стеклянная чаша треснула, и все ее содержимое вывалилось на траву.

Мужчина попытался встать, но снова споткнулся, не в состоянии пошевелить ногой.

— Мэйкон! — вдруг он увидел Элли, которая нависла над ним.

И Майлз захотел причинить ей такую же боль, которую причинила ему она.

Элли видела, что Майлз шел по двору, как будто торопился на задание. Она сделала глубокий вдох, потому что ждала его. Девушка ждала момента, когда он, наконец, столкнется с ней. Эллисон полагала, что существовало два варианта развития событий. Либо Мэйкон осознает, что простил ее и не может больше без нее жить, либо он не сможет продержаться и больше двух секунд, не сказав ей, что она лгунья.

Увидев его глаза, девушка была готова поспорить, что он выбрал вариант номер два.

Но ей стали безразличны его намерения, когда она увидела, как он упал.

Она рывком открыла дверь и помчалась, быстро преодолевая расстояние между ними. Она не обратила внимания на то, что была одета лишь в майку и шорты. Элли побежала, чтобы скорее добраться до него.

— Мэйкон!

Девушка упала на колени.

Мэйкон лежал на спине, закрыв глаза. На его красивом лице ясно читалось упрямство.

— Уходи.

— Позволь мне помочь.

Она протянула руку, и в то же мгновение мужчина схватил ее.

Он открыл глаза, и в них она увидела пожар из эмоций. Майлз был зол, как никогда прежде. Боже, Элли даже немного испугалась его.

— Раз ты не уходишь, тогда получи то, что заслуживаешь.

Он потянул ее на себя, а затем перевернулся, прижав девушку к земле. Эллисон мельком

увидела его лицо, прежде чем мужчина набросился на ее рот. Тепла и доброты в этом поцелуе не было, но это не имело значения. Это был ее Мэйкон, и в ту же минуту, как его губы коснулись ее, внизу живота Элли начался пожар. Все ее тело размякло.

Своим языком Майлз хозяйничал у девушки во рту, а затем сжал запястья и вытянул ее руки над головой. Она была полностью обездвижена. Мэйкон удерживал Элли, пока терзал ее рот.

Девушке удалось раздвинуть ноги, потому что она ничего не желала сильнее, чем почувствовать его эрекцию своей киской. Майлз был одет в трико и футболку, вероятно, готовился к физиотерапии или тренировке. Тонкий слой одежды, разделявший их, не скрыл его напрягшийся член. Он затвердел за секунду, и Элли отреагировала.

Девушка обняла Майлза. Если мужчина нуждался в том, чтобы быть с ней грубым, она справится с этим. Элли сможет принять все, что он ей предложит. Она день за днем молилась, чтобы исчез этот жесткий блеск в его глазах, и чтобы Мэйкон отвел ее в какое-нибудь уединенное место, где смог бы отшлепать за обман. Если он это сделает, то вновь станет Домом, которым так хотел быть, а она поймет, что была хоть какая-то надежда.

Проявлять свой гнев через секс, конечно, лучше, чем срываться и кричать. Ей было плевать. Все, что она знала — нужно справиться с его яростью.

Мэйкон скользнул между ее ног членом, задев своей большой эрекцией клитор девушки. Элли не требовалось много, чтобы возбудиться. Когда они жили вместе, Мэйкон научил Эллисон ждать наслаждения, и ее тело было готово. Каждую ночь она лежала в своей одинокой постели без сна, и думала обо всех тех способах, которыми они занимались любовью. Именно любовью. Майлз мог говорить себе, что это был просто секс, но это не так. Даже сейчас это был не просто секс. Даже, когда он запустил руку ей под майку и начал ласкать грудь, девушка знала, что он испытывал эмоции. Это была не похоть. Это было доминирование и обладание. Элли лишила его обретенной уверенности, и она должна найти способ вернуть ее.

— Я люблю тебя.

Мэйкон поднял голову.

— Не смей говорить мне это снова.

— Я могу держать рот на замке, но это не изменит истину.

Элли не собиралась отступить. Это было слишком важно.

— Достаточно ли ты меня любишь, чтобы позволить мне трахнуть тебя снова?

Мэйкон произнес слово “любовь” с противной интонацией, как будто она была чем-то неприятным.

— Да.

Мужчина двигал бедрами, пока скользил своим членом вдоль ее щелочки. Если бы они были голыми, он бы уже был внутри нее.

— Кто ты после всего этого, Сара?

Элли была уверена, что он начнет говорить ей всевозможные гадости. Но это ничего не значило. Мэйкон был раненым зверем, а они, как правило, кусали руки людям, которые их исцелили, потому что не знали ничего лучшего. У нее было два долгих разговора с Адамом, с тех пор, как Майлз оставил ее. Он появился на пороге ее дома, его дома на самом деле, на следующее утро после происшествия, и потребовал ответа, почему она все еще не съехала. Адам даже предложил ей деньги, и когда девушка от них отказалась, он, наконец, сел и выслушал ее. А затем заговорил сам. Он рассказал ей об их с Мэйконом детстве. Им не

досталось ни ласки, ни любви. Майлз не знал, как реагировать. Он только начал этому учиться, а она прервала это обучение самым жестоким образом.

Элли протянула руку и погладила мужчину по темным волосам.

— Кто я? Женщина, влюбленная в мужчину.

Он зарычал и скатился с нее. Мейкон лежал на траве, прикрыв рукой глаза.

— Уходи, Элли.

Девушка села и уставилась на Мэйкона.

— Я не могу.

— Какого хрена?

— Потому что я думаю, здесь мой дом, — потому что она любила окружающих ее людей. — Мэйкон, прости, что не сказала тебе, кто я. Но думаю, что я влюбилась в тебя, как только увидела. И боялась, что могу тебя потерять.

— Я никогда не был твоим.

— Конечно же, был. Я думаю, мы были настоящими вместе. Мне нравится то, какой я была рядом с тобой.

Он слегка открыл глаза.

— Лгуньей?

Эллисон вздохнула.

— Женщиной. Я была маленькой испуганной девочкой очень долго, но с тобой, я наконец-то, стала женщиной. Той испуганной девочки больше нет, и ты должен знать, что я буду любить тебя вечно. Но если ты не сможешь простить меня от всего сердца, то, в конце концов, я начну двигаться дальше.

Элли думала об этом целых две недели, пока они были в разлуке. И с каждым днем она ощущала, что они все больше и больше отдалялись друг от друга. Она даже слышала, что он снова начал разговаривать со своим отцом. Мэйкон сказал одному из помощников, что, возможно, вернется домой в Нью-Йорк. И поэтому девушка приняла решение. Ее жизнь не закончится, если Майлз откажется простить ее. Эллисон должна была научиться ценить себя. Она должна снова почувствовать себя значимой, а это означало все простить. Простить его за то, что мужчина слишком сломлен. Простить себя за то, что все испортила.

— Вот и двигайся дальше. Я хочу, чтобы ты убралась отсюда. Я дам тебе денег на первый взнос за жилье. Я хочу, чтобы ты ушла, — угрюмо произнес Майлз.

— Я не хочу уходить.

— Это моя семья. Я останусь. Я хочу, чтобы ты съехала на выходных и нашла другую работу.

Теперь было понятно, что он слишком отдалился от нее.

— Я понимаю, что ты злишься, Мэйкон. Правда. Я понимаю, что ты загнан в угол и не видишь другого выхода, кроме как бороться, чтобы выйти из него. Я готова смириться с кое-какими оскорблениями. Уже смирилась. Я одна виновата во всем, но, если ты думаешь, что я позволю тебе заставить меня покинуть место, где мне так хорошо, ты ошибаешься. Может, у тебя это и получилось бы раньше. До того, как я полюбила тебя, ты мог бы заставить меня покинуть этот город, но я совсем другой человек сейчас, не та оборванка, которая появилась на твоём пороге. Я никогда не использовала тебя, чтобы выудить информацию. Я бросила эту затею через две недели, как устроилась на работу в ресторан. Я спала с тобой, потому что люблю тебя. Я спала с тобой, потому что никогда не хотела мужчину так, как хочу тебя.

— Я не могу смотреть на тебя и не вспоминать твоего брата. Ты понимаешь это? Ты

одинок, потому что он оставил жить меня, а сам умер. Подумай об этом хотя бы в течение двух секунд Сара, и ты так же будешь зла на меня, как я на тебя.

Элли вздохнула. Он так ничего и не понял.

— Меня зовут Эллисон, и Ронни сделал то, что велело ему сердце. Господи, Мэйкон, он не оставил меня одну. Он оставил меня с тобой. Я не верю в совпадения. Я верю, что мы должны идти по одной дороге, какой бы закрученной и разбитой она не была. Она приведет нас туда, где мы должны быть. Ронни умер. Я любила своего брата, и его смерть привела меня к человеку, которого я полюбила еще больше. Так что вставай и пойдем со мной. Если же нет, я собираюсь начать все заново. Я пойду дальше без тебя, если придется. Потому что хотя я и верю в тебя, но недавно я поняла, что верю и в себя тоже. Я не уеду. Я люблю свою работу и буду ходить на учебу днем.

Кроме того, пока Элли пыталась готовить по рецептам из поваренной книге его матери, она потратила свое время на то, чтобы обдумать свой следующий шаг. Вся ее жизнь была бегством от прошлого или заботой о ком-то еще. Наступило время строить будущее с Мэйконом или без него.

— В школу? Колледж?

— Да. Думаю, что пойду в школу. Я собираюсь изучать бизнес. Сначала я хотела этого, потому что думала, что могла бы помогать тебе. Вдруг, однажды ты захотел бы открыть свой собственный ресторан. Я думала, что могла бы научиться управлять, чтобы ты мог сосредоточиться на том, что любишь делать. Но, возможно, мои знания пригодятся кому-то другому. Я не хочу быть уличной крысой всю жизнь.

Выражение лица Мэйкона смягчилось, и на мгновение Элли подумала, что он скажет ей что-нибудь приятное. А потом мужчина снова закрыл глаза.

— Меня не волнует, что ты будешь делать. Если ты не уйдешь, то это сделаю я.

Слезы вновь подступили к глазам.

— Ну, что же, тогда ладно...

Мэйкон фыркнул, и в его глазах снова появился стальной холод, когда он посмотрел на Элли.

— Ну, так что? Будешь сидеть, и ждать, пока калеке помогут подняться?

Элли захотелось ткнуть Мэйкона в бок.

— Не-а. Я уверена, что ты отлично справишься, сделав все на свое усмотрение. Прощай, Мэйкон. Я съеду из гостевого дома сегодня вечером.

— Скажи мне, сколько нужно денег на первоначальный взнос.

Если мужчина собирался и дальше быть таким ослом, то девушка уж точно не возьмет у него ни цента. Возможно, он, наконец, понял бы, что ее не привлекали его деньги.

— Нисколько. Я сама справлюсь.

— Я не хочу, чтобы ты снова спала в машине, Эллисон, — выкрикнул Майлз.

— Я полагаю, твои желания теперь не имеют значения.

И пусть на душе Элли была печаль, но она ушла. Теперь девушка смотрела на него через окно. В конце концов, Мэйкону удалось встать на ноги и вернуться обратно.

Майлз не нуждался в ее помощи, и Эллисон начинала верить, что и сама она стала ему не нужна.

Мэйкон отправился в офис шефа Таггарта со стянутыми в узел кишками. Сегодня была пятница. Он должен был поймать своего босса, прежде чем тот поедет на встречу с Йеном, в

чьем доме будет находиться “Санктум” на этой неделе. А по вечерам пятницы Шон и Грейс Таггарт постоянно ходили на свидания.

Мэйкон должен был покончить с этим дерьмом. Майлз не мог больше смотреть на Элли с ее грустными глазами и роскошным телом.

Не то чтобы днем она выглядела слишком грустной. Девушка встала над Мэйконом и послала его. Какое вообще право она имела это делать? И мужчину вовсе не волновало, что она была так красива, когда рассказывала ему, что поверила в себя и хотела быть рядом, быть его партнером, но если Мэйкон будет идиотом, то она начнет двигаться дальше без него.

Нет. Ему было плевать. Майлз хотел, чтобы Элли двигалась дальше. Он собирался сделать то же самое. То, что девушка сделала — непростительно. В семье Майлза второй шанс не получал никто. Либо ты вел себя правильно, либо с тобой покончено.

Мэйкон на самом деле слышал голос своего отца в голове? Разве такой жизни он хотел?

— Ты хотел меня видеть? — Шон Таггарт сидел за столом и перебирал ежевечерние отчеты. — Давай скорее. Мы встречаемся у Йена через час.

— Сегодня я — пас.

— А, ну ладно. Я думаю, ты слышал, что Элли будет там. Знаешь, только потому, что вы не вместе, ты не должен прекращать посещать клуб.

Мэйкон замер и у него сжалось сердце.

— Что значит, Элли будет там?

Шон откинулся на спинку кресла.

— Она спросил Йена, может ли быть принята в качестве стажера. Умная девочка. Она появилась в офисе Йена с замороженным лимонным пирогом около недели назад и договорилась обо всем так, чтобы ей не нужно было платить. Она будет присматривать за детьми в течение трех месяцев два раза в неделю, а затем обучаться по субботам. Завтра ее первая ночная тренировка. Я думаю, что Йен собирается поставить ее с Теном.

Мэйкон почувствовал, как распахнул свои глаза.

— С Теном? С холодным как лед, который, вероятно, убил кого-то пять минут назад, Теном? Я знаю, все говорят, что этот парень просто друг Йена, но клянусь, если он не из спецназа, я сожру свой протез.

Губы Шона расплылись в загадочной ухмылке.

— Я принесу тебе какой-нибудь соус, чтобы было повкуснее. Он не из спецназа.

— Тогда это еще хуже. Он агент или кто-то в этом роде. Он не гребаный гражданский и он причинит ей боль.

Тен был великолепным, и каждая саба вздыхала по нему. Но он был холодным как лед. Таким холодным, что сабы стали называть его “Мастер Нет”, потому что он почти все время говорил это слово. Нет. Он принесет Элли только негатив, а это не то, в чем она нуждалась. Ей нужен был снисходительный Мастер.

— Неважно, кто он и что делал. Теперь он тренирующий Дом, и как ты знаешь, Йен относится к этому серьезно.

Джейк был наставником Мэйкона. Джейк был разочарован, когда мужчина начал пропускать сеансы. Если Майлз не придет посмотреть, то потеряет вообще все свои права в “Санктуме”, но это не имело значения. Так ведь?

— Ну, надеюсь, у нее все получится. Я пришел предупредить тебя за две недели, что собираюсь уволиться. Знаю, что ставлю тебя в затруднительное положение, но я собираюсь

вернуться в Нью-Йорк.

Шон закрыл глаза, но Мэйкон успел разглядеть в них волну разочарования. Его босс откинулся на спинку кресла и вздохнул.

— Ты действительно собираешься сделать это?

Ну, он предвидел, что Шон не будет в восторге.

— Да. Я думаю, что настало время вернуться к прошлой жизни.

Из горла Шона вырвался смешок, но мужчине было вовсе не до смеха. Он указал на стул перед своим столом.

— Присаживайся, Мэйкон.

Майлз сделал, как просили. Он был уверен, что Шон собирается прочитать ему лекцию о том, что рискнул дать ему шанс. Быть отчитанным своим начальником — не совсем то, о чем мечтал Мэйкон, но шеф Таггарт заслужил свой кусок мяса.

— Конечно.

— Ты действительно так зол, что хотел бы вернуться к жизни, которую ненавидишь?

— Я не зол.

Почему все думали, что он сердился?

— Конечно, зол. Ты чувствуешь себя преданным. Она солгала тебе. Вся жизнь до этого момента научила тебя только одному — порвать с ней и двигаться дальше. Есть только одна проблема. Если ты убережешь Эллисон из своей жизни, то потеряешь лучшую часть самого себя. Ты можешь злиться на нее, но неужели ты настолько зол на себя, что хочешь самоликвидироваться?

Прежде чем Мэйкон смог даже подумать об этом, мужчина сжал руки в кулаки и обрушил их на стол Шона с громким треском.

— Черт возьми, я не злюсь!

Майлз уставился на стол. Теперь на нем были аккуратные трещины, которые раскололи одну сторону. Казалось, что они не глубокие, но их было отчетливо видно.

Черт, Мэйкон был в гневе. В таком, что едва мог дышать.

Шон проигнорировал состояние стола. Он повернул рамку с фото. Это был снимок Таггарта и его жены — Грейс, с их малышкой на руках и двумя молодыми людьми, которые стояли за ними. Дети Грейс Таггарт от первого мужа. Они все улыбались на камеру, но было легко увидеть, кто был в центре внимания. Кэрис Таггарт была похожа на свою мать, но не было никаких сомнений, что она была Таггарт.

— Мне нужно, чтобы ты посмотрел на это. Этой семье могло бы и не быть, потому что я солгал своей жене. Я был под прикрытием. Я назвал ей вымышленное имя и рассказал фальшивую предысторию, а она влюбилась в человека, которого не существовало. Был только я. Я стал человеком, в которого Грейс влюбилась. Я стал лучше, сильнее, открылся для Грейс Хоторн. Я солгал ей. Я почти разрушил этой женщине жизнь и знаешь, что она мне подарила?

Шон сделал такое? Майлз не мог себе это представить. Он не ответил, просто покачал головой.

— Прощение, — сказал Шон, взволнованным голосом. — Она подарила мне прощение и будущее, а потом подарила мне семью. Ничего этого не случилось бы без ее прощения. Эта маленькая девочка не родилась бы без бескрайнего сердца ее матери. А твое семейное фото будет пустым, Мэйкон? Его заполнит твой гнев или оно будет стоять на столе полностью лишенным жизни?

Впервые с того момента, как Мэйкон понял, что Элли солгала, что-то треснуло внутри мужчины. Именно такие трещины он сделал на рабочем столе босса. Майлз почувствовал, как слезы наполнили его глаза.

Если он вернется в Нью-Йорк, то потеряет все, что сделало его тем, кем он был сегодня. Мэйкон смог ясно увидеть свое будущее. Он будет работать на своего отца. Найдёт жену из их общества, которая будет откладывать рождение детей, пока не станет слишком старой, чтобы иметь их. Его будут почитать, снова и снова, как героя войны, но никто не спросит его, чего он хочет. Будущее будет определено, и в нем не будет миниатюрной женщины, которая шла бы рядом с ним, чтобы иметь возможность поймать его, если он споткнется и упадет. Да, теперь Майлз понял, почему Элли это сделала.

— Я не отвечал на ее звонки, потому что не знал, как рассказать ей о случившемся, — она была не единственной виновной. Сара не солгала бы, но он заставил ее это сделать. — Она хотела знать, как умер ее брат, но я не мог рассказать ей. Она никогда не должна была узнать об этом.

Шон встал и обошел вокруг стола, а потом положил руку Мэйкону на плечо.

— Я был в твоей шкуре. Наблюдал, как умирали мои друзья. Мне пришлось выстраивать свою жизнь с нуля. И мне пришлось отойти в сторону и помолиться, чтобы единственная женщина, которую я когда-либо любил, смогла найти способ простить меня.

— Из-за тебя никогда не умирали друзья.

— Конечно же, умирали. Я был в армии. У меня было много друзей, которые погибли, и я всегда думал, что это случилось по моей вине.

Майлз не понял.

— Рядовой первого класса Ронни Роу...

Шон прервал.

— Покончил жизнь самоубийством из-за невыносимой боли или потому что знал, что у тебя было больше шансов выжить без него. Мы не можем знать, что двигало этим человеком. Он оставался героем до конца. Принес себя в жертву, чтобы ты смог выжить. Принес себя в жертву, чтобы ты мог позаботиться о его сестре, которую он любил. Ронни мог не знать этого наверняка, но случилось то, что случилось. Ты не совершил ошибку, рассказав ей. Ты совершил ошибку, когда не рассказал обо всем его матери.

— Я не смог. Что я должен был ей ответить, когда она посмотрела бы на меня и спросила, почему я не пощадил ее сына?

— Может так, а может быть, она гордилась бы тем, что воспитала ребенка с такой честью. У меня есть дочь, и я хочу, чтобы все в мире было для нее, но моя задача, как родителя — воспитать хорошего человека. Карла Роу сделала это. Она воспитала их двоих. Женщине нужно было дать увидеть красоту в том, что сделал ее сын. Она бы смирилась с этим. Почитай ее память. Почитай его память. Смирись.

Майлз ощутил слезы в своих глазах. Его отец сказал бы ему, что это не по-мужски, но Шон Таггарт сжал его плечо.

— Как мне это сделать?

— Поговори с Эллисон. Дайте себе время. Но не возвращайся к жизни, которую ты ненавидишь. Ты ее любишь?

Это был легкий вопрос. Его спрашивали об этом много раз за последнюю неделю.

— Да.

— Ты веришь всем сердцем, что она любит тебя?

А вот этот вопрос был гораздо сложнее. Он преследовал Мэйкона, сделав мужчину угрюмым и злым с теми, кто его окружал.

— Не знаю. Я не представляю, за что она могла бы меня полюбить.

— Спроси ее, — ответил Шон. — Но сначала, ты должен отпустить прошлое, иначе не поверишь, ни единому ее слову. Пойдем в “Санктум” со мной сегодня вечером и там поговоришь с ней. Скажи ей, что не позволишь ей обучаться с Теном.

Это было лучшей идеей, что он слышал за долгое время.

— Никаких, нахрен, занятий с Теном, и я собираюсь поговорить об этом с Йеном. Он передал другому мою сабу, поэтому больше не увидит ни одного долбаного пирога в своей жизни.

Шон усмехнулся.

— Я полагаю, ты понимаешь, что мой брат разработал этот план с особой осторожностью, чтобы заставить своего паймейкера вернуться в форму. Он говорит, что твои десерты стали адскими, с тех пор как вы расстались с Элли. Он не может точно определить, но чего-то в них не хватает.

Мэйкон знал, чего в них не хватало. И был только один способ вернуть это обратно.

Глава 10

Кала срыгнула на Элли после того, как та мягко похлопала малышку по спинке. Или это Кензи? Элли аккуратно заглянула младенцу за ушко и, конечно же, там была крошечная точка. Кала. По крайней мере, Большой Таг перешел с черного на розовый маркер.

— Справляешься? — Лорел шагнула в комнату. Она была красивой женщиной около тридцати лет, немного похожей на брата — доктора Уилла Дэйли. У нее была пачка подгузников в руках.

Элли кивнула.

— Они все такие милые. Мне нравится наблюдать за ними. Это успокаивает.

Эллисон увидела, как глаза Лорел расширились.

— Ты шутишь, да? Это сейчас они такие тихие и спокойные. Ты подожди, пока Эйdan и Тристан начнут бороться за игрушку. Или за Кэрис. Я уверена, что эти двое, на самом деле, борются за Кэрис. Они как Альфа-младенцы. Очень необычно. Я надеюсь, что Кензи и Кале не превратятся в воинственных принцесс прежде, чем мое время рабства закончится.

Элли посмотрела на другую девушку, которая укладывала Калу в колыбельку, которую та делила со своей спящей сестрой. Две девочки сразу же обнялись как пара щенков, и уснули.

— Ты не любишь детей?

Лорел перестелила пеленальный столик.

— Это не значит, что я их не люблю. Я просто уверена, что их у меня не будет, и пытаюсь себя убедить, что нормально это переживу.

— Ты не можешь иметь детей? Ты всегда можешь усыновить или удочерить малыша.

Элли знала силу любящей, но не биологической семьи. Алекс и Ева Маккей обожали своего сына, хотя он не имел их ДНК.

Лорел вздохнула.

— Я влюблена в человека, который не хочет их. Конечно, он и меня не хочет, так что это спорный вопрос, — уголки ее губ потянулись вверх. — Но я надеюсь. На то, что он захочет меня. Он слишком глуп, чтобы понять, что уже этого желает. Я не думаю, что он

передумает на счет детей. У него было тяжелое детство и это его немного сломало.

Боже, Элли знала все о сломленных людях.

— Ты думаешь, у тебя получится исправить его?

Лорел задумчиво нахмурилась.

— Я люблю его таким, какой он есть. И это самое смешное. Он ворчливый и помешан на контроле, но меня по-прежнему влечет к нему. Так что я не хочу менять его. Я хочу, чтобы он открылся мне, чтобы я смогла увидеть его мягкую сторону.

— А если нет больше мягкой стороны?

Или если она закрыта навсегда?

Теперь Лорел посмотрела уверенно.

— Всегда есть мягкая сторона. Всегда. Мужчина, которого я выбрала, пусть и похоронил ее очень глубоко, но я так люблю его, что справлюсь с этим, понимаешь?

Элли не была так уверена в этом. Она была доказательством того, что иногда любви бывало недостаточно.

Лорел на самом деле думала, что справится?

— Я слышала, Мастер Йен позволил тебе тренироваться с завтрашнего вечера с Домом, — сказала Лорел и села на пол. Она взяла несколько кубиков и начала укладывать их, позволив малышам помогать ей. Конечно же, Тристан не отходил от Кэрис, а Эйдан выглядел слишком счастливым. — Ты нервничаешь? Я слышала, что это новый парень. Я работала с некоторыми женатыми Домами. Они подменяют друг друга, а потом решают, готовы ли мы встать в пару с одиночками. По крайней мере, так говорят мне. Я подозреваю, что кто-то дергает за ниточки и держит меня подальше от одиноких парней. Мне кажется, что это либо мой брат, либо мой босс.

Элли обнаружила, что жизнь других сабов-стажеров очень увлекательна.

— Твой брат и твой босс — члены “Санктума”?

— Да, — призналась Лорел. — Моя невестка клевая, но Уилл жалуется на нее, и я собираюсь заставить его ослепнуть.

— А твой босс? Наверное, это странно, видеть его здесь?

Лорел вздохнула.

— Фактически я не видела его здесь. Я даже не совсем уверена, что он знает о моем присоединении к клубу. Я боюсь поднимать эту тему. Я тренируюсь по четвергам. Он никогда не приходит в эти дни. Я очень хочу его увидеть в кожаной одежде.

— О, так это он не хочет детей.

Лорел покраснела.

— У Митча очень искаженное видение мира. Он был женат пару раз, и сказать, что они не ладили, все равно, что сказать, что в Помпеи был просто маленький взрыв. Так что я думаю, что нравлюсь ему, но он осторожен с тем, чтобы заводить отношения с кем-нибудь. Насколько я могу судить, все его краткосрочные связи начинаются здесь, в “Санктуме”.

И теперь Лорел была в этом клубе и готовилась к тому, чтобы подтолкнуть своего мужчину сделать выбор: смотреть, как она уходит с другим Домом или забрать ее себе.

— Вау. Даже я поняла, что это, так называемое, управление снизу.

Лорел улыбнулась.

— Я знаю. Умно, да?

Не было ли это похоже на то, что делала сама Элли? Девушка сказала себе, все это было ради того, чтобы найти себя. Кроме того, Мэйкон попросил ее уйти. Она собрала свои

сранные манатки и остановилась на диване Дины, пока не сможет найти себе жилье. Но девушка не собиралась позволить ему выгнать ее из “Верхних” или из “Санктума”. Вопрос был вот в чем: хотела ли она быть здесь без него?

Элли не была в этом уверена. Она также не была уверена в том мужчине, которого Мастер Йен называл Теном. Она встречала его раньше, и хоть он и был великолепным, но показался ей холодным. Даже когда мужчина улыбнулся и назвал ее “дорогой” с протяжным южным акцентом, она почувствовала, как от него повеяло холодком.

Но она была склонна доверять Мастеру Йену. Мэйкон показал ей этот мир, и он Элли понравился. То, что Майлз больше не хотел ее, не означало, что ее не захочет кто-нибудь другой. А если он вернется, то она обучится большему, чем знала раньше. Эллисон посмотрела на договор, в котором был строгий пункт на счет запрета секса, пока Мастер Йенн и Мастер Кай не будут уверены, что она находится здесь по правильным причинам.

Этот пункт в контракте был добавлен ради ее безопасности. Она могла вздохнуть спокойно. У нее было стоп-слово. У нее был договор. У нее были наставники-Домы и сабы, которые будут присматривать за ней.

У Элли просто больше не было ее Мастера.

Двери приоткрылись, и Лиза всунула голову в проем.

— Элли, встряхнись и сходи на кухню. Там происходит серьезная драма. Мастер Мэйкон пришел с Мастером Шоном, и раскричался там на всех. Я имею в виду вообще на всех. Он бесится из-за “Мастера Нет”. Я имею в виду Мастера Тена. Не говори никому, что я его так назвала. Нас всех шлепают, когда мы называем его так, и это вовсе не похоже на веселую порку.

Мэйкон был здесь, и он нападал на ее нового Дома? Элли помчалась по коридору, уверенная в том, что Лиза и Лорел смогут справиться с детьми. О чем Мэйкон вообще думал? За это его могли исключить из клуба. И почему он это делал? Утром он выразился предельно ясно.

Элли прошла через заднюю часть дома, сумев избежать больших комнат, где уже разыгрывались сцены. Даже из зала она слышала Мэйкона.

— Клянусь Богом, если ты коснешься моей сабы, то будешь иметь дело со мной.

— Я не знал, что она твоя саба, — раздался сексуальный голос, который принадлежал Мастеру Тену. — На ней нет ошейника, так ведь?

— Я предупредил тебя, — сказал Мэйкон, когда Элли вошла на кухню. Он стоял к ней спиной, но девушка видела, что его угрозы совершенно не пугали Мастера Тена.

Большой Южный Мастер стоял рядом с мастером Йеном, пока Мастер Шон был рядом с Мэйконом. Напряжение было настолько сильным, что ей стало трудно дышать.

Элли уже была готова заговорить, когда почувствовала руку на своем плече.

— Не говори ни слова. Вот что я называю противостоянием Домов, — Шарлотта Таггарт искренне забавлялась происходящим. — Наблюдай за ними. Скоро они возьмут линейки и начнут сравнивать размеры своих членов. Я выключила кондиционер на всякий случай. Сейчас станет жутко холодно.

Мэйкон уже понял, что Элли была в комнате и нахмурился.

— Вернись в детскую, Эллисон. Я приду за тобой через минуту.

Он думал, что может командовать ею сейчас?

— Хм... Мастер Тен прав. У меня нет ошейника, Мэйкон. Ты выгнал меня, так что я не должна делать все, что ты скажешь.

Мастер Тен улыбнулся, хотя это больше было похоже на ухмылку.

— Верно, дорогая. Задай ему жару. Я выбрал тебе милый ошейник для тренировок. Почему бы нам не уединиться где-нибудь и не посмотреть, подходит ли он?

Прежде чем Мастер Тен смог сказать еще хоть что-то, кулак Мастера Йена впечатался ему прямо в нос.

Мастер Тен застонал, но закатил глаза и направился к холодильнику.

— Знаешь, Йен, однажды ты сбежишь отсюда.

Элли была уверена, что все они были безумны.

— Тен, я говорил тебе не нарываться на Майлза. Ты доведешь его до сердечного приступа. Ты видишь, у него уже нервный тик на левом глазу? Я не могу потерять своего паймейкера, — пояснил Йен. А затем повернулся к Элли. — Ты хочешь восстановить отношения с ним?

Мэйкон посмотрел на нее.

— Иди сюда, Элли.

Хотела ли она вернуться к нему? Да. А сам он хотел исправиться? Она не была столь уверена в этом.

— Продолжай. Он уже на грани, — прошептала ей на ухо Шарлотта. — Он может пойти двумя путями. Ты станешь бороться с ним, и он, наверное, сойдет с ума. Но если подчинишься, я думаю, что он не сможет удержать себя в руках. Твой выбор, Элли. Решай, если ты хочешь его прямо сейчас.

Не нужно было ничего решать. Девушка подошла к Мэйкону, а затем демонстративно встала по правую сторону. Элли опустила на колени и прижалась к его поврежденной ноге. Ей было необходимо, чтобы Майлз знал, что она любила каждую его часть.

Рука Мэйкона опустилась вниз, и она почувствовала его вздох, когда ладонь мужчины легла ей на голову.

— Мастер Йен, я знаю, что еще учусь, но предпочел бы, чтобы Вы не передавали мою сабу другим Домам.

Мастер Йен поднял большой палец вверх.

— Решено. Она вся твоя, приятель.

— Я так понимаю, ты не возвращаешься в Нью-Йорк, — сказал Мастер Шон, а потом присвистнул. — Вау, я думаю, что мой брат любит тебя. Он прям побледнел лишь от одной мысли, что ты можешь уехать.

Шарлотта взяла мужа за руку.

— Пойдем, малыш. Давай я налью тебе выпить. Я знаю, что эта ссора отразилась и на тебе, но теперь все в порядке. Парень остается. Верно?

Было определенное “или” в вопросе Шарлотты.

— Я останусь, но мне нужно поговорить с Эллисон.

Мэйкон гладил ее по волосам.

— Воспользуйтесь одной из гостевых комнат. Они переделаны в частные номера на этот вечер, — пояснила Шарлотта. — Пойдем, Тен. Я принесу тебе выпить, и мы найдем тебе девушку, которую ты сможешь завтра отшлепать.

— Лорел. Я думаю, что он должен обязательно поработать с Лорел.

Элли предложила свою новую знакомую. Эй, угроза остаться с “Мастером Нет” оказалась действенной для нее.

Йен Таггарт встал на одно колено. Он был большим, прекрасным мужчиной.

— Ты случайно не помогаешь Лорел заставить Митчелла Брэдфорда ревновать, а?

Он также был пугающим до чертиков. Рука, которой Мэйкон гладил девушку по голове, давала Элли понять, что Майлз защитит ее

— Я знаю только, что Лорел очень хочет начать обучение, Сэр.

Большой Таг улыбнулся одним уголком губ.

— Мне нравится ход твоих мыслей, мини-паймейкер. Вы двое должны регулярно трахаться и родить кучу детишек, — он встал. — Тен, пойдем, я познакомлю тебя с Лорел.

— Ты снова меня ударишь? — спросил тот сдавленным голосом.

— Нет, приятель. Я собираюсь направить свою энергию в другое русло.

— Ну, ты, похоже, находишь кучу способов обойти свои же правила, мудака, — сказал Мастер Тен, когда они вышли из комнаты.

— Я собираюсь найти свою жену, — сказал Шеф Таггарт. — Встретимся с вами двумя завтра на работе.

Кухня стала неожиданно тихой, хотя можно было услышать низкий глухой звук музыки из передней части дома. Элли была наедине с Мэйконом, и ей пришлось задаться вопросом. Он просто ревновал и им придется вернуться к тому, откуда они начали?

— Пойдем, детка, — его голос был хриплым, как будто он кричал на кого-то и повредил себе голосовые связки.

Девушка взглянула вверх, и он нагнулся, чтобы помочь ей подняться. Элли встала на ноги, и мужчина повел ее за собой. Майлз ничего не говорил, просто вел ее через коридор в комнату, в которой она никогда не была раньше. Майлз включил свет, и Элли увидела, что это была небольшая комната с двуспальной кроватью. Это был совершенно обычный номер, за исключением скамьи для порки у края кровати и крюков, свисавших с потолка. Эллисон была уверена, что в шкафу находились разные инструменты для эротических пыток.

Что же Мэйкон собирался ей сказать? Он уже сожалел об инциденте, который случился?

В ту же секунду, когда дверь за ними закрылась, мужчина оказался рядом с ней. Майлз прижал ее ближе к себе, и его губы обрушились на рот Эллисон.

— Пожалуйста, прости меня.

— Мэйкон? О чем ты говоришь? Это ты должен простить меня.

Мужчина покачал головой.

— Я подтолкнул тебя к этому. Я не рассказывал тебе, потому что думал, что это должен был быть я на его месте. Мне было стыдно.

У Элли сердце разрывалось из-за Мэйкона.

— Никогда не говори так. Ты выжил. Я люблю тебя. Я так сильно люблю тебя. Я никогда не хочу слышать это снова.

— Я был зол, Элли. Я думаю, что злился большую часть своей жизни и не признавал этого. Я был так зол на тебя. Черт, я был зол на Адама, и я, наконец, понял, почему.

Он потянул за девушку футболку, сняв ее через голову. А затем Майлз занялся ее лифчиком, расстегнув застежку и сдернув его вниз.

— Почему? — Эллисон была уступчивой, позволив ему делать все, что он считал необходимым. Если он хотел видеть ее голой, она сделает это для него. — Адам просто сказал тебе правду.

— Потому что, если бы он подождал пару дней, мы бы были женаты, и я бы уже с тобой не расстался. Я был бы вынужден разобраться с этой ситуацией. Я был так зол, что он не

подождал всего лишь пару дней.

Она вздохнула, прикоснувшись к его лицу рукой.

— Любимый, так даже лучше. Мы начнем нашу совместную жизнь без лжи. Я поняла это только сейчас. Я хотела тебя слишком сильно, чтобы рисковать потерять тебя. Ты все, о чем я мечтаю.

— Что ты делаешь со мной? У меня были деньги и карьера, которой я готов был отдать всю свою жизнь. Я считал себя целым человеком, но почему-то, когда ты смотришь на меня, как сейчас, я чувствую себя гораздо значимее, чем был раньше. Как такое возможно?

— Я не знаю, но чувствую то же самое, и не хочу потерять это чувство.

Мэйкон подталкивал ее к кровати, пока девушка не коснулась ее ногами.

— Выходи за меня.

— Да.

Она никогда ему не откажет, особенно теперь, когда все наладилось. Мэйкон был наглым и упрямым, но Элли принадлежала ему.

Мужчина начал снимать с нее джинсы, и на этот раз, девушка помогла ему, стащив их вниз вместе с трусиками. Эллисон скинула сандалии, и теперь стояла обнаженной перед своим мужчиной.

— И ты не будешь играть сцены с этим мудаком с Юга, — произнес Майлз.

— Я никогда не стала бы с ним играть. Я собиралась всего лишь тренироваться с ним, — поправила она.

— На скамью для порки. Быстро.

Дерьмо. Элли должна была понять, что наступило время подчинения. Она знала, что лучше не спорить с Домом. Мэйкон выпрямился, его голос стал глубже, несмотря на хрипотцу. Он перешел в режим Мастера, и чувствовал голод по некоторым играм.

Девушка взглянула на приспособления и прокляла Йена Таггарта за то, что он так хорошо укомплектовал дом. У нее, скорее всего, будет болеть завтра пятая точка.

И Элли будет любить Майлза. Она будет растягиваться, чувствовать немного боли, вспоминать их близость и то, как удовлетворяла своего хозяина, а он ее.

С капелькой неловкости, Эллисон легла на скамью для порки. Мэйкон приподнял ее задницу высоко в воздух, позволил ей удобней устроить голени и предплечья, но так, чтобы груди девушки свисали вниз. В целом, для орудия пыток, это была довольно подходящая вещь.

— Какая красота. Ты только посмотри на это, — Майлз стоял позади нее, изучая ее задницу, и было очевидно, ему нравилось то, что он видел. — Это чертовски удобная штука.

Своими большими ладонями мужчина обхватил ягодицы Элли.

Она с трудом втягивала в легкие воздух, так как ее тело было уже готово для него.

— За что вы меня наказываете, Мастер? За ложь?

Мэйкон поглаживал Элли руками, словно успокаивал.

— Нет. Я прощаю тебя за ложь, если ты простишь меня за игнорирование твоей очень разумной просьбы. Я извиняюсь за это.

Мэйкон был напуган. Так же, как и она.

— Ты прощен, любимый. Эти действия привели нас сюда, так что я бы не стала ничего менять в прошлом.

— Ты будешь наказана за то, что хотела позволить встать другому мужчине между нами. Никогда такого не будет, Эллисон.

— Я думала, что ты уезжаешь, — отметила она.

Было приятно, что он мог так сильно ревновать.

— Я и сам так думал, — пальцами мужчина пробежался вверх по всей длине ее позвоночника. — Но думаю, я бы вернулся. Не знаю, сколько бы на это ушло времени, но я определенно вернулся бы к тебе, после того, как вытащил бы из задницы свою голову. Как думаешь, что бы произошло, если бы я обнаружил тебя с этим чертовым Домом?

Ох, это кончилось бы очень плохо.

— Я отдам тебе копию своего договора.

— Ты подписала с ним сраный договор?

Мэйкон опустился на колени рядом с Элли, пока метал молнии взглядом. Да, Майлз позволил гневу выйти наружу. Она бы не удивилась, если бы мужчина позеленел словно Халк. Поэтому она решила сохранять спокойствие.

— Я заключила договор о том, что не буду заниматься сексом с женщиной и позволять ему какие-либо интимные прикосновения.

Мэйкон вздохнул и снова встал.

— Тогда он будет жить. Никогда не делай так снова, Эллисон. Мое сердце может не выдержать. Большой Таг был прав. Я чувствую, что мое кровяное давление повысилось. И я знаю только один способ, чтобы расслабиться.

Девушка смогла представить, какой это был способ. А потом возможности представить уже не было, потому что в комнате прозвучал громкий шлепок. Зад Элли запылал, а все ее тело напряглось, будто в ожидании шторма.

— Что бы ни случилось, ни один мужчина никогда не встанет между нами.

Мэйкон снова и снова шлепал ее по попке.

И хотя Эллисон знала, что мужчина был зол на нее, все его удары были контролируемы. Он не бил в одно и то же место дважды, и каждый кусочек боли превращал в тепло и предвкушение.

— Я никогда не уйду от тебя, Элли. Я клянусь тебе, — Мэйкон снова шлепнул ее, но потом замедлил удары и сопровождал каждое свое действие лаской. Свободной рукой мужчина проник в ее киску, усилив возбуждение девушки. — Мы можем ссориться, но я не оставлю тебя и не буду таким бревном.

Элли улыбнулась. Он быстро исправлялся.

— Утром ты был мудаком.

Мэйкон поднял ее со скамейки, продемонстрировав такую силу, которая заставила девушку ахнуть. Прежде чем Эллисон смогла возразить, Майлз бросил ее на кровать.

— Был. Мне очень жаль, детка. Я был таким дураком, что даже не попробовал твою выпечку. Испечешь снова что-нибудь для меня?

— Ты у нас кондитер, Мэйкон. Я всего лишь пыталась сделать тебе приятно и воспользовалась некоторыми рецептами.

— Из книги моей мамы.

Она кивнула.

— Так я чувствовала себя ближе к тебе.

Мужчина снял через голову футболку и отшвырнул ее в сторону.

— Давайте попробуем сделать их все, но вместе. Когда я начал работать в “Верхних”, то уже имел дело с гораздо более сложными рецептами, но я хочу сделать все, что делала моя мама. Я хочу сделать это с тобой.

Эллисон кивнула.

— И я хочу. Иди сюда, Мастер. Ты мне нужен.

Он избавился от своих джинсов, а затем сел на кровать, со вздохом отстегнув искусственную ногу. Элли встала на колени и посмотрела на Майлза. Она понятия не имела, как люди смотрели на него до взрыва, потому что даже “поврежденная” версия Мэйкон была слишком красивой.

— Только ты, детка. Только ты можешь заставить меня чувствовать себя так, — он повернулся и перевернул их обоих. — Я хочу подарить Тристану двоюродного братика. Я хочу привязать тебя к себе всеми возможными способами.

Элли не становилась моложе с годами, так же, как и Мэйкон. Девушка хотела такую семью, которую видела ночью во снах.

— Да, Мастер.

Мужчина лег на нее, раздвинул ее ноги и устроился так, как ему было удобно.

— Мне нравится, как это звучит. Мне нравится, что ты стала моей сабой, но думаю, называть тебя своей женой мне понравится гораздо больше.

Майлз двинул бедрами вверх, проникнув в Элли своей эрекцией. Девушка была скользкой и мокрой, и членом он вошел в нее настолько легко, насколько это было возможно. Внутри, его пенис ощущался невероятно большим. Эллисон заполнял ее мужчина, и ей нравилось то, как приходилось выгибаться, чтобы по-настоящему принять его. Она обернула ноги вокруг Майлза, когда он начал насаживать красотку на свой член. Мэйкон на мгновение остановился и дал ей время, чтобы привыкнуть к себе.

— Я скучал по тебе. Я скучал по всему этому.

Элли наслаждалась тем, как он придавил ее своим весом.

— Мне было так одиноко без тебя.

Эллисон несколько лет провела в одиночестве, но только когда этот мужчина покинул ее, девушка действительно ощутила пустоту.

— Я чувствую себя так хорошо. Так правильно. Я никогда не чувствовал себя так, как когда нахожусь внутри тебя.

Мэйкон по-прежнему удерживал себя над ней, властно захватив ее губы. Языком мужчина показывал ей, что должно произойти дальше.

Майлз медленно начал покачивать бедрами. Мужчина дублировал движения языка, а потом прервал поцелуй и навис над Элли.

— Я никогда не устану наблюдать, как ты кончаешь. Кончи для меня, детка. Я хочу увидеть, как ты светишься.

Мужчина стал входить в нее сильно и быстро, задевая при этом ее клитор. Мэйкон толкался в Элли своим членом до тех пор, пока не нашел ту самую точку.

Эллисон почувствовала, как распахнулись ее глаза, но она даже не попыталась остановить крик, который вырвался из ее горла в то время, как Майлз толкался в нее своим членом. Казалось, что мир вокруг разрушился и оставил после себя только наслаждение. Элли двигалась вместе с Мэйконом, в попытке поймать каждую каплю прекрасных ощущений.

Майлз смотрел на девушку, вцепившись в нее взглядом, пока его тело не напряглось, а движения не превратились в рывки. Мужчина наклонил голову вперед, пока жестко трахал Эллисон, а когда Майлз начал толкаться глубже, то девушка почувствовала теплую пульсацию у себя внутри, которая исходила от ее мужчины.

Мэйкон держал их тела соединенными между собой, как будто не мог смириться с мыслью, что мог не находиться там. Он уткнулся лицом в шею девушки, пока Элли позволяла сладостному потоку изливаться в нее.

— Ты знаешь, как ты прекрасна?

Его хриплый голос добрался до нее.

— Я чувствую себя такой только рядом с тобой, — Элли гладила его по волосам, пока упивалась тем, что этот большой, шикарный мужчина принадлежал ей. Девушка должна была спросить, почему его голос теперь звучал так хрипло. — Что случилось с твоим голосом?

Мэйкон обхватил ее за лицо и поцеловал в лоб, словно поклонялся девушке.

— Я, наконец, заплакал, детка. Я, наконец, отпустил все. Я не понимал, что пора с этим заканчивать. Я все еще злюсь на многие вещи, но знаю, что ты лучшее, что случилось со мной.

Элли обхватила его руки своими.

— Я помогу тебе. У нас не так много всего, но мы есть друг у друга, любимый.

— Да, место, где можно жить, машина и три четверти железной ноги, — прошептал Майлз и хмыкнул. — У нас есть все.

Может и не все, но этого было более чем достаточно, чтобы начать строить свое будущее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net